ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Токмакова Светлана Евгеньевна

Эволюция языковых средств передачи оценки и эмоций (на материале литературной сказки XVIII-XXI веков)

Специальность 10.02.01. – русский язык
Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук,
доцент Л.М. Кольцова

Воронеж
2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИЙ ЭМОЦИЯ И ОЦЕНКА 10

1.1.Проблема лингвистического описания языковых средств передачи эмоций 10

1.2.Лингвистическая характеристика средств выражения оценки 23

1.3.Лингвистическая характеристика экспрессивных средств с позиции современного научного знания и соотношение оценочных, эмотивных и экспрессивных элементов 43

1.4.Репрезентация эмоций и оценки как конституирующие структурные элементы художественного текста 50

ВЫВОДЫ к ГЛАВЕ 1 57

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОЦЕНКИ В ТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ 59

2.1. Язык литературной сказки как предмет лингвистического исследования 59

2.2. Оценочные языковые элементы в тексте литературной сказки 78

2.2.1. Общеоценочная лексика в тексте литературной сказки 87

2.2.2. Языковые средства репрезентации этической оценки 103

2.2.3. Языковые средства репрезентации эстетической оценки 118

2.2.4. Языковые средства репрезентации сенсорно-вкусовой оценки 123

2.2.5. Языковые средства репрезентации психологической оценки ... 127

2.2.6. Языковые средства репрезентации праксеологической оценки 131

2.2.7. Языковые средства репрезентации нормативной оценки 132

ВЫВОДЫ к ГЛАВЕ 2: 137

ГЛАВА 3. ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ 139

3.1. Номинация радости в тексте литературной сказки 147

3.2. Номинация жалости в тексте литературной сказки 150

3.3. Номинация страха в тексте литературной сказки 152

3.4. Номинация любви в тексте литературной сказки 158

3.5. Номинация удивления в тексте литературной сказки..... 160

3.6. Аксиологическая и эмоциональная эволюция русской литературной сказки 164

ВЫВОДЫ к ГЛАВЕ 3 181

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 182

Список использованной литературы..... 186

Список использованных словарей..... 205

Список художественной литературы 206

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия в разных науках (лингвистика, психология, философия) все чаще поднимается вопрос о роли и месте эмоции и оценки в жизни человека. И это неслучайно: эмоция и оценка являются результатом активного взаимодействия человека с окружающей его действительностью. Любое восприятие действительности включает в себя избирательность и соответствие или несоответствие потребностям субъекта, что подразумевает выделение из ряда подобных объектов, свойств и признаков какого-то одного. Выделение какого-то одного объекта может также производится с точки зрения его значимости в жизни человека. Следовательно, оценка (нечто значимое) тесно связана с теорией ценностей – аксиологией.

Настоящая работа посвящена рассмотрению языковых средств передачи оценки и эмоций в текстах литературной сказки на протяжении всего периода существования данного жанра.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения языковых средств передачи эмоции и оценки в детской литературе. Языковые единицы, репрезентирующие эмоцию и оценку, взаимодействуют и усиливают общее эмоциональное и оценочное содержание текста, причем в сильном художественном дискурсе единицы всех уровней направлены на ориентацию смыслового единства текста (Бабенко 1989, Кольцова 2012, Сидорова 2000). В связи с этим актуальной задачей является изучение средств и способов репрезентаций эмоции и оценки в тексте литературной сказки, а особенно рассмотрение лексического уровня языка как основного в обозначении и передаче данных категорий в тексте (Фоменко 1995, Мухина 2011).

Объектом данного исследования являются лингвистические категории эмотивности и оценочности в текстах литературной сказки (конца XVIII-начала XXI вв.).

Предметом исследования являются языковые средства реализации категорий эмотивности и оценочности в тексте литературной сказки.

Материалом исследования являются литературные сказки разных исторических периодов («Литературная сказка конца XVIII века», «Литературная сказка XIX века», «Литературная сказка конца XIX - начала XX вв.», «Литературная сказка XX века», «Литературная сказка конца XX - начала XXI вв.»). Корпус исследованных текстов создан автором исследования (в основу выбора положен принцип наибольшей популярности среди читателей, а также включение тех или иных текстов в учебники, онтологии и литературные пособия) и охватывает 308 текстов литературной сказки. Достоверность и объективность результатов исследования обеспечивается большим объемом проанализированных текстов и большим числом картотеки примеров – более 22000 единиц, а также использованием комплексной методики для изучения и рассмотрения практического материала.

Теоретическую базу настоящего исследования составили работы в области лингвистики эмоций (Л. Г. Бабенко, Н. А. Багдасарова, Л. Ю. Буянова, Э. А. Вайгла, Е. М. Галкина-Федорук, А. Б. Зотова, Н. О. Золотова, С. В. Ионова, Л. А. Калимуллина, С. В. Коростова, Т. В. Ларина, Н. А. Лукьянова, О. Р. Мокрова, Е. Ю. Мягкова, Ю. П. Нечай, Т. В. Романова, И. И. Сандомирская, Э. Ф. Сафина, И. А. Стернин, Е. В. Стрельницкая, Т. А. Трипольская, О. А. Турбина, И. Н. Худяков, А. И. Цой, В. И. Шаховский, W. Nöth), исследования по психологии эмоций (Н. Я. Батова, В. Вундт, Б. И. Додонов, К. Изард, К. Г. Ланге, А. Н. Леонтьев, К. Лоренц, Л. В. Путляева, С. Л. Рубинштейн, П. В. Симонов, Е. Д. Хомская, P. Ekman), работы по проблеме оценки (В. Е. Алексеева, Н. Д. Арутюнова, Ш. Балли, Е. М. Вольф, Г. Ф. Гибатова, Л. П. Дронова, Г. Ф. Иванова, А. А. Ивин, А. А. Карамова, Т. В. Маркелова, Л. А. Сергеева, Л. Г. Смирнова, З. Е. Фомина, Ю. А. Фомина), а также исследования по проблеме особенностей жанра сказки (Е. И. Алещенко, Л. Ю. Брауде, А. Б. Бритаева, А. С. Жиляков, О. И. Зворыгина, К. Е. Корепова, М. Н. Липовецкий, И. П. Лупанова, Е. М. Мелетинский, Л. А. Мулляр, Л. В. Овчинникова, В. Я. Пропп, М. П. Шустов).

Цель диссертации заключается в выявлении и анализе языковых средств репрезентации эмоции и оценки в текстах литературной сказки разных периодов (конец XVIII – начало XXI вв.), а также в определении тенденций и закономерностей эволюции данных средств. Поставленная цель требует решения следующих исследовательских **задач**:

1. Рассмотреть современные подходы в изучении эмоции и оценки в разных сферах научного знания;
2. Выявить способы репрезентации эмотивности и оценочности в текстах литературной сказки конца XVIII – начала XXI вв.;
3. Определить количественное соотношение языковых репрезентантов эмоций и оценок, представленных в текстах литературной сказки, для исследования эволюции данного жанра;
4. Выявить динамику эмотивных единиц в тексте литературной сказки, определить основные языковые репрезентанты доминирующих эмоций;
5. Определить динамику оценочных единиц в тексте литературной сказки, выявить доминирующие группы частной оценки;
6. Выявить эволюцию языковых средств передачи оценки и эмоции в текстах литературной сказки;
7. Представить классификацию аксиологической и эмоциональной эволюции литературной сказки на основе языковых средств выражений эмоции и оценки в текстах данного жанра.

Методологической базой данного исследования послужили концепции и выводы отечественных и зарубежных ученых (психологов, философов и лингвистов) по проблемам эмоции и оценки, а также труды по мифу и сказке (как литературной, так и фольклорной).

Методика исследования. В нашей диссертационной работе применяются общенаучные исследовательские методы, в том числе синтез и анализ эмпирического материала, описательный метод, который позволяет обобщить и классифицировать полученный фактический материал. При рассмотрении семантики эмотивных и оценочных единиц использовались

внутрисистемные (структурные) методы (компонентный, дефиниционный и оппозитивный анализы). В данном диссертационном исследовании проведён также количественный подсчёт употребленных в текстах литературной сказки эмотивных и оценочных единиц, в результате которого выявлены и обозначены наиболее часто употребляемые в тот или иной период средства репрезентации категорий эмотивности и оценки. Для выявления исторической динамики эмотивных и оценочных единиц применялись структурный, сравнительно-исторический и сопоставительный методы.

Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении языковых единиц, определяющих ценностные ориентиры литературной сказки конца XVIII – начала XXI вв. Впервые предпринимается попытка сопоставительного и функционального анализа эмотивных и оценочных единиц в текстах литературной сказки. Помимо этого, впервые в текстах литературной сказки выявляется частота употребления основных средств реализации категорий эмотивности и оценочности с последующим выявлением особенностей аксиологической и эмоциональной эволюции литературной сказки.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Эмотивность и оценочность представлены на разных языковых уровнях в текстах литературной сказки: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, среди которых основным является лексический.
2. Эмоции репрезентируются в текстах литературной сказки лексемами разного частеречного состава, среди которых преобладают предикаты (37,5%), номинативы (30%) и адъективы (25,5%). Наиболее часто репрезентируемыми эмоциями являются *радость, любовь, страх, удивление, жалость*, которые широко представлены в тексте литературной сказки с помощью лексических единиц языка.
3. Оценочная лексика в текстах литературной сказки выражает как общую, так и частную оценку (эстетическая, этическая, нормативная, психологическая, сенсорно-вкусовая, праксеологическая), среди которой

преобладают *психологическая (33,53%), этическая (31%)* и *эстетическая (15,68%)*. Количественный показатель общих и частных оценок варьируется в зависимости от исторического периода, в котором была написана литературная сказка. Наиболее заметная эволюция языковых средств, передающих оценку, наблюдается в следующие периоды бытования литературной сказки: «Литературная сказка конца XVIII века», «Литературная сказка XIX века», «Литературная сказка конца XIX - начала XX вв.», «Литературная сказка XX века», «Литературная сказка конца XX - начала XXI вв.».

4. Для литературной сказки характерна постепенная, но последовательная смена языкового воплощения идеального мира, мира духовных ценностей на отражение и описание мира вещественного: начиная с XIX века в текстах литературной сказки происходит вытеснение из аксиологической картины мира явлений идеального порядка и концентрация внимания на вещественных, сугубо материальных явлениях, которое достигает максимального числового значения (66,3%) в текстах XXI века.

Теоретическая значимость заключается в выявлении специфики репрезентации категорий эмоции и оценки в текстах литературной сказки на протяжении всего периода существования данного жанра. Теоретическая значимость также заключается в определении динамики и характера эмотивных и оценочных единиц в сфере языковых репрезентантов с представлением количественных данных относительно употребления в текстах литературной сказки рассматриваемых категорий, а также составлением классификации текстов литературных сказок.

Практическая значимость исследования и рекомендации по использованию результатов данного диссертационного исследования состоят в возможности применения его материалов в теоретических курсах лингвистики, в том числе лингвистике текста, в курсах изучения детской литературы, а также в рамках спецкурсов по эмотивной и оценочной семантике.

Апробация материалов исследования. Результаты исследования докладывались и обсуждались на следующих международных и межвузовских научно-практических конференциях: «Русское национальное сознание в его языковом воплощении: прошлое, настоящее, будущее», XXX Распоповские чтения (ВГУ, Воронеж, 2012г.), «Новые направления в современной лингвистике», XXXI Распоповские чтения. (ВГУ, Воронеж, 2013г.), «Ломоносов – 2013», международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (МГУ, Москва, 2013г.), «Проблемы онтолингвистики – 2013», международная научная конференция (РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, 2013г.), «Русистика в системе современного научного знания»: XXXII Распоповские чтения (ВГУ, Воронеж, 2014г.), «XIX Шешуковские чтения: Текст в художественном литературе, публицистике журналистике» (МГПУ, Москва, 2014г.), «Грамматические учения в XXI веке: традиции и перспективы»», XXXIII Распоповские чтения» (ВГУ, Воронеж, 2015г.), «Ломоносов – 2015», международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (МГУ, Москва, 2015г.), «Проблемы онтолингвистики - 2015» (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 2015г.)

Результаты исследования также отражены в 17 публикациях, в том числе в 5 публикациях ВАК.

Объём и структура работы. Диссертация, выполненная на 211 страницах машинописного текста, состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы, списка использованных словарей и списка художественной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИЙ ЭМОЦИЯ И ОЦЕНКА

1.1.Проблема лингвистического описания языковых средств передачи эмоций

Эмоции, являясь проявлением высшей нервной деятельности человека, входят в предмет изучения различных наук: психология, лингвистика, физиология, философия. Именно эмоции, которые вербализируются в дифференциальных эмотивных знаках, отражая определенное отношение человека к окружающей его действительности, представляют собой важную составляющую человеческой жизни. Дэниел Гоулман считает, что изучение природы человека, которое игнорирует эмоции, является недальновидным и близоруким. Более того, именование человека существом разумным (homo sapiens) представляется не совсем точным [Goleman 1997: 4]. Еще более 100 лет назад психолог А. Бине заключил, что первоначально мысли человека возникают в виде определенных эмоциональных образов, которые потом приобретают словесные организации. Данная теория полностью совпадает с современными исследованиями (В. И. Шаховский, Р. Браун, В. Б. Касевич, Н. Ф. Алефиренко и др.). Н. Ф. Алефиренко, подчеркивая важное место эмоций в жизни человека, отмечает: «…обнаружены биологические предпосылки раннего общения ребенка со взрослыми. Вначале — это общение на уровне эмоций. Эмоциональное состояние матери воспринимается ребенком еще в утробе» [Алефиренко 2004: 34]. В. И. Шаховский отмечает, что «эмоциональное отражение действительности в языке происходит через эмоциональный вид познания, при котором субъект отражает мир и его предметы в форме эмоциональных образов» [Шаховский 2010: 47]. Эмоциональные образы отражают действительность, преломленную через потребности и интересы субъекта. Справедливо замечание В. И Шаховского: человек является не только homo sapiens, но и homo sentiens. Большой энциклопедический словарь среди

базовых функций языка выделяет не только коммуникативную, когнитивную и метаязыковую, но и эмотивную, которая заключается в способности языка «быть одним из средств выражения чувств и эмоций» [БЭС: 564]. Р. Якобсон соотносит данную функцию с желанием «произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных» [Якобсон 1975: 198]. Многие исследователи выделяют эмотивную функцию как одну из основных функций языка (И. А. Сапожникова, Г. С. Зенков, У. Эко, Л. П. Иванова, Н. Б. Мечковская, Н. А. Николина, О. Е. Филимонова, Н. Ф. Алефиренко).

Л. Г. Бабенко, Н. А. Красавский, Е. Ю. Мягкова, В. И. Шаховский отмечают, что оставление без научного внимания эмоций человека или просто их недооценка в контексте лингвистических исследований означает однобокость последних. Следует учитывать, что источником лингвистического исследования человеческих эмоций выступает сам язык, который не только номинирует, выражает и описывает эмоции, но и формирует эмоциональную картину мира людей, представляющую собой часть той или иной культуры. Именно язык является не только объектом, но и инструментом для изучения эмоций. Таким образом, сами эмоции и способы их выражения в языке занимают одно из главных мест среди предметов изучения современной лингвистики, которая рассматривает эмоции в узком и широком смыслах. В узком смысле данная категория соотносится с эмотивной лексикой и рассматривается как отдельный компонент коннотации (В. Н. Телия, Г. В. Токарев) или в совокупности с каким-либо из компонентов коннотации: экспрессивностью или оценочностью (Е. М. Вольф, Н. А. Лукьянова). При широком понимании категория эмотивности включает в себя все языковые средства выражения эмоций и эмоциональной составляющей языковой личности, также отмечается возможность существования эмоциональной коммуникации и эмоционального (эмотивного) текста (Л. Г. Бабенко, С. В. Ионова, М. Х. Галиев).

Прежде чем приступить к изучению языка эмоций, необходимо понять: что такое эмоция. Для ответа на этот вопрос необходимо учитывать данные других наук.

Проблема эмоций активно рассматривалась ранее и изучается сейчас в **философии**. Это связано с желанием человека не только лучше понять окружающий мир и свое место в нем, но и изучить себя самого. Практически все философские направления и школы рассматривали *эмоции* под влиянием той или иной мировоззренческой системы.

Самые ранние попытки изучения эмоций мы находим в трудах античных философов. Платон первый в истории науки указал на то, что наличие и образование эмоций связано с определенными образованиями нервной системы. Рассуждая о природе эмоции, Р. Декарт заключает, что главное отличие «страстей души» от других психических процессов, происходящих в организме человека, заключается в их активном влиянии на другие виды психической деятельности: «Их можно было бы также назвать чувствами, потому что они появились в душе тем же путем, как и воспринимаемое внешними чувствами, и также познаются ею. Но еще лучше было бы назвать их движениями (emotions) души не только потому, что так можно назвать все изменения, происходящие в душе, то есть все различные ее мысли, но главным образом потому, что из всех видов присущих ей мыслей нет других, которые бы ее больше волновали и сильнее потрясали, чем страсти» [Декарт 1950: 609-610]. Многие философы (К. Юнг, И. Кант, Б. Спиноза, Г. В. Ф. Гегель) разграничивали понятия эмоция, аффект, чувство. И. Кант метафорично отмечает: «Аффект действует как вода, прорывающая плотину; страсть действует как река, все глубже прокапывающая свое русло... Аффект подобен опьянению, которое проходит после сна, хотя от него и остается головная боль; страсть надо рассматривать как болезнь от отравления ядом или уродство...» [Кант 1965: 497]. Философия определяет эмоцию как некую особую форму оценочного отношения к окружающей действительности и отражение подобного отношения в языке.

Психология, принимая во внимание философские мысли и идеи, предлагает свой взгляд на сложное понятие «эмоция».

В психологическом словаре дается следующее определение понятию эмоция: «Эмоции (от лат. emovere – возбуждать, волновать) – особый класс психических процессов и состояний, связанный с инстинктами, потребностями и мотивами, отражающих в форме непосредственного переживания (удовлетворения, радости, страха и т.д.) *значимость* действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности» (курсив мой – С. Т.). Е. Д. Хомская и Н. Я. Батова в своей работе указывают на неточность данного определения в связи с тем, что оно «упускает» ряд значимых моментов в понимании изучаемого предмета: а) не находит отражения связь эмоций с бессознательной сферой, б) имеется указание на отношение эмоций к жизнедеятельности человека (а не деятельности); в) не отражена специфика возникновения эмоций; г) нет упоминаний относительно закономерности их функционирования и др. [Хомская, Батова 1992: 11].

А. Н. Леонтьев отмечает, что «эмоции – особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями и мотивами. Эмоции выполняют функцию регулирования активности субъекта путем отражения *значимости* внешних и внутренних ситуаций для осуществления его жизнедеятельности» [Леонтьев 1970: 553] (курсив мой – С. Т.). Человек является частью окружающего мира, он не только в нем существует, активно познает как сам мир, так и его составляющие, но и, естественно, изменяет его в связи с тем, что не является простым бесстрастным созерцателем. Эмоции представляют собой своеобразный катализатор для внешнего по отношению к человеку мира, указывая на значимые вещи для индивида. По мнению С. Л. Рубинштейна, эмоции являются выражением состояния субъекта и его отношения к объекту [Рубинштейн 1973: 232].

Следует отметить, что существующее в психологии и философии противопоставление терминов «чувство» и «эмоция», которые обозначают

дифференциальные формы эмоциональных явлений, нами во внимание не принимается, так как язык в равной степени способен обозначать указанные понятия. В связи с этим в нашей работе слово *эмоция* является синонимом лексемы *чувство*, обозначающей «внутреннее эмоциональное переживание».

За последнее время появилось большое количество работ, связанных с изучением эмоций, и, соответственно, предлагаются различные их классификации, в основу которых положены разные принципы.

В. Вундт предлагает распределять эмоции по трехмерной схеме согласно разным основаниям:

1) характер возникновения процесса: возбуждение → успокоение → подавленность;

2) характеру протекания процесса: напряженность → разрядка;

3) осознанное отношение индивида: удовольствие → неудовольствие [Вундт 1984: 49]. Б. М. Величковский подчеркивает, что данная трехмерная теория эмоций предполагает возможность «размещения» всего содержания сознания в трех координатах «удовольствие / неудовольствие», «возбуждение / успокоение», «напряжение / расслабление» [Величковский 2006: 45].

П. В. Симонов выдвигает потребностно-информационную теорию, в основу которой положена зависимость от величины потребности, вероятности ее удовлетворения и, соответственно, характера действий. По характеру действий выделяются две основные группы:

- контактное взаимодействие с объектом;
- дистанционное взаимодействие с объектом: действия овладения объектом, действия защиты объекта, действия борьбы за объект. [Симонов 1981: 142; 1982: 49].

Данная теория в 70-80гг XX века «столкнулась» с ценностной теорией Б. И. Додонова, что привело к широкой дискуссии в научных кругах.

Б. И. Додонов предлагает рассматривать эмоции на основании их ценностного содержания и выделяет следующие группы: 1) альтруистические

(*сопереживание, жалость*); 2) коммуникативные (*уважение, благодарность*); 3) глорические (*самолюбие, гордость*); 4) праксические (*желание добиться успеха в работе*); 5) пугнические (*решительность, азарт*); 6) романтические (*стремление к необычному*); 7) гностические (*удивление*); 8) эстетические (*желание красоты*); 9) гедонистические (*веселье, безмятежность*); 10) акизитивные (*стремление коллекционировать*) [Додонов 1978: 29-30].

Многие исследователи пытаются, опираясь на разные основания, выявить базовые эмоции — то есть такие, из которых складывается всё многообразие эмоциональной стороны человеческой жизни. Состав базовых эмоций разными учеными представляется по-разному (М. Арнольд, П. Экман, Н. Фрижда, Дж. Грей, К. Изард, У. Джеймс, У. Макдауэлл, О. Морер, К. Отли, П. Джонсон-Лэрд, Дж. Панксепп, Р. Плучик, С. Томкинс, Дж. Уатсон, Б. Уэйнер). К. Изард, определяя эмоции как «нечто, что переживается как чувство (feeling), которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия», отмечает, что изучать необходимо лишь базовые эмоции, к которым он относит *радость, горе-страдание, печаль, удивление, вину, гнев, презрение, интерес-волнение, отвращение, стыд, смущение* [Изард 1980: 27]. Все остальные эмоции (не базовые), по мнению К. Изарда, являются производными от базовых [К. Изард 1980: 236]. К. Изард выделяет следующие основные признаки базовых эмоций: 1) базовые эмоции представляют собой специфические и отчетливые нервные субстраты; 2) базовые эмоции проявляются при помощи мышечных движений лица; 3) базовые эмоции являются результатом определенных эволюционно-биологических процессов; 4) базовая эмоция предполагает специфическое и отчетливое переживание, осознаваемое индивидом; 5) базовая эмоция оказывает мотивирующее и организующее влияние на индивида, а также способствует его адаптации [Изард 2012: 63-64]. Но К. Изард отмечает также, что не все базовые эмоции соответствуют выделяемым критериям. С. Томкинс указывает на существование 10 основных (фундаментальных) эмоций, каждой из которых свойственно: специфический нервный субстрат, характерные мнемические

комплексы и отличное от других субъективное качество. П. Экман к базовым эмоциям относит: *радость (довольство), удивление, печаль (грусть), гнев (злость), отвращение, презрение, страх*. Е. Ю. Мягкова отмечает (ссылаясь на работы А. Ортони и Н. Бранскомба), что существуют исследования эмоций, в которых указывается на их различие и по отношению к «базовости». Иначе говоря, некоторые эмоции являются более базовыми, чем другие. «Проклассификации» и базовые эмоции можно найти в идеях еще античных философов. Основанием для включения в группу «базовые эмоции» разными исследователями предлагаются разные признаки.

Существует еще целый ряд оснований, по которым разделяются эмоции. Отметим некоторые из них:

Интенсивность: интенсивность эмоций зависит от уровня активации организма (неприязнь/ненависть). В момент возникновения эмоции степень ее интенсивности может быть измерена по физиологическим показателям специализированными приборами, а также может быть выражена с помощью языка, реализуя в речи эмотивно-экспрессивные возможности единиц разных языковых уровней

Длительность: согласно данному критерию определяются особенности временного протекания эмоций. Большинство эмоций характеризуются кратковременностью.

Полярность: эмоции могут быть противопоставлены по своему знаку: положительные (*радость*) и отрицательные (*страх*). Различные эмоциональные состояния человека являются результатом оценки удовлетворения его потребностей. При маловероятном удовлетворении определенной потребности возникает отрицательная эмоция, при возможном удовлетворении данной потребности появляется положительная эмоция. Но в жизни человека полярные эмоции могут образовывать и противоречивое единство. Смешанными эмоциями в отечественной психологии активно занимался П. В. Симонов. Интересная «эмоциональная» закономерность отмечена в языке: отрицательные эмотивные единицы заметно преобладают в

словарях разных языков, тогда как в речевой практике человека чаще используются эмотивы с положительным знаком [Шаховский 2010: 18].

Мы рассматриваем эмоции в текстах литературной сказки, читателем которых является ребенок, следовательно, следует отметить, что развитие эмоций зависит от развития личности. Особенно необходимо осознавать важность эмоций в онтогенезе ребенка. Изучая язык, ребенок познает слова, ориентируясь, прежде всего, на свой собственный эмоциональный опыт, опираясь на условно называемые первичные (элементарные) эмоции. Данный факт можно объяснить тем, что переход от предметной деятельности к речевой у ребенка осуществляется в процессе, в котором базовым элементом выступает образ, эмоциональный по своей природе [Харисов 2001: 6-7]. К. Б. Мечковская отмечает, что проявление эмоционально-эстетического отношения к языку у ребенка проявляется раньше метаязыковой рефлексии [Мечковская 2001: 261]. Эмоции, появившиеся на определенном этапе онтогенеза, являются следствием опыта и продолжением тех же эмоции на предыдущем этапе. Когда определенный этап в жизни человека сменяет другой, то одновременно одна система эмоций сменяется другой [Рубинштейн 2002: 211]. В связи с этим важно изучить не только языковые средства выражения эмоций, их характеристики и признаки, но и то, какие эмоции предлагаются ребенку через художественный текст детской литературы.

Многие исследователи (П. В. Симонов, О. К. Тихомиров, Я. Рейковский, Л. В. Путляева, В. А. Ковшиков, В. П. Глухов и др.) отмечают и значительную связь и взаимовлияние ratio и emotion, что также важно в процессе онтогенеза. Окружающий мир воспринимается человеком рационально и эмоционально. «Эмоциональное отношение (состояние) может стать предметом отражения в языке и, следовательно, быть осознаваемым членами языкового коллектива» [Шаховский 2010: 42]. Следовательно, эмоции могут быть выражены с помощью языковых средств и таким образом включены в коммуникацию, в которой эмотивное значение лексем будет адекватно восприниматься ее участниками и, что не менее важно, в равной степени соотноситься с

определенными представлениями об объекте эмоций. В процессе речевой деятельности эмотивная лексика осознанно отбирается говорящим, что означает контроль рациональной сферы эмоциональной. Эмоции представляются мотивационной основой сознания и языкового поведения человека. По замечанию В. И. Шаховского, мышление среди разных типов активностей включает и эмоции, так как «и рефлектирование, и антиципация, и воображение, и намерение, и воспоминание, и понимание, и, тем более, интроспектирование (как и все остальные активности мышления) осуществляются на базе эмоциональных мотивов Homo sentiens» [Шаховский 2010: 42]. Л. В. Путляева, определяя функции эмоций, отмечает их взаимосвязь с мыслительной сферой человека: а) эмоции являются составной частью познавательных потребностей; б) эмоции являются регулятором познавательного процесса; в) эмоции представляются результатом деятельности субъекта [Путляева 1979: 29]. Подчеркивая связь разума и эмоций, В. А. Ковшиков и В. П. Глухов отмечают, что при рассмотрении сложных отношений «психика» - «язык» стоит учитывать нераздельную «связь в психической деятельности рационального и эмоционального» [Ковшиков, Глухов 2007: 120-121]. Данная взаимосвязь находит свое отражение в когнитивной теории эмоций (эмотиология), которая, являясь синтезом когнитивной психологии и лингвистики, определила новый подход к изучению эмоций. В основе исследований по эмотиологии лежат данные, полученные из смежных областей знаний. Как пишет В. И. Шаховский: «эмотиология – наука о вербализации, выражении и коммуникации эмоций». Эмоции изучаются в тесной взаимосвязи с когнитивными процессами, где связь определяется следующим образом: «когниция вызывает эмоции, так как она эмоциогенна, а эмоции влияют на когницию, так как они вмешиваются во все уровни когнитивных процессов» [Мокрова 2008: 560]. Изучение эмоций с лингвистической точки зрения представляется достаточно сложным, что обусловливается невозможностью беспристрастного наблюдения при изучении чувственного компонента окружающей действительности

исследователем. Суть лингвистического подхода к изучению эмоций состоит в следующем: субъект действительности (человек) взаимодействует с окружающим миром и, соответственно, отражает его часть (значимое с точки зрения субъекта) в своей речевой практике. Сам процесс отражения эмоций, по мнению О. Р. Мокровой, регулирует эмоции, которые являются посредниками отражения мира в языке, поскольку демонстрируют значительность объектов мира для говорящего и слушающего [Мокрова 2008: 561].

В лингвистике большинство исследователей разграничивают понятие *эмотивность* и *эмоциональность*. Т. В. Ларина подразумевает под «эмоциональностью» неожиданное проявление эмоций, в таком случае происходит сосредоточение в большей степени на субъекте («эмоции для себя»). «Эмотивность» же является сферой сознательного, так как те или иные эмоции были запланированы, соответственно, происходит сосредоточение на объекте («эмоции для других») [Ларина 2004: 37].

В. И. Шаховский разграничивает данные понятия, опираясь на разные сферы употребления: «Эмотивный – то же, что эмоциональный, но о языке, его единицах и их семантике. Эмотивность – имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики…» [Шаховский 2008: 24]. Такого же мнения придерживается и А. В. Кунин, считающий, что «эмотивность – это эмоциональность в языковом преломлении, выражение языковыми средствами чувств, настроений, переживаний человека» [Кунин 1986: 153]. Таким образом, под эмотивностью мы будем понимать выражение эмоций (или чувств) человека языковыми средствами разных уровней.

Изучение эмотивных компонентов языковых единиц началось с исследования эмотивной семантики слова. Это можно объяснить тем, что слово является не только основной, часто употребляемой, но и более подвижной единицей языка. Эмоции не только «проникают» в слова, хранятся в них, но и с их помощью воспроизводятся и воссоздаются заново. В. И.

Шаховский отмечает: «фиксирование эмоциональных процессов проходит посредством психического механизма их отображения в семантике слов, используемых для вербализации эмоциональных взаимоотношений коммуникантов. Отображение видового опыта эмоционального состояния локализуется в смысловой структуре соответствующих слов – образов тех объектов, с которыми они соотносятся. Это отображение кодируется в слове специфическими компонентами его семантики, которые и формируют эмотивность слова, то есть его семантическую способность репродуцировать в соответствующих типизированных условиях видовой опыт вербального выражения определенных эмоциональных отношений субъектов. Эмоция «хранится» в слове в виде идей о ней, эта идея может «оживать» и «разворачиваться» до соответствующей данному моменту переживаемой человеком эмоции» [Шаховский 2008: 6].

В лингвистике не существует единого мнения относительно состава эмотивной лексики.

З. Е. Фомина выделяет следующие группы слов как эмотивы:1) слова с формальным выражением субъективной оценки; 2) междометия, частицы, а также аффективы (инвективы, бранные слова, ругательства и др.); 3) названия эмоций; 4) слова, которые в семантической структуре содержат эмоционально-оценочный компонент; 5) оценочные слова [Фомина 1996: 13]. Нам кажется, что категория «оценочные слова» не является тождественно равной категории «эмотивные единицы», соответственно, не может быть выделена в группе эмотивных элементов.

Л. Г. Бабенко определяет состав языкового эмотивного фонда следующим образом: 1) слова с эмотивной семантикой в статусе значения (слова-аффективы, которые выражают эмоциональное состояние говорящего – междометия и междометные слова, бранная лексика); 2) эмотивность находится в статусе созначения (коннотация) 3) лексика эмоций (это слова, которые не выражают эмоции непосредственно, а называют их [Бабенко 1989: 4]. Е. М. Галкина-Федорук в состав эмотивной лексики включает следующие

единицы:1) слова, обозначающие чувства (*грусть, грустный*); 2) слова, характеризующие предмет с положительной или отрицательной стороны и выражающие эмоциональное отношение к ним (*глупец, дорогой*); 3) слова, выражающие чувства контекстуально (*змея, осел*). Д. Н. Шмелев и И. Б. Голуб предлагают к лексемам с эмотивным значением относить: 1) метафоры с эмотивным значением, которое обусловливается яркой внутренней формой (*ишак, гусь*); 2) лексемы с эмоционально-оценочным значением, которое создается значением производящего слова (*неуч, бездарь*); 3) эмоционально-оценочные слова, которые являются непроизводными единицами (*фифа, хмырь*). Существенным недостатком, на наш взгляд, в данном подходе является выделение в качестве эмотивной лексики лишь таких языковых единиц, которые содержат в своих значениях эмоциональную оценку явлений и предметов окружающей действительности.

Наиболее спорной среди выделяемых исследователями эмотивных единиц представляется группа «названия эмоций». Главным аргументом в пользу того, что номинативы эмоций не относятся к эмотивной лексике, является то, что язык не имеет вторичную знаковую систему, раскрывающую его смыслы [Арутюнова, 2000: 8]. По мнению В. И. Шаховского, «денотативным содержанием названий эмоций являются объективные свойства эмоций, компонента их семиологической ценности - выражения эмоционального отношения в семантике таких слов нет» [Шаховский 1987: 93-94]. Согласно другой точке зрения (В. Н. Телия, И. И. Сандомирская), эмотивность представляет собой элемент коннотативного значения слова. Коннотация, безусловно, выражает субъективную направленность лексемы и содержит информацию о личности говорящего, а также характеристику коммуникативной ситуации (И. А. Стерин, Л. Г. Бабенко, В. Н. Телия). Но нам кажется, что сужение понятия эмотивности до коннотативного значения, а также исключение названий эмоции из круга эмотивных единиц не вполне оправдано. Л. А. Калимуллина по этому поводу отмечает: «совершенно очевидно, что субъект речи, интенционально или неинтенционально

употребляющий обозначения эмоций (например: *Я беспокоюсь за него* или *Мне страшно*), одновременно в понятийной форме выражает свое внутреннее состояние» [Калимуллина 2006: 71]. Гак В. Г. выделяет два вида эмотивных единиц: слова, выражающие эмоции, и слова, сообщающие о них.

В. И. Шаховский предлагает следующие виды эмотивного значения, разделяя описание и выражение эмоций: дескриптивное значение, эмотивное значение (единственное содержание аффективного слова) и эмотивную коннотацию слова («эмоциональная добавка»).Таким образом, В. И. Шаховский определяет языковые элементы с эмоциональным компонентом как лексику эмоций и эмотивную лексику, включая в лексический фонд эмотивных средств языка следующие единицы: 1) «аффективы» (эмотивный компонент является единственным в его лексическом значении (*голубушка*). Для лексем данной группы характерна лишь единственная семиологическая функция: говорящий выражает сильные эмоции; 2) «коннотативы» (эмотивная семантика имеет статус коннотации (*медведь*)). Для семантики лексем данной группы характерна двусоставная структура: обозначение объекта действительности через логико-предметный компонент значения, а также выражение эмоционального отношения к данному объекту через коннотативный семантический компонент; 3) нейтральная лексика, являющаяся неэмотивной в языке, но способная приобретать эмотивность в речи благодаря какой-либо эмоциональной ситуации [Шаховский 2008: 46]. В связи с этим интересным представляется понимание потенциальных эмотивов, которые выделяются не всеми исследователями. С. В. Ионова относит к потенциально эмотивной лексике слова, которые указывают на причину, косвенный признак эмоции, результат, а также слова, которые обозначают способы невербального выражения эмоций (например, *to grin, to weep, to snivel; светиться (от счастья), хлопать в ладоши (от радости)* и др. [Ионова 1998: 69]. Сторонники данного подхода предполагают наличие у любого или практически любого слова, которое существует в индивидуальном лексиконе человека, при определенных обстоятельствах наличие эмоциогенности

[Золотова 1990: 84]. Е. Ю. Мягкова подчеркивает, что непосредственно эмотивные единицы для носителя языка составляют малую часть всего того многообразия слов, использует он которые для выражения своих эмоций и чувств [Мягкова 2000: 31]. «Во многих случаях языковая единица системно неэмоциональна, но при этом существует ее потенциальная эмоциональность – речевая, контекстуальная. Эмоциональность говорящего может найти реализацию в любом слове» [Стернин 2009: 48]. А. В. Кинцель также отмечает, что любая лексема способна стать «репрезентантом определенной эмоции в конкретном тексте» [Кинцель 1998: 39]. Эмотивный потенциал семантики нейтрального слова, который, как отмечает В. И. Шаховский, может быть ингерентным (языковым) и адгерентным (контекстуальным), можно объяснить тем, что некий объект действительности представляется для человека интересным, следовательно, незначительные компоненты содержания понятия об этом объекте могут являться в конкретной ситуации существенными и получать эмоциональное осмысление. Соответственно, нейтральные слова приобретают эмотивный компонент. Следует отметить, что состав любого наименования эмоции включает эмотивные микрокомпоненты, увеличивающие их эмотивную валентность (термин В. И. Шаховского) и усиливающие их способность к адгерентной эмотивности. Следовательно, названия эмоций более склонны вбирать эмотивность в контексте, чем другие неэмотивы.

Таким образом, понимая сущность эмоций, их роль в жизни человека, зная языковые способы их репрезентации, можно более детально изучить тексты литературной сказки на предмет их полезности при становлении и развитии личности ребенка.

1.2.Лингвистическая характеристика средств выражения оценки

В лингвистической науке часто соотносятся понятия *эмоция* и *оценка*. Некоторые исследователи понимают оценку как прототип эмоции, при этом осмысляя эмоцию как форму оценки окружающей действительности. W. Nöth

отмечает: «мы испытываем определенную эмоцию к X, что соотносится с положительной, отрицательной или нулевой оценкой» (цит. по: [Шаховский 2010: 72]). На наш взгляд, это можно объяснить сходством данных понятий в освоении и «обработке данных» внешнего мира человеком. Эмоции показывают *значимость* того или иного явления окружающей действительности для жизнедеятельности субъекта, что заключается в удовлетворении/ неудовлетворении каких-либо потребностей. Оценка отражает *ценностное* осмысление действительности. И. В. Чекулай в своей работе цитирует Ж. Вандриеса: «Говоря *Петр бьет Павла*, я как будто выражаю только отношение между двумя лицами, соединенными отношением битья <…> но на деле никогда подобная фраза не является только логическим выражением отношения; я всегда вношу в нее аффективные оттенки. Мне никогда не безразличен тот факт, что Петр бьет Павла; если бы этот факт был мне безразличен, я не говорил бы о нем вовсе» (цит. по: [Чекулай 2006: 75]). Понятие ценности, которое значимо и для эмоции, и для оценки, достаточно широко изучается разными науками. Фридрих Ницше писал о ценностях следующее: «Ни один народ не мог бы жить, не сделав сперва оценки; если он хочет сохранить себя, он не должен оценивать так, как оценивает сосед... Скрижаль добра висит над каждым народом. Взгляни, это скрижаль преодолений его... Похвально то, что кажется ему грудным; все неизбежное и трудное называет он добром; а то, что еще освобождает его от величайшей нужды, - редкое и самое трудное - зовет он священным... Все, способствующее тому, что он господствует, побеждает и блестит на страх и зависть своему соседу, - все это означает для него высоту, мерило и смысл всех вещей... Многое, что у одного народа называется добром, у другого называется глумлением и позором...Поистине люди дали себе все добро и все зло свое... Человек сперва вкладывал ценности в вещи, чтобы сохранить себя, - он создал сперва смысл вещам, человеческий смысл! Поэтому называл он себя «человеком», то есть оценивающим. Оценивать - значит созидать... Оценивать - это драгоценность и жемчужина всех оцененных вещей. Через оценку

впервые является ценность; и без оценки был бы пуст орех бытия…» [Ницше 1990: 42.]

Таким образом, в ценностях заложено человеческое естество, все общее и индивидуальное. Оценивать – значит вводить что-либо в область человеческих смыслов. Система ценностей является формой ответа на насущные потребности индивида, она стимулирует преобразования и стремится к построению приемлемого для человеческого существования мира [Докучаев 2009: 159]. А. В. Кирьякова указывает на три стадии формирования ценностных ориентаций в процессе личностного развития: первая фаза – приобретение ценностей; вторая – преобразование личности на основе приобретенных ценностей; третья фаза – результат усвоения ценностей: проектирование и формирование критериев ориентации в поведенческой сфере.

Само понятие *ценность* встречается во многих языках наряду с понятиями *оценка, цена*. Т. В. Чапля отмечает, что в русском языке слово «ценность» связана с лексемой «цена», первоначальным значением которой было «возмездие, воздаяние», позднее в слове отмечается значение «вира», «штраф», то есть то, чем возмещался ущерб, позднее лексема «цена» употребляется в значении «стоимость чего-либо», а «ценить» - означает «высоко ставить, придавать достоинство». «Достоинство» в ряде других славянских языках означает «соответствие», «приличие» и «соразмерность» [Чапля 2006: 11]. Рассмотренные автором слова выражают свойство, принадлежащее вещам, которое их делает нужными человеку, маркируя факт объективного существования вещей, необходимых человеку. Т. В. Чапля также рассматривает два значения слова «ценность», закрепленных в языке: идеальное и реальное (материальное), отражающее общественное положение и нечто, доставляющее человеку удовлетворение, не только физическое, но и духовное [Чапля 2006: 11]. Такая многозначность создает широкое поле для споров в научной среде. Соответственно, ценности являются предметом изучения не только в лингвистике, но и социологии, психологии, истории,

культурологии, философии. В связи с этим имеется достаточно полное представление о природе, функциях и механизмах действия ценностей.

Сегодня в науке существует множество определений ценности, но все они различаются лишь деталями. А. Ивин считает, что «суть их обычно одна: ценностью объявляется предмет некоторого интереса, желания, стремления и т. п.» [Ивин 1970:115], то есть объект значимый для человека или группы лиц. Таким образом, ценностью является, по мнению Р. Б. Перри, «любой предмет любого интереса». На подобные определения накладывает отпечаток убеждение, что «истина – это свойство мыслей, правильно отображающих действительность, а ценность – свойство самих вещей, отвечающих каким-то целям, намерениям, планам и т. п.», необходимо отметить, что и ценность, и истина не есть свойство, но – отношение «между мыслью и действительностью» [Ивин 2010: 34]. В этой связи Ф. Д. Гильдебранд писал: «Ценность - это такая же данность, как истина, существование, познание, сущность»; ценности объективны в том смысле, в каком они есть неотъемлемые свойства объектов; «объект обладает ценностью даже помимо любой мотивации» субъекта [Гильдебранд 1997: 111, 118].Таким образом, ценность – это идеальная модель какого-либо явления, когда идеальность – это некие требования, предъявляемые к определенному явлению, которое нужно или изменить, или соотнести (оценить) в соответствии с определенной моделью [Докучаев 2009: 17]. Дело в том, что знать можно не только истину. К концу XIX века стало очевидным, что человек не может существовать без активного воздействия на мир [Ивин 2010: 48]. С того момента к знанию принято относить ценности, то есть суждения не о том, что есть, а о том, что должно быть. «Знать можно не только истину, но и добро, и прекрасное, не сводимые к истине» [Ивин 2010: 132]. Ценность не является структурой внешней по отношению к объекту, но существенной его частью, конкретная ценность – «часть структуры ценностей или структуры культуры как целостного исторического типа» [Докучаев 2009: 24].

Ценности устанавливают сущность человеческого бытия, экзистенциально определяют место индивида в мире. Человека отличают разум, общество, культура. Эти отличия, по мнению И. И. Докучаева, есть условия бытия человеческой субъективности. Человек не может быть типичным, только – уникальным, это его и отличает от других форм существования, а ценности наполняют эту уникальность, следовательно, ценность - «есть суть человеческой экзистенции и должна быть исследована в первую очередь, если мы хотим понять человека как человека, т. е. экзистенциально» [Докучаев 2009: 587].

В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов, Ю. А. Левада, И. В. Бестужев-Лада, Ю. Д. Гранин, Н. С. Кузнецов, Л. П. Фомина, Г. Л. Головных, О. Г. Дробницкий, В. П. Тугаринов, А. М. Коршунов, В. В. Мантатов, Е. А. Подольская, Е. В. Боголюбова, С. Ф. Анисимов, С. И. Попов в основе ценностей назвали возможность какого-либо предмета или явления удовлетворить потребности человека. Выделяются две особенности, характеризующие ценность: включенность их в человеческую деятельность, соотнесение чего-либо с представлениями о ценностях.

В. Сагатовский, И. Зеленкова, Н. Чавчавадзе определяют ценности с позиций их функциональности. И. О. Нарский, В.А. Василенко и др. выделяют в ценностях отношение между субъектом и объектом.

Е. Ф. Серебренникова характеризует ценности следующим образом:

а) обобщают представления людей о нормах и целях поведения;

б) играют роль фундаментальных норм;

в) выражают смыслы культуры;

г) влияют на интересы и мотивы поступков людей;

д) имеют основания в обществе и каждом отдельном индивиде.

Е. Ф. Серебренникова делает вывод о том, что вне человеческого общества не существует ценностей, сами по себе предметы не состоят в каких-либо аксиологических системах, «ценности формулируются человеком в его продуктивной деятельности» [Серебренникова 2011: 28].

В свою очередь Т. В. Чапля выделяет три подхода для определения ценностей: в рамках натуралистического подхода ценности являются свойствами реальных предметов; в рамках дуалистического подхода высказывается предположение о существовании независимого от человека мира ценностей, с которым происходит интуитивное общение человека; в рамках субъективного подхода ценности являются неотъемлемой частью внутреннего мира человека [Чапля 2006: 16].

Необходимо помнить, что ценности всегда требуют для своего «существования» наличие субъекта в его отношении с объектом, осуществление подобного взаимодействия и есть ценностное отношение, результат которого можно назвать оценкой. По мнению М. С. Кагана, ценность является неким специфическим отношением, в котором объекты не связаны между собой, но связаны с субъектами, ценности определяют сверхиндивидуальное содержание духовной деятельности человека: «деятельность человека и является реальным отношением, в котором он выступает как субъект, хотя в другой ситуации деятельности он окажется объектом для другого субъекта» [Каган 1997: 167]. Оценочное суждение всегда антропоцентрично: человек есть мерило всего, человеческая размерность накладывается на оцениваемые предметы и явления. Оценивается то, что нужно (как физически, так и духовно) человеку в частности и всему человечеству в целом. Н. Д. Арутюнова пишет, что оценки автономны от внешнего человеку мира, но обусловлены ими, оценки не верифицируемы, так как привязаны к своему субъекту, «тогда как дескриптивные суждения (*небо голубое, вода холодная*) верификации поддаются» [Арутюнова 1999: 181].

Следует учитывать, что оценивание невозможно без соотнесения с идеалом. Процесс оценивания состоит из взаимодействия субъекта с объектом, в ходе которого идет сбор данных об объекте, которые далее обрабатываются и сравниваются с эталоном. В результате оценки выявляются ценностные характеристики некоторого предмета или явления. Основанием оценки служат интересы и потребности субъекта, оценка, являясь составной

частью ценностного отношения, «подготавливает решение субъекта о том, как надо действовать» [Чапля 2006: 68].

Таким образом, оценка, являясь ценностным отношением к действительности, предполагает процесс сравнения, некий идеал, субъект оценки и характеристику данной оценки. На это указывает М. Р. Желтухина, понимая под оценкой «акт человеческого сознания, заключающегося в сравнении предметов, сопоставлении их свойств, определении роли в жизнедеятельности субъекта и его результатов, закрепляемых в сознании и языке в виде позитивного, негативного и нейтрального отношения» [Желтухина 2003: 223].

В связи с тем, что в основе оценивания лежит выделение некой ценности (значимого) из ряда подобных, появляются сложные и неоднозначные отношения «эмоция - оценка», относительно которых существуют противоположные точки зрения. Согласно первой, категории эмоции и оценки функционируют независимо друг от друга, без какого-либо взаимодействия. Вторая точка зрения подчеркивает логическую связь между оценкой и эмоциями. Причем одни исследователи полагают, что эмоции порождают оценку. По мнению К. Изард, эмоциональная система первична, рациональные процессы вторичны и подчинены ей, соответственно, между ними выстраиваются отношения «зависимое – переменное». Эмоции представляют собой автономную систему, не содержащую когнитивных элементов. Л. И. Шабалина сделала в своем исследовании вывод о том, что эмоциональность (эмотивность) предопределяет оценочность. Следовательно, эмотивные лексемы всегда оценочны. Согласно другой точке зрения, когнитивные компоненты определяют эмоциональные процессы. При таком подходе эмоциональное является вторичным по отношению к рациональному. Т. А. Трипольская отмечает, что при анализе эмотивно-оценочного словаря и дискурса подтвердилось положение исследователей (когнитивистов и психологов), считавших, что оценка является пусковым механизом для возникновения эмоций. Аксиологическая обработка окружающей

действительности, которая предшествует различным чувствам и эмоциям, «отличается большей или меньшей степенью когнитивности и осознанности индивидом и варьируется от очень существенной до незначительной (высоко когнитивная эмоция стыда и низко когнитивная эмоция отвращения, например)» [Трипольская 1999: 45]. Впрочем, оценка того или иного предмета будет различна в зависимости от эмоционального состояния человека. Таким образом, избираемые субъектом языковые средства зависят от душевного состояния говорящего, то есть эмоции дифференцируют речь. Соответственно, возможно существование эмотивной оценки, которая, по мнению Т. А. Трипольской, является особой формой взаимопроникновения и взаимовлияния двух способов интерпретации действительности» [Трипольская 1999: 78]. Эмотивная оценка, по мнению исследователя, представляет собой более сложное ментальное действие, направленное на познание, отражение, а также характеристику окружающей действительности. Два этих процесса интерпретации действительности, которые являются «самостоятельными величинами, не только неразрывно связаны, но и взаимно детерминируют друг друга, причем доминантная роль эмоции и оценки в реальной коммуникации постоянно меняется» [Трипольская 1999: 78].Человек накладывает свои личные особенности на любую ситуацию, в том числе и на оценивание, а личное может быть переменчивым, зависимым от смены настроения субъекта, следовательно, мы имеем наполнение категории оценки иными категориями, среди которых – эмотивность.

В основе другой точки зрении лежат представления о том, что эмоции и оценки тождественны. Иначе говоря, человек и воспринимает ценностную картину, и является ее частью. Ш. Балли утверждал: «Те из моих мыслей, что порождены потоком жизни, никогда не бывают преимущественно интеллектуальными: это движения мысли, сопровождаемые эмоциями...» [Балли 2003: 28]. И. Н. Худяков считал, что «при непосредственном коммуникативном акте (в прямом обращении) оценка не может не сопровождаться эмоциями» [Худяков 1980: 81].

Но мы считаем неправомерным постановку знака равенства между эмоциями и оценками. Данные явления, в основе которых лежит понятие «ценность» и «значимость», хоть и отмечают некое взаимодействие (по мнению М. Шварц-Фризеля, основывающееся на схожих характерах хранения информации в памяти и управления вниманием), но все-таки существуют независимо друг от друга.

Оценка не всегда сопровождается проявлением эмоций. Часто она представлена в форме выражения отношения к оцениваемому предмету или явлению посредством классификаторов «хорошо» или «плохо». Не вызывает сомнений социальная отнесенность категории оценки, которая сложилась исторически. В конкретных оценках выражены общественные идеалы, то есть оценки несут на себе и отпечаток ментальности социума. Высказанное не противоречит факту субъективности оценки, которая всегда является отражением личной жизненной позиции говорящего. Человек всегда накладывает собственное Я на воспринимаемую действительность. Но это влияет только на субъективацию оценки, не на её эмоциональность. Последнее можно связать с проявлением чувств. Следовательно, оценки разделяются на рациональные и эмоциональные. Таким образом, мы считаем, что оценка и эмоция могут совпадать в одном слове, но оценка может производиться и с позиции только ratio. Именно поэтому в лингвистике возможно выделение двух типов оценок: рациональная (*хороший, красивый, приятный*) и эмоциональная (*великолепный, восхитительный, безобразный*).

Для дальнейшего рассмотрения различных классификаций оценки нам необходимо определить структуру и обозначить компоненты оценки:

Субъект оценки - лицо (группа лиц), которое производит оценку (определяет что-то, какую-то часть окружающего мира как ценность). Если оценка производится группой лиц (коллектив, социум, нация), то оценка имеет общественный характер и является «общественным мнением». В связи с этим значимо также различие субъекта, который что-то оценивает, и того, для которого оцененное представляет ценность (бенефактивный субъект).

Объект оценки – эксплицитно представленный предмет (лицо, предмет, явление, событие, факт), который обозначен как ценность и, соответственно, значим для субъекта оценки.

Характер оценки - результат оценивания объекта субъектом оценки. Данная единица отражает ценностное отношение субъекта к самому оцениваемому объекту.

Основание оценки — то, относительно чего проводится оценивание (это могут быть потребности, какие-то интересы, стандарты, нормы и образцы). Основание оценки может только подразумеваться (то есть выражено имплицитно).

Противопоставление «субъект – объект» в структуре оценки свидетельствует о существовании объективности и субъективности в семантике оценки. При выделении в оценочном высказывании объективных и субъективных компонентов большинство исследователей (Е. М. Вольф, В. Г. Колшанский) указывают на их неразрывную связь и относительность в суждении. По справедливому замечанию Е. М. Вольф, человек, оценивая предметы или явления действительности, опирается не только на личное отношение к определенному объекту оценки («нравится/не нравится»), но и на стереотипные представления о нем. Оценочный стереотип, являясь совокупностью эмпирических свойств, которые должны быть присущи предметам или явлениям в идеальном состоянии, представляет собой основной элемент, на который опирается система абсолютных оценок. Мы имеем знания о стандартных признаках стереотипа для объектов, подвергающихся оцениванию. Взаимопонимание возможно в связи с наличием в данном языковом обществе, культуре однозначного представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Соответственно, представление о правильном и неправильном может быть отличным в разных культурах. Следовательно, оценка хороший (плохой) демонстрирует связь: «рассматриваемый предмет соответствует (не соответствует) определенному стандарту». Для вещей разных типов имеются и разные стандарты (образцы):

свойства, например, необходимые для того, чтобы телефон считался хорошим, будут не совпадать со свойствами хорошего друга.

Как мы отметили, оценочные средства языка имеют в своем составе собственно оценочные (субъективные) и дескриптивные (объективные) смыслы. В речи необходимо отличать оценочные высказывания (субъективные и субъективно-объективные) от дескриптивных. Данная проблема является одной из наиболее обсуждаемых в науке и широко рассматривается в работах Р. М. Хэар, Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф, А. А. Ивина и др. Главным вопросом по-прежнему остается граница между фактивностью и субъективностью, иногда не представляется возможным разграничить эти два полиса в высказывании, что объясняется их диалектической взаимосвязью (дескриптивные единицы способны приобретать оценочную коннотацию, оценочные лексемы могут содержать описательный элемент). Р. Хэар утверждает, что оценочные единицы невозможно обозначить каким-то определенным классом морфем, это связано с возможностью почти каждого слова использования в языке как оценочной единицы, следовательно, и неоценочные суждения не связаны ни с каким определенным типом предложения [Hare 1972: 109].

Имея идентичную структурную организацию составляющих элементов, оценка и дескрипция могут совмещаться в разных лексемах. Как и оценка, дескрипция имеет четырёх частную структуру:

- *субъект* – лицо (или группа лиц), производящее описание;
- *объект* – описываемый элемент действительности;
- *основание* – точка отсчёта, то, согласно чему производится описание;
- *характер* – то, как описывается какое-либо явление действительности.

Существуют несколько особенностей именно оценочного значения:

1. Основой для оценки являются субъективные свойства какого-либо явления. В дескриптивных же высказываниях в поле зрения человека оказываются черты объективного мира. Оценочное

значение демонстрирует отношение между действительным миром и его идеальной моделью [Арутюнова 1988: 57-58]. Следовательно, основным назначением дескриптивных единиц является попытка описания истинной действительности, такой, какой она является, это, в свою очередь, подразумевает отсутствие «личного» отношения говорящего. Оценка показывает ценностное отношение к чему-либо, а не констатацию факта (в случае дескриптивного отражения мира).

2. Диффузность. Для описательного высказывания нет необходимости указывать основание, так как основания дескриптивных выражений всегда совпадают. В этом смысле они не связаны с точкой зрения субъекта. Оценочные высказывания могут иметь разные основания, это является одной из отличительных черт оценочного и дескриптивного выражений. Оценочное выражение «хорошо, что этот стол желтый» существенно отличается от дескриптивного высказывания «этот стол желтый», так как оценочное высказывание эллиптично: оно сообщает о соответствии стола какой-то цели, идее, но не уточняет чему именно [Ивин 2010: URL].

Следует также отметить, что логика дескриптивного отражения мира предполагает опору на фактическую информацию. В языковой репрезентации возможен любой порядок следования ментальных действий, связанных с диалектически взаимосвязанными элементами отражения действительности (дескрипция и оценка):

- от дескрипции к оценке;
- от оценки к дескрипции: «если оценочное значение слова, являясь первичным, постепенно становится вторичным, это говорит о том, что стандарт, к которому апеллирует слово, стал общепринятым» [Хэар 1985: 189-190];

Но существуют суждения, которые находятся между чистыми описаниями и чистыми оценками. А. А. Ивин выделяет следующие группы таких высказываний:

– акцентуированные (оценочно окрашенные) высказывания, которые представляют собой описательное содержание, но существующее в системе общих ценностей и отражающее на себе их оттенок; примерами подобных высказываний являются правила грамматики и определения толковых словарей.

– научные законы, которые описывают, объясняют некоторые совокупности фактов и служат определенными стандартами и нормами оценки иных утверждений теории;

– высказывания о тенденциях социального развития, которые подводят итог предыдущим стадиям развития общественных явлений и структур и обрисовывают варианты их дальнейшего развития;

– правила частной человеческой практики, которые обобщают существующий опыт деятельности в какой-либо области и предлагают соответствующие рекомендации по оптимизации указанной деятельности;

– принципы и правила морали;

– правила логики и математики, которые сохраняют определенное дескриптивное содержание, следовательно, имеют претензию на определенную истинность [Ивин 2010:URL].

Таким образом, можно отметить, что оценка и дескрипция представляют собой диалектически взаимосвязанные познавательные действия, имеющие сходные структурные элементы. Это, в свою очередь, порождает существование, так называемых, смешанных, описательно-оценочных словоупотреблений, в которых каждый из смыслов может занимать главное, основное, положение по отношению к другому. Как указывает Е. М. Вольф, оценочный смысл могут иметь и чисто дескриптивные высказывания, но только в том случае, если «описываемое в них положение вещей в «картине» говорящих расценивается как хорошее или плохое, <……> их можно назвать

«квазиоценочными»» [Вольф 1985: 32]. В связи с квазиоценочностью важно отметить и наличие квазистереотипов – это традиционные, порожденные данной общностью символы (или мифы), которые представляют собой определенную информацию, существенную для картины мира данного социума. Например, употребление носителем русского языка лексемы «змея» во вторичной номинации сигнализирует не только об аффективной реакции у субъекта оценки на какую-либо ситуацию, но и о возникновении образа, символизирующего «хитрость», «злобу» и «коварство», что, безусловно, связано с библейской символикой и христианскими верованиями народа. Данные лексемы уже изначально идеологичны, так как отражают информацию о характерных для данного уровня культуры данного исторического периода представления о том, что считается хорошим, а что плохим, что желательно, а что нет. Следовательно, это свидетельствует о связи оценочности с категорией модальности: «оценка соотносится с долженствованием прежде всего в социальном аспекте, отражая принятые стереотипы». [Дронова 2006: 22] Соответственно, оценочность рассматривается рядом исследователей в соотнесенности с категорией модальности. Понятия модальность и оценка рассматривались многими учеными: А. А. Шахматовым, В. В. Виноградовым, В. Г. Адмони, А. Б. Шапиро, Г. А. Золотовой, Н. Ю. Шведовой, А. В. Бондарко, Г. В. Колшанским, Е. В. Падучевой, Т. В. Шмелевой, С. Н. Цейтлин, Е. Н. Беляевой, В. С. Храковским, В. Н. Телия, С. В. Черновой, Н. Д. Арутюновой, Л. М. Васильевым, Е. М. Вольф. Под модальностью понимается «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 303]. Оценка и модальность являются категориями, которые отражают отношение субъекта к какому-либо объекту. При соотнесении оценки с понятием модальности в лингвистике существуют и используются соответствующие термины: «аксиологическая модальность», «оценочные модусы», «модальная оценка». Оценка, по мнению ученых,

входит как один из компонентов в конструкции, состоящие из других модальностей. Например, Г. Н. Скляревская, соотносит понятие оценки с понятием субъективной модальности. Субъективная модальность подразумевает отношение говорящего к сообщаемому или происходящему, при этом «смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную), квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 303]. Л. Г. Смирнова подчеркивает, что оценка – это «особый тип модальности, постоянно присутствующей в языковом сознании говорящего» [Смирнова 2010: 78]. Л. М. Васильев отмечает, что «оценка – лишь один из способов познания действительности, наряду, например, с глагольными наклонениями, распределением слов по частям речи» [Васильев 2006: 230)]. Соответственно, как отмечает Гибатова Г. Ф., «если под модальностью понимать способ отражения действительности, то модальность шире семантической категории оценки» [Гибатова 1996: 24].

Н. Д. Арутюнова, авторы «Теории функциональной грамматики», Т. В. Маркелова, Л. А. Сергеева рассматривают оценку как один из типов субъективной модальностей, но выводят ее «из сферы эпистемического и включают в особую, аксиологическую область, для которой модальность является «одним из элементов ее окружения, среды» [Сергеева 2004: 111].

Еще одним спорным вопросом при рассмотрении категории оценки является способ (способы) ее классификации. Проблема классификации лексики с оценочным компонентом значения рассматривалась многими исследователями (Е. М. Вольф, В. И. Шаховский, Н. Д. Арутюнова Ю. Д. Апресян, Т. В. Маркелова, Л. А. Сергеева, Л. Г. Смирнова, Л. М. Васильев). Попытка классификации оценок предпринималась еще в античные времена. Добро у Аристотеля сводится к трем основным типам. Подразумевая под добром (благом) то, «к чему все стремится», философ, соответственно, выделяет: 1) внешние блага; 2) блага, которые относятся к душе; 3) блага,

которые относятся к телу [Аристотель 1984: 451]. Гоббс Т., классифицируя плохое и хорошее через линии отвращения и желания, также выделял три вида добра: «добро в обещании, добро в действии как желаемая цель, и добро как средство, что мы обозначаем словами полезное, выгодное, столько же мы имеем видов зла...» [Гоббс 1964: 86].

И. И. Докучаев делит все оценки на убеждения и стремления. В том случае, когда окружающий мир нельзя привести к собственной системе ценностей индивида, имеют место *убеждения*. В том случае, если субъект приводит что-либо к собственной системе ценностей, имеет место *стремление*. Стремление содержит в себе не только преобразование действительности, но и присвоение преобразованного блага, так как последнее не должно быть чьим-то, оно является благом для субъекта. Но обладание благом нельзя трактовать только как его потребление. Благо необязательно полезное, которое как раз и существует для того, чтобы потребляться. Обладать благом можно, просто сохраняя его для себя, благоговея перед ним, ценя его и лишь в последнюю очередь как-либо используя и потребляя [Докучаев 2009: 127].

Всякий объект может быть оценен положительно или отрицательно - такое деление включает в себя категория общей оценки. Помимо нее Е.Ф. Серебренникова выделяет пять более специализированных областей: Истины, в которой ценности отвечают критериям «истинно/ложно»; Прекрасного, где ценности отвечают критериям «прекрасное / уродливое»; Этики, где ценности отвечают критериям «хорошо / плохо», «добро / зло»; Удовольствия, в которой ценности рассматриваются в соответствии с критерием «приятное / отвратительное»; Практической пользы, где ценности соотносятся с критерием «полезно / бесполезно / вредно»[Серебренникова 2011: 29].

Различные авторы выделяют собственные признаки для систематизации оценок. В настоящее время не существует целостной и признанной всеми общей классификации видов оценок, поскольку систематизация напрямую

зависит не только от направления оценивания, но и способа его формулирования.

В 1963 году финский логик Г. Х. Вригт, опираясь на семантику сочетания лексемы с английским прилагательным *good*, выделяет шесть «форм добра»:

1) добро инструментальное (хороший нож);
2) добро техническое (хороший специалист);
3) добро медицинское (хорошее сердце);
4) добро утилитарное (хороший план);
5) добро гедонистическое (хороший вкус);
6) добро человека (хороший поступок) (цит. по [Арутюнова 1988: 66]).

Современными исследователями выделяются следующие типы оценочных единиц:

1) *по типу оценочного знака:* положительные и отрицательные. Данная классификация имеет обобщенный характер, поскольку позволяет дать ответ на вопрос: положительно или отрицательно относится автор высказывания к рассматриваемому объекту действительности;
2) *по характеру основания.* В зависимости от характера основания выделяются абсолютные (*хороший, плохой, добро, зло*) и относительные (сравнительные) (*лучше, хуже*) оценки. На тесную связь оценки и сравнения указывает Е. М. Вольф. По ее мнению, оценка неотделима от сравнения: сравнительная оценка основывается на непосредственном сопоставлении объектов друг с другом, а абсолютная оценка тоже основана на сравнении, но имплицитно. Согласно данной классификации можно также говорить о различных синтаксических конструкциях для выражения оценки, а также о различии в семантической системе двух типов оценки (абсолютная оценка является более сложной по семантике: в ее структуре сравнение присутствует имплицитно, необходимо также наличие базовых знаний об объекте оценки).

3) *по наличию эмотивного компонента:*

- рациональная оценка;
- эмоциональная оценка.

А. А. Карамова предлагает следующие различительные признаки рациональной и эмоциональной оценок:

а) рациональная оценка основана на логических суждениях о ценности какого-либо предмета, а эмоциональная выражает эмоциональное отношения к объекту оценки;

б) эмоциональная оценка обладает ярко выраженной силой воздействия (экспрессивность оценочных единиц);

в) эмоциональная оценка распространяется чаще всего на самые актуальные предметы и явления современной действительности, а также на объекты, значимость которых основана на личной заинтересованности субъекта.

4) *в зависимости от контекста.* Контекст влияет на реализацию семантики оценочных единиц, соответственно, различают две разновидности оценки:

- ингерентная (узуальная, языковая) оценка;
- адгерентная (окказиональная, речевая) оценка.

5) *по месту оценочного компонента в структуре значения*: выделяют слова с понятийным оценочным содержанием и слова с оценочными коннотациями.

6) *по степени соотношения объективного и субъективного в оценке.* В связи с данной классификацией выделяются общеоценочные и частнооценочные. А. А. Карамова предлагает следующие «пункты» различия общеоценочной и частнооценочной лексики [Карамова 2003: 35]:

а) в словах с общей оценкой объективный фактор сводится к нулю, а в словах с частной оценкой отмечается взаимодействие

субъективного и объективного факторов отражения окружающей действительности;

б) в значении общеоценочных лексем нет указания на основания оценки и объективные признаки предмета, а в значении частнооценочных слов подобное указание существует;

в) общеоценочные единицы могут выступать в роли частнооценочной лексемы, характеризуя какой-то определенный признак предмета. Область существования частнооценочных слов ограничивается конкретной оценкой предмета.

Обобщенным уровнем является сфера общеоценочных значений, выражающих оценку, которая не определяет объективные свойства предмета. Общеоценочные значения «<...> реализуются прилагательными хороший и плохой, а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными отметками (прекрасный, великолепный, отличный, скверный, нехороший, дурной, поганый и др.). Эти прилагательные выражают холистическую оценку, аксиологическое имя» [Арутюнова 1988: 75]. Другая группа значений (частные оценки) более разнообразная, так как в значение оценки «входит дополнительный компонент, который относится к структуре оценки (например, способ мотивации, отношение к цели)» [Арутюнова 1988: 71]. Для частных оценок важное значение имеет именно основание оценки (единственное отличие от общих оценок). Дальнейшие лингвистические классификации частных оценок производятся в зависимости от характера основания. Н. Д. Арутюнова выделяет следующие группы значений частных оценок: сенсорно-вкусовые, психологические, эстетические, этические, утилитарные, нормативные и телеологические [Арутюнова 1999: 198-200]. В рамках нашего исследования данная классификация представляется интересной в связи с рассмотрением мотивов и причин, которые побуждают адресанта к вынесению той или иной положительной или отрицательной оценки. Обозначенные категории частных оценок Н. Д. Арутюнова группирует в соответствии с возможностью эксплицитного выражения их

мотива: сенсорные оценки (сенсорно-вкусовые, психологические) связаны с ощущениями, чувственным опытом. Предикаты данной группы характеризуют больше вкусы самого субъекта оценки, чем объект, поэтому оценки данного типа не предполагают мотивировки [Арутюнова 1988: 76]. Вторая группа - сублимированные оценки (этические и эстетические), для которых оценочное значение может быть связано с понятием образца, эталона, нормы, с которым сопоставляется объект. Следует отметить, что «...положительная эстетическая оценка исключает строгую нормативность» [Арутюнова 1988: 76]. Третья группа - рационалистические оценки (утилитарные, нормативные, телеологические оценки), для которых мотив наиболее очевиден, в таких оценках наблюдается связь с практической деятельностью. Исследователь отмечает: «<...> мотив оценки не находится с самой оценкой ни в каузальных отношениях, ни в отношениях логического вывода, <...>между мотивом оценки и самой оценкой нет прямой связи, хотя они и находятся в постоянном эмпирическом взаимодействии в сознании людей, <...> оценка не имеет причины, <...> но мотивы оценки могут быть осмыслены как причины мнения <...>» [Арутюнова 1988:58]. Классификация оценок, представленная Н. Д. Арутюновой, является детальной и позволяет разграничить субъективные оценки («хорошо / плохо») от субъективно-объективных, определить характер объективного признака (телеологический, утилитарный и т. д.) и проследить наличие и соотношение эмоционального и рационального в частных оценках.

Другую классификацию оценочных предикатов предложил Л. М. Васильев [Васильев 2006]. Л. М. Васильев выделяет: 1) модально-оценочные предикаты (рациональная оценка) выражают оценку окружающей действительности с точки зрения необходимости и долженствования: *надо, необходимо, следует, нужный, должный*; 2) общеоценочные предикаты (рационально-эмоциональная оценка) обозначают и ситуативную, и предметную оценку: *хороший, плохой, прекрасный, скверный*; 3) частнооценочные предикаты (выражают или преимущественно

рациональную, или преимущественно эмоциональную оценку): а) утилитарные предикаты б) этические предикаты в) эстетические предикаты г) сенсорные (гедонические) 4) связочные («аксиологические», релятивные) предикаты обозначают способ представления самого акта оценки: ментальный (*находить, считать кого-, что-либо хорошим, красивым*), перцептивный (*выглядеть, казаться смешным, красивым*), эмоциональный (*чувствовать себя виноватым, подлецом*), поведенческий (*поступать, вести себя хорошо, честно*).

Л. Г. Смирнова в своем диссертационном исследовании предлагает классификацию оценочных единиц в виде пересекающихся рядов оппозиций с дифференциальным количеством языковых единиц в каждом ряду. По мнению исследователя, каждая из существующих классификаций построена на выделении какого-то одного признака, что делает возможным рассмотрение оценки в определенном выбранном аспекте. Часто для анализа явлений окружающей действительности бывает недостаточным какой-то одной выбранной типологии оценок, следовательно, возникает необходимость создания многоуровневой классификации оценок.

Подводя итог, можно заключить, что вопрос изучения оценки является сложным и нерешенным. Это связано с тем, «что категория оценки пронизывает все уровни языка и тесно связана с миром оценивающего человека, и поэтому изучение оценки в языке остается многоаспектным, во многом спорным и открытым вопросом» [Фомина 2007: 152].

1.3.Лингвистическая характеристика экспрессивных средств с позиции современного научного знания и соотношение оценочных, эмотивных и экспрессивных элементов

Рассматриваемая нами категория субъективности может быть отражена не только в оценочной лексике, но и в экспрессивных единицах. В. В. Виноградов, один из первых обративший внимание на категорию

экспрессивности, дает следующее ее определение - «это свойство слова характеризовать личность субъекта речи через оценки им объектов речи, в которых отражается его индивидуальное или групповое, социально обусловленное принадлежностью к группе, видение действительности» [Виноградов 1977: 236]. Н. Н. Кузнецова подчеркивает, что категория экспрессивности «относится к области нечеткой семантики, к разряду понятий неопределенного объема и что наличие неформализованных понятий можно считать онтологической чертой ряда разделов языкознания» [Кузнецова 2011: 14]. Проблема экспрессивности широко изучается в отечественной лингвистике (Е. М. Галкина-Федорук, Д. Н. Шмелев, Н. А. Лукьянова, В. Г. Гак, В. В. Виноградов, В. Н. Цоллер, Н. Н. Кузнецова и др.). Н. А. Лукьянова отмечает, что «экспрессивность является понятием собирательным, в котором семантические, лексико-семантические, прагматические, функциональные, функционально-стилистические, коммуникативные, синтаксические, эстетические и другие характеристики находятся в отношениях дополнительности» [Лукьянова 1991: 7]. И. А. Стернин считает, что «экспрессивностью в языке можно считать выделение каким-либо способом того или иного содержания из ряда других передаваемых содержаний. Экспрессия нацелена на привлечение внимания к тому или иному понятию, мысли, а через них — к предмету, явлению, признаку предмета, его состоянию и т.д.» [Стернин 1987: 133]. Некоторые исследователи (В. Н. Телия, Н. А. Лукьянова, В. Н. Цоллер, В. П. Москвина и др.) предлагают разграничивать термин «экспрессивность» в узком и широком смыслах. В узком смысле экспрессивность рассматривается как семантический компонент коннотативного значения слова. С. В. Марченко отмечает, что экспрессивность – это «способность слова и других языковых единиц воздействовать на адресата речи» [Марченко 2001: 5]. Такое же понимание этого термина мы находим в работах Г. Н. Акимовой, И. М. Михтиневой, К. А. Тимофеева. В широком понимании экспрессивность, по мнению Л. Ю. Буяновой и Ю. П. Нечай, «рассматривается как свойство речи и

приравнивается к выразительности» [Буянова, Нечай 2006: 29]. Е. М. Галкина-Федорук также отмечает, что «экспрессия – это усиление выразительности, увеличение воздействующей силы сказанного. И все, что делает речь более яркой, сильно действующей, глубоко впечатляющей, является экспрессией речи» [Галкина-Федорук 1958 :107]. Капацинская Е. В. считает, что экспрессивность связана «с нестандартностью структуры формы или содержания, функционально осмысливаемой по отношению к авторскому сознанию (служит средством выражения авторской точки зрения, строя чувств) и по отношению к сознанию воспринимающего (удерживает внимание, делает доступной авторскую позицию)» [Капацинская 1987:26] Некоторые лингвисты (Т. Е. Казакова, Н. А. Лукьянова) говорят о размытости данного термина, поэтому его невозможно описать в рамках лексического значения. К средствам выражения экспрессивности (помимо лексического значения) И. П. Ромашова относит суперсегментные и паралингвистические средства (например, громкость и тембр голоса, жесты, темп речи, мимика), которые играют важную роль при воздействии на собеседника [Ромашова 2001:20].

Следовательно, среди исследователей нет единого мнения относительно того, к каким явлениям относится экспрессивность — языковым или речевым. Представители семантического направления (Т. В. Матвеева, Л. М. Васильев, Н. А. Лукьянова, В. Н. Телия, В. И. Шаховский, В. К. Харченко и др.) считают экспрессивные единицы фактами языка (ингерентная экспрессивность). В. И. Шаховский, считает, что «экспрессивный элемент, несомненно, является семантическим, т.к. он расширяет и усложняет значение слова специфическими смысловыми оттенками. Экспрессивность, действительно, может возникать в речи (тексте) за счет функционального фактора, но она может и воспроизводиться в речи как элемент языковой системы» [Шаховский 1987: 42].

Представители стилистического направления (Н. М. Павлова, М. Н. Кожина, Ю. М. Скребнев) отмечают, что «внеконтекстно взятые языковые

средства могут лишь предоставить говорящему возможности для создания экспрессивности речи, т.е. это потенциально экспрессивные средства. Они становятся реально, действительно экспрессивными в контексте общения только в речи» [Кожина 1987: 14]. Вайгла Э. А. отмечает, что «при определении лексики, имеющей отношение к экспрессивности и составляющей основу экспрессивного фонда, следует четко различать явления языковые, лексикологические, с одной стороны, и речевые, стилистические, - с другой» [Вайгла 1978 :112], т.е. следует разграничивать языковую и речевую экспрессию. М. Н. Кожина отмечает, что «языковую экспрессивность можно считать совокупностью взятых внеконтекстуально коннотации языковых единиц, что же касается речевой, то ее проявление требует особой организации языковых средств, что создает общую окрашенность речи и определенную экспрессивность – функциональную» [Кожина 1987: 11].

Также лингвистами выделяются следующие типы экспрессивности:

1. Ингерентная (присущая), абсолютная (терминология Н. А. Гастилене 1972), эксплицитная (терминология Б. Я. Шарифуллина 1998) понимается как экспрессивность самого лексического значения, которая, по мнению Б. Я. Шарифуллина, «реализуется в формальной структуре слова различными средствами».

2. Адгерентная (привнесенная) экспрессивность, относительная (терминология Н. А. Гастилене 1972), имплицитная (терминология Шарифуллина 1998) возникает в словах при их конкретном употреблении в речи. В. Н. Цоллер отмечает, что существует большое количество приемов для создания такого типа экспрессивности (в том числе и графические приемы). Адгерентная экспрессивность, как пишет В. Н. Цоллер, создается при актуализации базовых знаний, различных исторических и литературных реминисценций, и, по мнению Н. А. Шаровой, с помощью «авторских неологизмов, окказионализмов, звуковых, лексических и синтаксических повторов, звукового изменения отдельных слов, смешения разных стилистических единиц в одном высказывании, введения в текст

нелитературных и иноязычных элементов речи, а также за счет употребления обычных единиц в необычном для них контексте». Таким образом, категорию экспрессивности можно рассматривать в соотнесении с понятием нормы (первый аспект). Учитывая мнение исследователей, подчеркивающих создание экспрессивности путем отступления от стандартов, а также с помощью изменения градуальных характеристик, следует отметить, соответственно, что *норма* – категория, которая является базовой при рассмотрении экспрессивности в языке и речи.

Категория экспрессивности связана не только с понятием нормы, но и системой «адресант-адресат» (второй аспект), которая выражает эмоциональное отношение к чему или кому-либо. Но экспрессивность связана не просто с аффективной стороной высказывания, ее задача – *воздействовать* на оппонента. Следовательно, реципиент – необходимый элемент в создании экспрессивности.

Наконец, для категории экспрессивности важным признается возможность выбора (третий аспект). Как подчеркивает Н. В. Черемисина, при выборе определенных средств слово способно «давить» на текст, а «текст» на слово. Н. М. Павлова подчеркивает категорию выбора как основную в разделении понятий эмотивности и экспрессивности и в своей работе приводит мнение С. Улльмана: «<…>опорной точкой всей теории экспрессивности является понятие выбора» (цит. по [Павлова 1987: 51]). Подобной точки зрения придерживается В. В. Виноградов и Е. М. Галкина-Федорук.

Таким образом, категория экспрессивности может рассматриваться с учетом трех аспектов –нормы, выбора и дихотомии адресант-адресат.

Теории экспрессивности, как мы уже отметили, широко разрабатывается на базе теории коннотации (В. Н. Телия 1985, В.И. Шаховский 1982, А. Д. Апресян 1995). Большинство исследователей считают, что лексическое значение слова включает денотативный и коннотативный уровни. Денотация «отражает» логико-предметную часть значения (Л. Г. Бабенко, И. А. Стерин и

др.), а коннотация - субъективную направленность лексемы и содержит информацию о личности самого говорящего, дает характеристику коммуникативной ситуации (И. А. Стерин, Л. Г. Бабенко В. Н. Телия). В. Н. Телия отмечает, что «коннотация – это семантическая сущность, узуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное или стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [Телия 1986: 5]. Многие исследователи полагают (И. В. Арнольд, Г. О. Винокур, И. А. Стернин, В. К. Харченко и др.), что основными компонентами коннотативного уровня лексического значения являются оценочный, эмоциональный, экспрессивный и функционально-стилистический. Е. Ю. Мягкова считает, что «коннотат – разнообразные эмоциональные, экспрессивные, оценочные, образные, стилистические, субъективные и другие моменты, накладывающиеся на это предметно-логическое значение» [Мягкова 2000: 14]. Н. А. Лукьянова. исключает стилистический компонент из коннотативного значения, относя к коннотации экспрессивность, оценочность и эмоциональность. В. К. Харченко определяет в структуре коннотации оценочность, образность, экспрессию и эмоциональность, считая, что «оценочность является функциональной категорией, образность – отражательной, экспрессия – стилистической, а эмоциональность – психолингвистической категорией» [Харченко 1983: 48].

Многие исследователи отмечают тесную взаимосвязь между элементами, существующими в структуре коннотации: эмотивность, оценочность и экспрессивность. Следовательно, неоднозначным и нерешенным остается вопрос об их соотношении. Е. Ю. Мягкова считает, что оценка какого-то предмета или явления связана с эмоциональными переживаниями человека, с другой стороны, отмечается тесная связь эмоциональности с оценкой [Мягкова 2000: 18]. В. К. Харченко определяет: «оценочность является функциональной категорией, образность –

отражательной, экспрессия – стилистической, а эмоциональность– психолингвистической категорией» [Харченко 1976: 48]. Эмотивность, экспрессивность и оценочность – элементы лексического значения, которые исследователи часто совмещают в одном слове, говоря об их неразрывности и связанности, как следствие в работах появились термины «эмоционально-оценочная лексика», «эмоционально-экспрессивная лексика», «эмотивно-оценочная лексика». Анисимова А. В. при рассмотрении категории эмотивность, экспрессивность, оценочность пишет: «представить данные элементы можно в виде «подвижного» треугольника, углы которого (эмотивность, экспрессивность, оценочность) становятся его вершиной в зависимости от характера информации и цели коммуникации» [Анисисимова 2010: 9].

Нет однозначной точки зрения среди исследователей относительно и соотношения категорий «экспрессивность» и «эмоциональность». Н. А. Лукьянова считает, что явление экспрессивности и эмоциональности противопоставлены: экспрессивность представляет собой качественно-количественную характеристику рассматриваемых объектов, тогда как эмоциональность является проявлением чувств субъекта. Стоит также отметить, что «в семантике одних лексем первичной может быть экспрессивность (а эмоциональность возникать на ее базе — раскурочить, колошматить, сверзиться, безудержный, убийственный, фейерверк, лавина (два последних — в значении «много»), в других случаях экспрессивность возникает на фоне эмоциональности (размазня, мямля, зануда). Таким образом, экспрессивность и эмоциональность — две равноправные категории» [Лукьянова 1976: 6].

Изучая соотношение и взаимосвязь категорий эмотивности и экспрессивности, исследователи чаще всего обращают внимание на их причинно-следственную взаимосвязь.

Т. И. Кочеткова считает, что «экспрессия и эмоция относятся к психическим явлениям: экспрессия — это сила чувств, эмоция же — само

чувство». Чувство может проявляться в меньшей или большей степени, соответственно, по мнению исследователя, они состоят в инклюзивных отношениях: эмоция шире экспрессии, которая является ее степенью, мерой. Следовательно, возможно два варианта развития данных отношений: причиной возникновения эмоции могут стать нестандартные свойства предмета или необычные явления, либо, наоборот, «причиной возникновения экспрессии являются острые эмоции, которые он вызывает» [Кузнецова 2007: 72].

Наличие эмотивной семантики в слове является лишь одним из условий порождения экспрессивности, к которым также еще можно отнести оценочность, образность и интенсивность. Следовательно, можно согласиться с рядом исследователей, которые утверждают, что эмотивное содержание в коннотативной части почти всегда сосуществует с экспрессивностью, но экспрессивность не всегда предполагает эмотивность. В ряде случаев эмоция может порождать экспрессивность, что обусловливается душевными переживаниями человека, которые облекаются в экспрессивную форму в речи. В других случаях, экспрессивность порождает эмотивность, т.к. для возникновения эмоций необходим сильный раздражитель, который будет оценен как экспрессивный.

1.4.Репрезентация эмоций и оценки как конституирующие структурные элементы художественного текста

Художественная литература является одним из средств создания художественной картины мира. Через художественное слово читатель имеет возможность приобщиться к прекрасному. Мерой всего является человек. А художественное произведение есть экстракт всего человеческого. Л. М. Кольцова определяет текст как «материально-идеальная, высшая, относительно законченная единица творческой речемыслительной деятельности, воплощающая в единстве формы и содержания картину фикционального мира, отражающая особенности эстетического восприятия

действительности и средствами языка моделирующая авторское видение мира» [Кольцова 2007: 3]. Н. П. Антипьев пишет, что «идеальна модель человека из литературы и искусства, когда его конкретный бытовой разговор всегда (в тексте или подтексте) находится в ценностном контексте человечества» (цит. по: [Серебренникова, 2011, 147]).

А. А. Ивин делит художественные образы на «репрезентативные – представляющие то, что есть в реальности, и нерепрезентативные – того, чего нет в реальности, но что, как представляется художнику или философу, должно иметь место» [Ивин 2010: URL].

И. И. Докучаев считает, что «художественные образы и типы коммуникации представляют собой максимально близкие ценностным артефактам формы, поскольку ценности составляют сердцевину содержания искусства и суть коммуникативных полюсов, т. е. общающихся субъектов» [Докучаев 2009: 588]. При восприятии художественного произведения человек всегда стремится добраться до ценностей. Здесь имеется в виду не столько оценка текста и ценностных ориентиров собеседника, но сравнение и даже, возможно, коррекция в этой связи собственной аксиологической картины мира. Соответственно, литература, особенно для детей, отражает традиционные ценностные ориентиры общества и общечеловеческие ценности. Как справедливо отмечает В. В. Бартель, «культурное наследие человечества находит свое отражение в тексте художественной литературы и через него сообщается ребенку, оказывая влияние на становление его личности и формируя в его сознании образную модель мира» [Бартель 2002: 17]. Особенность художественной литературы состоит в том, что она отражает мир и окружающую действительность, преломленную через рациональное и чувственное восприятие и осмысление автора. У текста всегда есть творец. Л. Н. Толстой писал: «…цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое, есть единство самобытного нравственного отношения автора к предмету». Таким образом, литературный текст наполнен определенными эмотивными, экспрессивными и оценочными единицами,

которые с помощью единиц разных языковых уровней выражают авторскую интенцию.

При воспроизведении эмоций в тексте посредством языка происходит их материализация, но полная гамма человеческих чувств все-таки не может быть передана в полной мере в художественном тексте, что объясняется бедностью языка в сравнении с противоречивой окружающей действительностью. Именно в пространстве художественного текста востребованы разнообразные эмоции и создаются различные эмоциональные ситуации, соответственно, художественный текст способен выступать как некий учебник по воспитанию правильного вербального и авербального эмоционального общения людей.

Эмоциональное состояние человека может быть передано с помощью разных элементов языка. Исследователи выделяют body language и verbal language. Как отмечает В. И. Шаховский, первичная знаковая система, представляющая собой язык тела и жестов, превосходит вторичную, т.е. вербальную, по ряду параметров: скорость, надежность, степень искренности, интенсивность и качество проявляемых эмоций. [Шаховский 2010: 17] При эмоциональном напряжении изменения затрагивает весь организм: становятся напряженными мышцы лица и всего тела, а также появляются так называемые выразительные движения: мимика (выразительное движение лица), пантомимика (выразительное движение тела) и «вокальная мимика» (выражение эмоций происходит с помощью интонации и тембра голоса). [Рубинштейн 2002: 132]. Body language представляет собой своеобразную семиотическую систему, наполненную экспрессией, которая характеризуется следующими чертами: 1) наличие собственных элементов (словарь) и правил их употребления (грамматика); 2) наличие своей истории со сложившейся в процессе развития структурой (взаимосвязь между единицами); 3) элементы данной структуры могут быть в большинстве случаев перекодированы на естественный язык [Крейдлин 1999: 173].

В тексте вербальные и невербальные способы передачи эмоций находят свое отражение с помощью языковых средств. Эмоции могут быть выражены на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом языковых уровнях:

- На фонетическом уровне эмоции могут быть выражены с помощью изменения звукового комплекса, который в тексте передается соответственными изменениями и отступлениями от норм написания.
- На морфологическом уровне эмоции могут быть переданы с помощью использования различных словообразовательных средств языка, а также грамматических форм слов в тексте.
- Лексический уровень является наиболее обширным пластом для выражения эмоции. В первой главе мы описывали теоретические разногласия относительно набора слов, выражающих и передающих эмоции. Мы соглашаемся с мнением В. И. Шаховского, который выделяет: 1) слова-аффективы; 2) слова-коннотативы; 3) слова-номинативы эмоции. Также мы отмечаем, что лексические единицы могут иметь потенциальную эмотивность, которая обнаруживается непосредственно в тексте.
- На синтаксическом уровне эмоции могут быть выражены с помощью: 1) изменения порядка слов; 2) появление различных видов пауз, выраженных с помощь графических средств; 3) с помощью использования в структуре предложения особых типов синтаксической связи: оттягивания, парентезы, эмфазы и др.

Таким образом, наличие вербальных и невербальных способов выражения эмоций в совокупности с описываемой в художественном тексте ситуацией, породившей ту или иную эмоцию, дают читателю наиболее полное представление об эмоциональном состоянии героя.

Оценочное значение, которое достаточно часто совмещается с эмоциональным, также репрезентируется в письменной и устной речи с помощью разных уровней языка:

- На фонетическом уровне важнейшим средством выражения оценки признается интонация, которая «эксплицирует эмоционально-субъективные оценки» [Сергеева 2004:106]. Интонация оценочности, по мнению Г. Ф. Ивановой, «может наслаиваться на семантику слов с ингерентной, то есть изначально присущей слову, экспрессивностью, а может приобретаться словом в определенном контексте и быть единственным средством, выражающим оценку в данном слове» [Иванова 2007: 24]. В тексте интонация может быть передана с помощью графических средств.
- Морфологический уровень. Оценочной семантикой обладают и некоторые аффиксы. В слове возможно взаимодействие оценочного значения, находящегося в корне, и сопутствующего, добавочного эмоционально-оценочного значения, репрезентируемого аффиксом. Оценки, в таком случае, могут усиливаться или уменьшаться по шкале интенсивности (*красивейший-красивенькая, глупейший-глупенькая*). Л. А. Сергеева отмечает, что «мелиоративные эмоциональные оценки выражаются, как правило, уменьшительно-ласкательными суффиксами, в то время как пейоративные могут выражаться практически любыми аффиксами» [Сергеева 2007: 107]. Еще в XIXв. русским языковедом К. С. Аксаковым было сделано интересное замечание: «…милому свойственно быть малым <…>, сама ласка предполагает уменьшительность предмета, и вот почему для выражения милого, для ласки употребляется уменьшительное» (цит. по: [Виноградов 1977: 97]).
- Лексический уровень представляет собой основной языковой уровень, выражающий оценочное значение. В. В. Виноградов отмечал, что «слово не только обладает грамматическими и лексическими,

предметными значениями, но и в то же время выражает оценку субъекта оценки <...>» [Виноградов 1977: 21]. В словаре значительно преобладают лексические единицы с отрицательным оценочным знаком. Негативные явления окружающей жизни подвергаются более подробному рассмотрению в отличие от позитивных, которые ощущаются русским человеком как норма, как естественное положение дел. Оценочная единица, как мы уже отметили, может иметь положительный или отрицательный знак, но также может содержать и амбивалентную оценку. По мнению Л. Г. Смирновой, имеются такие «понятия, явления, «этническая» оценочная квалификация которых в какой-то степени будет противопоставлена «общечеловеческой»». Например, в системе ценностных ориентиров определенной народности амбивалентную оценку имеют лексические единицы, «связанные с понятиями щепетильность, расчетливость, рассудочность, практичность, безрассудство, риск, азарт и т.п.». Следовательно, относительно лексических единиц мы также можем говорить об оценочной энантиосемии – диаметральных оценках одного и того же слова. Стилистическим приемом, который порождает оценочную энантиосемию, довольно часто является ирония (*весело, хорош, молодец, герой*). Следует отметить, интонация и аффиксы способны выражать лишь эмоциональную оценку, а оценочные слова, предложения и тексты – эмоциональную и рациональную оценку.

- Синтаксический уровень. Оценочной семантикой также способны обладать высказывания и целые тексты. Речь или текст на слушателя или читателя имеет определенный воздействующий потенциал, который складывается из ряда факторов: цели и идеи автора, а также степень их реализации. Убедительность такого текста напрямую зависит от степени «интериоризации предмета речи создателем текста» [Серебренникова 2011: 26]. Существуют различные способы выражения оценки в тексте. Е. Ф. Серебренникова пишет, что это «явные оценочные суждения,

устойчивые сочетания, средства выражения эмфазы, номинативные средства квалификации. На уровне высказывания и целого дискурса оценочность передается всем его воздействующим потенциалом, его тематизацией, экспрессивностью, выражением таких «проникающих» категорий высказывания, как его персонализация (Свой — Чужой), модальности предложения / высказывания и модальности интеракциональные; ориентация высказывания, эмпатия, актантная структура высказывания, локализация во времени и пространстве» [Серебренникова 2011: 26]. В решении данного вопроса невозможно не принять во внимание и субъективные интерпретации. Так, выражение *Он коммунист* может рассматриваться не только как информативное (безоценочно), но и с отрицательным или положительным знаком. Разные читатели (слушатели) в одном и том же только информативном высказывании могут видеть разные «оценочные надстройки». Это зависит от объема знаний, норм и системы ценностей культуры, в которой существуют эти читатели (слушатели) [Sandig 1991: 227].

Таким образом, эмоция и оценка в тексте выражаются с помощью единиц разных языковых уровней. Характерной особенностью русского языка многие исследователи называют его аксиологическую асимметрию. Так, Н. Д. Арутюнова пишет, что в русском языке «<...> аномальные явления представлены несравненно более богато и разнообразно, чем нормативные. Язык склонен скорее обвинять человека, чем подчеркивать его соответствие норме» [Арутюнова 2000: 70].

ВЫВОДЫ к ГЛАВЕ 1

1. Эмоции, отражая определенное отношение человека к окружающей его действительности, представляют собой важную составляющую человеческой жизни, следовательно, являются предметом изучения широкого круга наук.
2. Оценка отражает ценностное отношение человека к окружающей действительности и предполагает процесс сравнения, некий идеал, субъект оценки и характеристику данной оценки. Оценочное суждение всегда антропоцентрично, человек есть мерило всего, человеческая размерность накладывается на оцениваемые предметы и явления.
3. Невозможна постановка знака равенства между категориями эмотивность и оценочность, но возможно их совмещение в некоторых случаях. Именно поэтому в лингвистике возможно выделение двух типов оценок: рациональная (*хороший, красивый, приятный*) и эмоциональная (*безобразный, восхитительный, отвратительный*).
4. Наличие эмотивной и оценочной семантики в значении слова является одним из условий порождения экспрессивности, которая направлена на привлечение внимания к определенному предмету, событию или явлению. Относительно категории экспрессивности можно говорить в нескольких аспектах: понятие нормы, система адресант-адресат и возможность выбора.
5. Категории эмотивности и оценочности являются полистатусными категориями и могут проявляться в художественном тексте на нескольких уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Языковые единицы, репрезентирующие эмоцию и оценку, взаимодействуют и усиливают общее эмоциональное и оценочное содержание текста, причем в сильном художественном дискурсе единицы всех уровней направлены на ориентацию смыслового единства текста (Л. Г. Бабенко, Л. М. Кольцова, М. Ю. Сидорова).

6. Анализ лексических единиц с эмотивной семантикой позволяет выделить следующие типы эмотивов: 1) эмотивность является обязательным компонентом в значении слова (денотативный компонент); 2) эмотивная семантика заключена в коннотативном значении слова; 3) потенциальная эмотивность.

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОЦЕНКИ В ТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

2.1. Язык литературной сказки как предмет лингвистического исследования

Изучение языка детской литературы лингвистами было бы затруднительно без подробного изучения особенностей явления *детство* физиологами, психологами и философами. Детство представляет собой будущее всего человечества, так как в каждом поколении детей заложена эволюционная потенция к саморазвитию и самосовершенствованию, актулизирующаяся лишь при определенных условиях: сохранение и реализация в обществе принципов ценностного смыслополагания бытия [Попкова 2014: 105]. Благодаря исследованиям в смежных областях было доказано: ребенок - не уменьшенная копия взрослого, это Человек с особенным строением тела, речью и мышлением. Это Человек в стадии развития, который нуждается в конструктивном воспитательно-образовательном воздействии, соответствующем нормам культуры. Примером гуманизации воспитательного воздействия на ребенка являются педагогические системы Л. Н. Толстого, К. Д. Ушинского, В. А. Сухомлинского, А. С. Макаренко, Ш. А. Амонашвили и др., в которых духовно-нравственное и культурное выступают приоритетным началом развития. И книга для ребенка является важным подспорьем в процессе взросления, в процессе усвоения ценностных ориентиров, именно поэтому писатели обязаны помнить о своей роли в становлении личности ребенка. В. Г. Белинский, размышляя о детской литературе и детских писателях, отмечал: «Детским писателем должно родиться, а не сделаться. Это своего рода призвание. Тут требуется не только талант, но и своего рода гений... Да, много, много нужно условий для образования детского писателя: нужны душа благородная, любящая, кроткая, спокойная, младенчески простодушная, ум возвышенный, образованный, взгляд на предметы просветленный, и не только

живое воображение, но и живая, поэтическая фантазия, способная представить все в одушевленных, радужных образах. Не говорим уже о любви к детям и о глубоком знании потребностей, особенностей и оттенков детского возраста» [Белинский 1953: Т.2., 367]. В связи с этим особое место в текстах для детей занимает эстетическая функция языка. Как отмечает К. Б. Мечковская, «эстетическая функция языка заметнее всего в художественных текстах, однако область ее проявления шире. Эстетическое отношение к языку возможно в разговорной речи, дружеских письмах, в публицистической, ораторской, научно-популярной речи – в той мере, в какой для говорящих речь перестает быть только формой, только оболочкой содержания, но получает самостоятельную эстетическую ценность» [Мечковская, 2000: 22]. Таким образом, сущность эстетической функции заключается в способности вызывать в человеке положительные эмоции, чувство удовольствия от прочитанного. Как отмечает Н. В. Курилович, «главное, что отличает эстетическую (поэтическую) функцию языка, - это направленность формы словесного выражения не только на передачу того или иного содержания, но и на само себя, на собственное совершенство, которое позволяет в самом языке ощущать прекрасное… Эстетическая функция языка требует работы над словом с целью открыть читателю и слушателю прекрасное в самом слове» [Курилович 2001: 29]. Эстетической функцией обладают языковые единицы, которые оказывают чувственно-ценностное воздействие на читателя. К. Д. Ушинский писал: «Язык мысли формируется уже мало-помалу из языка чувства, и следы этих чувственных пеленок языка остаются на нем неизгладимо» [Ушинский 1990: Т. 6., С.211-212]. Уже в XIX веке появились идеи воспитывать ребенка не только через рациональную сферу, через интеллект, но и через эмоциональную, для чего, безусловно, подходят детские произведения.

Исследователи подчеркивают, что детская литература занимает особое место в культуре, она возникла в определенный исторический момент и выполняет три основные функции:

- эстетическую,
- дидактическую,
- информативную.

Соответственно, в разные исторические эпохи та или иная функция занимает господствующее положение. И. Г. Зульцер, известный эстетик XVIIIв., подчеркивает: «прилежное чтение самых лучших авторов долженствует иметь великое влечение в поправлении нашего нравственного вкуса, то есть мысль, взятая из книги, способствует исправлению человека» [Зульцер 1774 :16]. Отмечается, что чтение «увеселяет нас во уединении; разум наш наполняет мудростью; приводит нас в состояние рассуждения о вещах здраво; изгоняет из нас леность и вредные оной следствия; показывает нам способ, как употреблять время в нашу пользу и приобретать добродетель» [Курганов 1790:187].

Детская литература не только развивает и организует мышление, но и помогает вхождению юного читателя в родную культуру и социум. Как подчеркивает Е. Б. Кудрявцева: «… «разучивание» социальных ролей возможно лишь при усвоении человеком базовых ценностей этноса, социума и конфессии, представителем которой он является» [Кудрявцева 2010: 9]. При этом более эффективно это «разучивание» при наличии объекта, который будет рассматриваться как идеальный в том или ином отношении. Для человека, рожденного и растущего в окружении литературного языка, особое значение приобретает слово написанное. Именно поэтому детская литературная сказка служит прекрасным источником ценностей, нравственных понятий и поведенческих навыков, необходимых для воспитания и становления настоящего Человека.

В науке существуют различные точки зрения относительно времени появления жанра *литературная сказка*. Ряд ученых (М. О. Скрипаль, Е. П. Званцева) отмечают, что именно в XVII веке начинается формирование жанра литературной сказки. Э. В. Померанцева и Н. В. Новиков считают, что включение литературных сказок в сборники XVIII века говорит о

существовании этого жанра в данный период развития русской литературы. К. Е. Корепова отмечает, что «возникшая в 80-е годы XVIII века книжная сказка оказалась жанром на редкость жизнеспособным, вероятно, потому, что опиралась на устную фольклорную традицию и развивала тенденции, уже наметившиеся в фольклоре. Авторские привнесения в ней соответствовали новым эстетическим запросам читателей» [Корепова 2001 :14].

Другие исследователи (М. А. Гистер, Т. Г. Леонова, И. З. Сурат) опровергают данные точки зрения, считая сказочные произведения «подступами» к жанру литературной сказки. И. П. Лупанова пишет, что «почин в области создания русской литературной сказки принадлежит А. С. Пушкину» [Лупанова 1959: 149], соответственно, только с 30-х годов XIX века можно говорить о формировании этого жанра. Данную точку зрения поддерживает Р. В. Иезуитова: «история русской литературной сказки началась с «вершины», и первым сказочником стал Пушкин». М. П. Шустов также отмечает, что «первым русским писателем, который открыл своим читателям настоящий и подлинный мир русской сказки, стал А. С. Пушкин» [Шустов 2003: 17]. В работах многих исследователей авторские сказки классифицируются следующим образом: литературные сказки, которые являются обработкой народных сказок, оригинальные литературные сказки, которые созданы на основе народно-сказочных мотивов и сюжетов и литературные сказки, в основу которых положен собственно-авторский сюжет. Соответственно, в данной диссертационной работе мы считаем отправной точкой отсчета в лингвистическом исследовании языка литературной сказки – сказки, датируемые концом XVIII века, которые представляют собой литературные обработки фольклорных сюжетов, но с ярко выраженным авторским началом и характерным влиянием западных литератур.

Существуют различные определения понятия «литературная сказка», но большинство исследователей, как мы уже отметили, понимают авторскую сказку как художественное произведение, созданное с опорой на фольклорные

традиции. М. Н. Липовецкий в своих работах определяет именно народную волшебную сказку в качестве источника литературной сказки.

Л. Ю. Брауде предлагает следующее определение: «литературная сказка - авторское художественное прозаическое или поэтическое произведение, основанное либо на фольклорных источниках, либо придуманное самим писателем, но в любом случае подчиненное его воле; произведение, преимущественно фантастическое, рисующее приключения вымышленных или традиционных сказочных героев и в некоторых случаях ориентированное на детей»; произведение, в котором «волшебство, чудо играет роль сюжетообразующего фактора, помогает охарактеризовать персонажей» [Брауде 1979: 6-7].

И. З. Сурат считает, что литературная сказка — это «жанр, соединяющий в себе черты индивидуального авторского творчества с использованием в большей или меньшей степени некоторых фольклорных канонов — образных, сюжетно-композиционных, стилистических» [Сурат 1984: 264]. Таким образом, одним из основных признаков литературной сказки является ее одновременная принадлежность фольклору и литературе. Как отмечает Л. А Мулляр, «жанр литературной сказки характеризуется исследователями как художественная система, в которой соотношение элементов поэтики двух различных видов искусств - фольклора и литературы - определяется не «заимствованием» или «использованием», а представляет целое, гармоническое единство» [Мулляр 2006: 12].Именно поэтому литературная сказка является наследницей фольклорных текстов, в которых представлен весь духовный опыт и идеалы народа, понятия человека о мире, о добре и зле, справедливости, правде и лжи. В XVIII веке И. Гердал представлял народный фольклор как важнейшее проявление народного духа, а фольклорная сказка, по его мнению, «есть часть народной мудрости». Ф. Шиллер видел в сказке игру словами, которая восстанавливает целостность человеческого бытия, рассоединившегося на «реальное и желаемое». При работе с таким

материалом, как литературная сказка, необходимо определить связь исследуемого с фольклором, а также с мифом.

Традиционно выделяются две основные точки зрения. Согласно первой, сказка была исходной формой, наиболее простой, она предшествовала мифу [Шинкаренко 2005]. Согласно второй, сказка сформировалась «далеко за историческими пределами первобытнообщинного строя, в обществе гораздо более развитом. Предпосылкой был упадок мифологического мировоззрения, которое «превратилось» теперь в поэтическую форму волшебной сказки. Это и был окончательный разрыв синкретической связи с мифом. Очень существенным моментом формирования классической формы волшебной сказки является отрыв сказочной фантастики от конкретных «племенных» верований, создание весьма условной поэтической мифологии сказки» [Мелетинский 1970: 46]. По мнению Е. И. Алещенко, «сказки – это мифы, утратившие свое сакральное значение, т. е. они возникли не раньше мифов, а позднее, когда на смену одним мифам приходили другие» [Алещенко 2008: 43].

В данных исследованиях приводятся следующие характеристики сказок. «Сказка обычно трактуется как явление чисто художественное, а в мифе неразличимы элементы бессознательно-поэтические, зачатки религиозных и донаучных представлений, часто имеются следы связи с ритуалами» [Мелетинский 1970: 35]. Сказка может рассматриваться в качестве игровой формы мифа [Leyen 1959]. Но как сказка становится сказкой? Важным моментом такого превращения исследователи считают десакрализацию мифа: «<…> отмена специфических ограничений на рассказывание мифов, допущение в число слушателей «непосвященных» (женщин и детей) невольно влекли изменение установки рассказчика и развитие развлекательного момента» [Мелетинский 1970: 132]. Таким образом, одной из основных характеристик сказки можно отметить её развлекательную направленность.

Время и место в сказке неопределенно, в ней присутствуют традиционные зачины, указывающие на это: «давным-давно», «в тридевятом

царстве». Масштаб действия сказки значительно уже мифического, сказка сосредоточивает свое внимание на отдельных судьбах, на конфликтах локального характера.

В рамках перечисленных концепций миф обыкновенно понимается достаточно узко, исследователи связывают мифологизм лишь с архаикой и «отсталыми» культурами. В данном случае миф рассматривается как «своеобразный рассказ, передающийся из уст в уста, объясняющий личностно-социумное восприятие мира природы, существ ее населяющих, заменяющий точные знания, но ищущий логические объяснения связи знания и восприятия» [Лушникова 2010]. Подобное понимание мифа мы считаем недостаточным, так как оно ограничивает отношения мифа и сказки лишь количественными (охват времени, событий), хронологическими (одно раньше, другое позже) и целевыми (детская, женская, мужская аудитории) характеристиками, что ведет к упрощению реальной картины, сложившейся в результате развития мысли в XX веке.

А. Ф. Лосев предлагает следующую картину понимания мифа. В понимании философа «миф – это не фикция, не выдумка, но специфическим образом осмысленная действительность» [Лосев 1994: 8–9], это «такая диалектически необходимая категория сознания и бытия, которая дана как вещественно-жизненная реальность субъект-объектного, структурно выполненного (в определенном образе) взаимообщения, где отрешенная от изолированно-абстрактной вещности жизнь символически претворена в дорефлективно-инстинктивный, интуитивно понимаемый умно-энергийный лик. Еще короче: миф есть интеллигентно данный символ жизни, необходимость которого диалектически очевидна, или – символически данная интеллигенция жизни» [Лосев 1994: 43]. В чем историческая необходимость такого мировоззрения? Человек стремится к полноте знаний о мире, но это не всегда объективно возможно, для устранения ощущения неполноты знания и страха перед неизвестным человек стремится к заполнению пробелов, таким образом, миф позволяет так осмыслить действительность, чтобы в ней не

осталось вопросов, чтобы все проблемы (даже потенциальные) были сняты, чтобы была явлена целостная и прозрачная картина мира.

Посредством чего миф выстраивает собственную картину мира? Мифологическое мышление близко искусству, так как оно оперирует конкретными чувственными образами [Лосев 1994: 33]. Итак, миф переживается в качестве непосредственного и полного содержания жизни, является системой смыслообразования и порождения ценностей, чувственные образы в мифе наделены конкретным реальным содержанием - в этом и отличие мифа от искусства, от любых его форм и жанров, в том числе и от сказки, так как искусство не интересуется, на каких материалах будут порождены его образы, когда неотъемлемой частью мифа является его реальность, воплощенная в чувственных образах явлений и предметов внешнего мира.

Как же сюжеты и герои архаических мифов стали элементами сказок? «Миф - есть сама себя удостоверяющая реальность» [Лосев 1994: 28–30]. Если кто-либо рассматривает миф с внешней позиции, не является носителем его элементов, то миф такому лицу будет казаться фикцией. Но человек, находящийся внутри мифологии, ощущает его абсолютной реальностью, возможное в мифе воплощается в действительности. Сказка такой силы не имеет. Она питается обезвреженным, мертвым мифом, извлекая из него все необходимые художественные элементы. Миф жив и сегодня, во всех своих проявлениях миф предлагает обобщение реальности, но миф не отрешен от предметной действительности, он отрешен от базового смысла при обращении к конкретной, данной чувственно реальности предмета [Лосев 1994: 61]. Миф становится повседневностью, проникает во все сферы жизни индивида, диктуя свои ценности.

Современными мифологиями занимался в своих работах Ролан Барт. У него «миф – это двойная система; в нем обнаруживается своего рода вездесущность: пункт прибытия смысла образует отправную точку мифа» [Барт 1989: 88]. Таким образом, Р. Барт рассматривает миф как систему,

состоящую из следующих частей: языка-объекта, служащего фундаментом для мифа, и собственно мифа, как второго языка (метаязыка). Миф является таким сообщением в современной культуре, которое определено собственной идеологией, заслоненной буквальным смыслом этого сообщения. А. А. Потебня считает язык орудием мифологии; в мифе, в отличие от метафоры, не разделяется образ и значение [Потебня 1990: 303].

Миф имеет свою направленность, идеологию, навязывающую собственный способ оценивания действительности. В мифе «<…> значение никогда не бывает вполне произвольным, оно всегда частично мотивировано, неизбежно содержит в себе долю аналогии. <...> Мотивированность мифа обусловлена самой его двойственностью – миф играет на аналогии между смыслом и формой, нет такого мифа, где бы форма ни была мотивирована» [Барт 2010: 285]. Нужно понять, что миф не отрицает реальность, он стремится стать ею. Миф «превращает историю в природу» [Барт 1989: 96]. «Задача мифа заключается в том, чтобы придать исторически обусловленным вещам статус природных, возвести исторически приходящие факты в ранг вечных… Миф не отрицает вещей, наоборот, его функция – говорить о них; но он очищает их, делает безобидными, находит им обоснование в вечной и неизменной природе, придает им ясность…» [Барт 1989: 111–112]. Миф – это пелена, накинутая на глаза, но при этом миф не заслоняет собой реальность, он «уничтожает сложность человеческих поступков, придает им простоту сущностей и элиминирует всякую диалектику, пресекает всякие попытки проникнуть по ту сторону непосредственно наблюдаемого; он творит мир без противоречий, потому что в нем нет глубины, и располагает его перед нашим взором во всей его очевидности, безмятежной ясности; кажется, что вещи значат что-то сами по себе. В этом заключена вся двойственность мифа: его ясность носит эйфорический характер» [Барт 1989: 112].

Итак, архаические мифы могли послужить элементной базой для сказок и для многих других жанров художественной культуры. Каковы реальные отношения между мифом и сказкой? В чем их близость? Сказка (как и любое

другое произведение искусства) может играть роль мифа или проводить в себе мифологические идеи. Но для сказки характерна именно высокая концентрация мифологизма, так что взрослыми она легко опознаются как противоречащая реальности, переставая быть мифом, превратившись в чисто развлекательное художественное произведение, отсюда и целевая аудитория сказок – дети. Ребенок же принимает ясные и простые сказочные картины в качестве первой целостной системы объяснения реальности. Так, если современному ребенку сказать, что люди, не соответствующие требованиям морали, – это орки, то ребенок не будет считать, что названные люди ведут себя подобно оркам, он действительно видит в них отрицательных персонажей популярного сегодня произведения Дж. Р. Р. Толкина. Следовательно, сказка – первичная мифологическая система в жизни человека, она диктует свою систему ценностей, а крушение сказки становится первым опытом демифологизации мира в жизни человека. Мы можем предположить, что при ниспровержении мифологизма сказки, его действие может быть вытеснено в область бессознательного, откуда сказка и продолжит диктовать свои законы уже взрослому человеку, определяя его ценностную ориентацию в те моменты, когда невозможен разумный подход к решению поставленных задач, а иные мифологемы в данной ситуации не работают. Авторская сказка является прямой наследницей фольклорной, вбирает в себя ее и ценностные ориентиры. По мнению Л. А. Мулляр, «авторская сказка создаёт системы философско-антропологических воззрений. Это тот случай в культуре, когда сказочники трансформируют художественное произведение, причем малой формы, в теоретическую концепцию человека как бесконечно становящейся субъективной ценности» [Мулляр 2006: 14].

Ю. Ярмыш дает следующее определение исследуемому жанру: «Литературная сказка — это такой жанр литературного произведения, в котором в волшебно-фантастическом или аллегорическом развитии событий, и, как правило, в оригинальных сюжетах и образах в прозе, стихах или

драматургии решаются морально-этические и эстетические проблемы» [Ярмыш 1972: 173].

Именно в связи с таким ценностным наполнением авторских сказок представляется интересным исследование эмотивных и оценочных единиц в структуре текста литературной сказки.

Языковые особенности русской литературной сказки изучались многими исследователями. В некоторых фундаментальных литературоведческих работах, посвященных изучению авторской сказки (А. Н. Соколова, И. П. Лупановой, Т. Г. Леоновой, М. Н. Липовецкого, Л. В. Овчинниковой, О. Ю. Трыковой и др.), даются не только литературоведческие, но и лингвистические комментарии текста. Следует отметить диссертации Л. А. Островской, В. Г. Будыкиной, Зворыгиной О. И., А. А. Шевцовой, посвященные исследованию языка литературной сказки, а также статьи И. Г. Васильевой, В. П. Володиной, Р. Р. Гельгардта, В. И. Чернышевой и других.

Особенности разных языковых уровней литературной сказки рассматривались исследователями сказок:

• фонетический (З. А. Сахарова, Н. Ф. Немченко)

• лексический (Н. М. Ладисова, М. В. Иванова, О. И. Зворыгина, И. Г. Панина, А. Б. Шабанова, Л. В. Грибина, Н. М. Ротанова, Е. С. Дудко, А. А. Шевцова)

• синтаксический (Т. В. Доброницкая, А. В. Брандаусова, В. Г. Будыкина)

В развитии языка литературной сказки О. И. Зворыгина выделяет три основных этапа, которые отмечаются существенными его изменениями, обусловленными естественными процессами эволюции языка, а также жанровыми преобразованиями, происходившими с течением развития литературной сказки:

• 1750-е – 1820-е годы - период начала формирования жанра;

Появившаяся во второй половине XVIII века литературная сказка представляет собой литературные обработки и переделки фольклорных

сюжетов, но в то же время в них существенно прослеживается авторская рука и влияние европейской литературы.

- 1830-е годы – период закладки основных лингвостилистических тенденций;

Данный этап, безусловно, можно назвать «золотой» эпохой русской авторской сказки. В этот период создавались шедевры жанра (А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, П. П. Ершов и др.).

- 1840-е – 1990-е годы – время развития заложенных в предыдущий период лингвостилистических особенностей.

«Золотой» пушкинский период продолжается такими именами, как В. И. Даль, Б. Броницын, Н. А. Полевой, А. Ф. Вельтман, О. М. Сомов, В. Ф. Одоевский, А. Погорельский, Н. М. Языков, П. А. Катенин, Н. А. Некрасов, Д. Д. Минаев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. П. Вагнер, Л. Н. Толстой, К. Д. Ушинский, Э. Успенский, Л. Чарская, В. П. Крапивин, К. Булычев и др.

Важно понимать, насколько сильно язык произведения может влиять на ребенка-читателя. Ряд исследователей (Г. С. Виноградов, Карл Бюлер) отмечают, что у детей интерес к сказкам, возникающий в 4 года, пропадает только в отроческом возрасте (12-14лет). Соответственно, сказка (фольклорная и литературная) сопровождает ребенка длительный период и является тем самым первым шагом в освоении окружающего мира. Именно сказка способна объяснить своему читателю, «что такое хорошо и что такое плохо», и задать правильный вектор ценностного воспитания современного человека. Сказка, появившись в раннем детстве, сопровождает человека потом в течение всей жизни и «существует» в его поступках и действиях. В связи с этим следует учитывать, что каждое литературное произведение имеет свою эмоциональную и оценочную характеристику, которая создается за счет элементов разных языковых уровней. Важным является рассмотрение не только эмотивных и оценочных языковых единиц в литературных текстах, созданных в одной культуре, но и изучение возможных вариаций и смен аксиологического знака отдельных лексем и всего текста, произошедших при

переводе. Такое изучение представляется вполне закономерным в связи с более точным и глубоким пониманием самого произведения, а также для определения его художественной ценности. Перевод, по справедливому замечанию В. Г. Красильниковой, представляет собой составную часть достаточно большого класса явлений, которые В. В. Виноградов именует «вариантными формами воплощения того же замысла». К этому классу относятся «литературные «переделки и подделки», произведения, созданные на основе одного сюжета, новые произведения, созданные на основе иноязычных оригиналов, но не являющиеся переводами, а также переводы одного текста на разные языки, выполненные в разные исторические периоды» [Красильникова 1998: 5-6]. Необходимым и значимым элементом является переводчик, который сначала выступает в роли реципиента и воспринимает значение и смысл авторского высказывания, затем формирует собственное понимание художественного произведения, а потом уже реализует языковое перекодирование. В. П. Белянин предлагает следующую цепочку перекодирования и восприятия иноязычного текста, где переводчик является значимым звеном:

Автор

значение — смысл

реципиент

смысл — значение

переводчик

В данной цепи отмечается большое количество звеньев, каждое из которых может существенно не только изменить, но и заменить смысловые элементы более подходящими к адаптируемой картине мира. Мы считаем необходимым обратить внимание на употребление эмотивных и оценочных

языковых единиц в повести-оригинале и ее русских интерпретациях в одной из читаемых книг сегодня, которая полюбились не только детям, но и многим взрослым во всем мире – книга Дж. Р. Р. Толкина. Текст «The Hobbit, or there and back again», предназначенный изначально лишь для собственных детей автора, сегодня переведен на десятки языков. В России впервые читатели познакомились с увлекательным миром хоббитов благодаря переводу Натальи Рахмановой, опубликованному в 1976 году издательством «Детская литература». Мы рассмотрим особенности употребления эмоциональных и оценочных элементов в первой главе текста-оригинала, а также в двух переводах (Н. Рахмановой и К. Королева) на русский язык. Текст, опубликованный английским писателем Джоном Р. Р. Толкином в 1937 году, для российской публики сегодня представлен более чем в 20 существующих переводах. Для анализа нами были выбраны первый и классический перевод произведения (Н. Рахманова), а также современная и наиболее читаемая и издаваемая интерпретация английского текста (К. Королев).

Н. Рахманова, создавая свой текст, старалась сохранить самого Толкина в тексте, соответственно, минимизировала свое присутствие в переводе. Жанр самого произведения определен Н. Рахмановой как повесть-сказка (термин «фэнтезийная повесть» появился в русской традиции значительно позже), соответственно, автор многократно использует лексемы, созданные при помощи повтора основы и ставшие неотъемлемой частью не только народных, но и литературных сказок:

<…> Он не бывал в этих краях уже давным-давно, собственно говоря, с того дня, как умер его друг Старый Тук, и хоббиты уже успели забыть, каков Гэндальф с виду.

По обеим сторонам туннеля шли двери – много-много круглых дверей

<…> он жил-поживал в прекрасной хоббичьей норе, построенной отцом, в той самой, которую я так подробно описал в начале главы, и казалось, он никуда уже не двинется с места.

В данном примере примечательно использование лексемы *хоббичья,* что свидетельствует о стремлении переводчика адаптировать лексему *хоббит* (основной объект сказочной реальности) и ее производные для русского языка, а значит – для русского сознания:

<…> колокольчик зазвонил снова, да так громко, будто какой-то шалун-хоббитенок пытался оторвать его.

Глупости, конечно, но и до сих пор во всех Туках и в самом деле проскальзывало что-то не совсем хоббитовское <…>.

Он отсутствовал по своим делам с той поры, когда все они были еще хоббитятами.

Таким образом, лексема *хоббит* и ее производные отражают многие грани жизни маленьких существ. В интерпретации Н. Рахмановой маленький мир становится маленьким и на лексическом уровне: переводчица использует для многих предметов, описывающих быт хоббитов, уменьшительные суффиксы:

Если у вас есть трубка, присаживайтесь, отведайте моего табачку!

И Бильбо уселся на скамеечку возле двери, скрестил ноги и выпустил красивое серое колечко дыма; оно поднялось вверх и поплыло вдаль над Холмом.

Используемые переводчиком диминутивы способствуют лучшему представлению юного читателя о пространственных характеристиках текста. Несмотря на малые размеры мира хоббитов, он подчиняется законам человеческого мира и имеет индивидуальные названия определенных предметов, т.е. в нем присутствуют имена собственные. Для русских переводов английского текста-оригинала характерны различные вариации онимов, которые именуют сказочный мир героев. Н. Рахманова предлагает наиболее близкие к оригиналу варианты: Бэггинс, Холм, Беладонна Тук, Высокий Народ:

Пожалуй, стоит рассказать о хоббитах подробнее, так как в наше время они стали редкостью и сторонятся Высокого Народа, как они называют нас, людей.

Н. Рахманова употребляет в своей интерпретации лексему *верзила*, являющуюся синонимом представителей Высокого народа, которая отсутствует в тексте-оригинале:

<…> helps them to disappear quietly and quickly when large stupid folk like you and me…

<…> всякие бестолковые, неуклюжие верзилы, вроде нас с вами...

Лексема *верзила,* употребленная Н. Рахмановой, исконно русская по своему происхождению и отражает не только параметрическую характеристику «высокий», но и несет дополнительный семантический отрицательный оттенок для именуемого подобным образом существа (в данном случае - человека).

Случаи употребления лексем, более понятных для русского сознания, отмечаются в тексте Н. Рахмановой. Процесс внедрения текста в русскую действительность хорошо просматривается на лексическом уровне. Переводчица использует в своей интерпретации устойчивые выражения:

Истории и приключения вырастали как грибы всюду, где бы он ни появлялся.

<…> и семья старалась замять это дело.

Для данного перевода характерно и употребление разговорных элементов:

Бр-р, от них одно беспокойство и неприятности! Еще, чего доброго, пообедать из-за них опоздаешь!

Употребление разговорных элементов в речи героев произведения помогает воссоздать атмосферу устного общения, для которого характерно большее, по сравнению с письменным текстом, количество эмоциональных и экспрессивных единиц. В данном примере отмечается отличное от текста-

оригинала употребление звукоподражательной единицы, которая также характерна для устного общения.

Таким образом, перевод, сделанный Н. Рахмановой, существенно не изменяет текста-оригинала, не вносит фактических дополнений или, наоборот, не элиминирует значимых для понимания произведения единиц.

Перевод К. Королева, представленный читателю в 2000 году, существенно разнится с переводом Н. Рахмановой. Переводчик вносит в текст некоторые незначительные фактические дополнения:

Нора была вовсе не грязная и совсем не сырая; не копошились в ней черви, не лепились по стенам слизняки <…>.

В тексте-оригинале говорится только об отсутствии червей:

Not a nasty, dirty, wet hole, filled with the ends of worms and an oozy smell<…>.

В данном примере отражается одна из основных особенностей перевода К. Королева: автор часто употребляет эмотивные лексемы, отсутствующие в тексте Дж. Р. Р. Толкина, что, безусловно, влияет на восприятие текста читателем. Его текст изобилует эмоциями, о чем также свидетельствуют употребленные вводные слова с эмоциональной характеристикой, отсутствующие в тексте-оригинале:

По счастью, Белладонна Тук вовремя вышла замуж за господина Банго Торбинса, и приключения обошли ее стороной.

К сожалению, покамест никто не соглашается.

В данном примере также отмечается употребление просторечного слова *покамест.*

Переводчик не только привносит в текст свое видение и дополнительную эмоциональную нагрузку, но элиминирует некоторые элементы, чаще всего употребленные при описании быта:

The door opened on to a tube-shaped hall like a tunnel: a very comfortable tunnel without smoke, with panelled walls, and floors tiled and carpeted, provided

with polished chairs, and lots and lots of pegs for hats and coats - the hobbit was fond of visitors.

В переводе К. Королева некоторые элементы убранства дома исчезают:

Открывалась она в просторный и длинный коридор, похожий на пещеру, но чистый и ничуть не задымленный; в нем стояли стулья, пол устилали ковры, стены, обшитые деревянными панелями, оснащены были великим множеством крючков для плащей и шляп — этот хоббит просто обожал принимать гостей.

В данном примере автор вносит дополнительные лексемы, описывающие пространственные характеристики жилища (*просторный* и *длинный*), но о том, что стулья были полированными, а пол – кафельным, переводчик не упоминает. К. Королев также употребляет лексическую единицу *обожать*, которая вносит в данное предложение дополнительный экспрессивный оттенок.

Исчезают в переводе К. Королева и волшебные навыки хоббитов:

Волшебством они не занимаются, зато умеют в мгновение ока скрыться, если поблизости появятся Громадины, топочущие будто слоны.

В тексте-оригинале «тихое исчезновение» признается видом волшебного:

There is little or no magic about them, <u>except the ordinary everyday sort which helps them to disappear quietly and quickly</u> when large stupid folk like you and me come blundering along, making a noise like elephants which they can hear a mile off.

В данном примере употреблены отрицательные оценочные единицы, характеризующие людей, которые отсутствуют в переводе К. Королева. В тексте К. Королева прозвище, данное хоббитами людям, не несет отрицательной семантической нагрузки.

Интересным представляется рассмотрение особенностей перевода некоторых форм обращении:

"Not at all, not at all, <u>my dear sir!</u>

К. Королев обращение *my dear sir,* переведенное Н. Рахмановой как *милейший сэр,* превращает в языковую игру, основанную на возможности сочетания в себе полярных знаков лексемой *хороший*, которая широко используется в литературных сказках, начиная с момента появления данного жанра. В XVIII - XIXвеках отмечается употребление данного слова лишь с положительной оценочной семантикой. В XX веке в словарях начинает фиксироваться дополнительное отрицательное оценочное значение, связанное с переносным употреблением слова в тексте. Таким образом, наблюдая за поведением Бильбо при первой встрече с Гендальфом, можно отметить очевидную смену настроения хоббита: от доброжелательного до нежелания общаться. Соответственно, русский читатель по-разному воспринимает речь Бильбо, ощущая сарказм и иронию говорящего:

— *Вовсе нет, господин хороший, вовсе нет!*

Таким образом, переводчик, адаптируя текст для читателя, использует многогранные возможности русского слова. Не только употребление слов с амбивалентным оценочным значением, но и использование синонимов, просторечных слов, фразеологизмов и разговорных элементов в большом количестве (отличным от текста-оригинала) в интерпретации К. Королева позволяет наполнить произведение «русским духом» и создать ощущение непринужденной беседы не только между героями, но и между читателем и самим автором:

<…> все же в Туках имелось что-то такое, совсем не хоббитовское, и время от времени родичи Туков, а то и они сами, находили приключения на свою голову.

Таким образом, произведение, созданное в другой культуре и эпохе, трансформируясь при помощи переводчика в интерпретацию на другом языке, вбирает в себя особенности того мышления и той культуры, для которой оно создается. Переводчица Н. Рахманова, создавая свое произведение, старалась максимально точно (насколько это возможность) сохранить оригинал в переводе. К. Королев, создавая свой текст уже на пороге смены тысячелетий,

когда незначительно изменились аксиологические ориентиры общества, привносит не только фактические изменения в текст, элиминирует существующие в тексте Дж. Р. Р. Толкина характеристики предметов, но и наполняет произведение яркой эмоциональной окраской (используя разные уровни языка), что, безусловно, влияет на прочтение произведения не только детьми, но и их родителями. И рассмотренные изменения свидетельствуют о необходимости изучения тех преобразований, которые претерпевает аксиологический знак лексемы при «перекодировании» с одного языка на другой.

2.2. Оценочные языковые элементы в тексте литературной сказки

Для ребенка важно выбрать правильную аксиологическую картину мира, которая в течение всей его жизни будет служить основанием для совершения собственных поступков и вынесения оценки для чужих. В связи с этим рассмотрение оценки в текстах литературной сказки является важным и необходимым, поскольку именно литературная сказка одна из первых знакомит своего читателя с миром Ценностей.

Оценка в текстах литературной сказки выражена на разных языковых уровнях:

- *Фонетический уровень:*

<…> иногда он принимал глупый вид и во все горло кричал: «какой ска-ан-да-ал!!» (Гаршин. То, чего не было)

В данном предложении реализуется параметрическая оценка, выраженная многократным повтором буквы «а».

- *Морфологический уровень:*

Оценка, как мы уже отметили, может быть выражена в слове с помощью различных аффиксов. В связи с этим Н. А. Лукьянова предлагает разграничивать словообразовательные модификации и словообразовательные

транспозиции с суффиксами субъективной оценки (*дождичек, компотик – симпатяга, верзила*). Первые в речи частично теряют свою оценочность:

*Как говорится, «кому **молочко**, а кому пустое **блюдечко**». Заколдую всех сразу! (Прокофьева. Ученик волшебника)*

Вторые же являются ярким оценочным средством:

*Подумать только, его купили, чтобы скормить **страшилищу**!!! Ой-ой-ой! (Ракитина. Приключения новогодних игрушек).*

- *Лексический уровень:*

Лексический пласт, по мнению Г. Ф. Ивановой, «представляет собой ядро семантической категории оценки» [Иванова 2007: 25]. Для одних слов оценочное значение составляет их основное лексическое содержание (оценочные слова), для других же лексем оценочное значение является одним из составляющих коннотативного компонента (слова с оценочным компонентом значения). Вся оценочная лексика, как мы уже отметили, делится на две группы: собственно-оценочную (лексемы данной группы выражают абстрактную оценку предметов, ситуаций и явлений и не называют при этом их свойств (общая оценка)) и номинативно-оценочную (лексемы данной группы называют предметы и явления материального мира и одновременно оценивают их (частная оценка)).

Оценка может быть выражена не только с помощью отдельных лексем, но и фразеологических оборотов:

*Все шло у стариков **как по маслу**: и в избе хорошо, и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. (Даль. Девочка Снегурочка)*

В приведенном примере фразеологическая единица «как по маслу» передает общее оценочное значение «хороший».

В данной работе мы будем широко понимать фразеологию и относить к ней следующие компоненты: идиомы, фразеологические сочетания (коллокации), пословицы и поговорки, составные термины и наименования, крылатые выражения, штампы и клише. С. Г. Гаврин выделяет в составе

пословиц 5 признаков, на основании которых объясняется их включенность в состав фразеологии: 1) воспроизводимость в речи, 2) семантическая целостность, 3) общеупотребительность, 4) постоянство компонентного состава, 5) постоянство грамматической формы [Гаврин 1969: 25]. М. М. Копыленко, З. Д. Попова, А. В. Кунин считают также, что пословицы входят в состав фразеологии.

Т. В. Гриднева следующим образом определяет структуру фразеологической семантики:

- Многоступенчатый денотативный компонент;
- Ведущий коннотативный компонент, составляющими которого являются эмотивные элементы;
- Прагматический макрокомпонент, включающий оценочные и воздействующие свойства единицы, что обусловливает экспрессивность фразеологических единиц.

Фразеологические единицы, как и слово, обладают следующими аспектами:

- субъект оценки (представляет собой социум, так как фразеологические единицы отражают признанные обществом нормативы и установки);
- объект оценки;
- основание оценки;
- характер оценки.

Таким образом, аксиологическую лексику можно обозначить как базис функционального поля оценки, создаваемого при помощи синтаксических моделей, интонаций, грамматических форм и др. Русская лексика, содержащая оценочный компонент, крайне разнообразна по способу его реализации в самом слове, в смысловом контексте, а также по содержащемуся воздействию на адресата. Для лексических единиц в русских литературных сказках характерно особое лингвистическое средство формирования оценки: метафоризация. Метафора производит некий «семантический взрыв», именуя

предмет «чужим» именем. И. М. Кобозева пишет, что следует признать «метафорами <…> все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии». [Кобозева 2001:136-137].

При рассмотрении оценочной лексики необходимо учитывать, что нет четкой закрепленности того или иного слова за той или иной группой или тем или иным знаком, так как среди оценочных единиц наблюдается явление энантиосемии. При энантиосемии происходит совмещение противоположных значений в семантической структуре слова. Вопрос о природе энантиосемии является сложным: ряд исследователей считают энантиосемию внутрисловной антонимией (Р. А. Будагов, Л. А. Новиков, К. И. Гельблу, А. К. Ганькин, О. М. Соколов, Е. П. Ходакова,Т. Г. Пономаренко), другие относят энантиосемию к разновидностям омонимии (Н. М. Шанский, В. В. Виноградов, Е. В. Терентьева), а Ф. С. Бацевич, Л. Е. Бессонова, Т. А. Космеда, Н. К. Салихова, О. И. Смирнова полагают, что энантиосемия – это особое явление полисемии. В. Ю. Кравцова, анализируя работы последних лет, пишет: «энантиосемия представляет собой явление, смежное между полисемией и антонимией, т.к. энантиосемичные языковые единицы характеризуются наличием единого плана выражения, двух планов содержания и антонимического характера отношений между ними» [Кравцова 2006: 6].

Развитие противоположных значений вследствие различной оценки предмета или явления окружающей действительности часто может быть связано с появлением отрицательного значения у слова, первоначально имеющего положительную семантику: в русском языке *благой* – это не только «хороший», «добрый», «полезный», но и «плохой», «дурной», «злой», например, в выражении *кричать благим матом*:

Закричала птица благим матом, как двести испуганных куриц одновременно, и скрылась в ночном небе. (Успенский. Иван - царский сын и серый волк)

Первоначально значение слов с корнем *–благ-*, появившегося в старославянском языке, было исключительно положительным с высокостилевой семантикой, но в дальнейшем при «включении» слова в живой разговорный язык появляются сниженные смыслы, и начинают развиваться противоположные значения.

Присутствие лексем с полярными знаками в текстах литературной сказки является одним из средств создания экспрессивности как самих языковых единиц, так и текста в целом. Оценочный знак может быть выявлен при помощи контекста или даже порядка слов:

- *Дурень, дурень, нашел что сказать* - *смеется лиса.* - *Ходишь грязный, косматый, без галстука; жрешь что встретится,* - *хорош генерал! (Форш. Хитрые звери)*

В данном примере имеется грамматический разграничитель энантиосемичных единиц: полная форма имени прилагательного «хороший» предполагает положительный знак, а краткая скорее всего отрицательный.

Следует отметить, явление энантиосемии затрагивает не только лексемы, выражающих общую оценку, но и частную. Например, среди лексем, обозначающих этическую категорию в текстах литературной сказки, наблюдается также явление энантиосемии.

В лингвистических словарях даются следующие толкования лексемы «хитрый»:

В словаре В. И. Даля лексема «хитрый» имеет следующее значение [IV:501]:

Хитрый, искусный, мудреный, изобретательный, замысловатый, затейливый. *Хитра голь на выдумки <…>* ||Злостный, лукавый, коварный. *Этот человек хитрый, двуличный, у него хитрые замыслы.*

В Малом академическом словаре дается следующее толкование:

ХИ́ТРЫЙ, -ая, -ое; хитёр, хитра́, хи́тро и хитро́, хитры и хитры́.

1.Скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями к достижению чего-л.; лукавый. — *Ловка же бабенка, — молвил*

удельный голова. — Говорится же пословица: «Хитра, мудра баба казанская, похитрей ее астраханская». Мельников-Печерский, В лесах.

2. *Разг.* Изобретательный, искусный в чем-л. *Голь на выдумки хитра.* Пословица.

3. *Разг.* Искусно, затейливо сделанный, выполненный. *Стаканыч мастерил из разноцветных бумажек, тонкой проволоки и бисера какие-то удивительно хитрые коробочки.* Куприн, На покое.

4. *Разг.* Не простой, мудреный, замысловатый. *Истинно хороша вовсе не какая-нибудь непременно редкая, хитрая или новая рифма, а хороши те рифмы, которые естественно стоят на конце стиха.* Брюсов, Ремесло поэта.

Оценочный знак лексемы *хитрый* дифференцируется при помощи контекста:

Подошёл Евлампий к отцу и начал с него сапоги стягивать. Стянул один наполовину, за другой взялся. Стянул другой наполовину… Отец думает: «Видать, пощеголять в моих сапогах хочет. Пущай позабавится». А хитрый Евлампий хвать штоф да на двор. Отец с лавки вскочил в погоню, а сапоги спущенные мешают. Покуда туда-сюда, сына и след простыл. (Шер. Попался волчок на крючок)

В данном примере реализуется положительное значение лексемы *хитрый – «изобретательный, искусный в чём-л.»*. Данное значение сопряжено с высокими интеллектуальными способностями героя. В следующем примере лексема «хитрый» находится в одном ряду со словами, выражающими отрицательную оценку:

А Фриц - Рыжий лис был не только жестоким, хитрым и коварным, но и не отличался умом. (Туричин. Крайний случай)

Нами в тексте выявлен и ряд лексем, выражающих противоположные аксиологические знаки, которые не только зафиксированы в словарных статьях (узуальное употребление), но и отмечаются лишь в определенном тексте (окказиональное употребление):

— Ну, как? Впечатляет?

— Гениально! — ответил кот, с трудом сдерживая зевоту. (Кутерницкий. Госпожа Странная Мысль)

В данном примере реализуется противоположное ироничное значение лексемы «гениально».

Таким образом, энантиосемичные изменения могут затронуть в тексте практически любые лексемы, которые вне данного текста не имеют противоположного оценочного значения. Данные лексемы могут стать таковыми лишь в определенном контексте, употребляясь в противоположном значении. Рассматриваемое нами явление адгерентной энантиосемии, которое не фиксируется словарями, наблюдается повсеместно и активно используется говорящими в соответствии с их коммуникативными интенциями. Данные лексемы всегда выразительны и способствуют повышению прагматического потенциала высказывания.

- Следующим языковым уровнем, выражающим оценку, является *синтаксический.*

Следует учитывать, что синтаксический уровень тесно взаимодействует с лексическим в рамках функционально-семантической категории оценки. Интересным в ценностном аспекте представляются аппозитивные словосочетания, которые в сказках часто используются для номинации героя (Иванушка-дурачок). Данные словосочетания выражают отношения между определяемым словом и приложением:

Сразу узнал его Евлампий и бросился обнимать и целовать растерянную девицу-красавицу. (Шер. Попался волчок на крючок)

Как мы уже отмечали, процесс вынесения оценки предполагает сравнение. Для литературной сказки характерно большое количество сравнительных оборотов. Союзы *как, словно, будто, точно* достаточно часто используются в сравнительных конструкциях:

Обрадовалась Варварушка, бросилась с плачем старичку в ноги и опять заголосила, как безумная: – Одолень-трава! Одолей ты злых людей: лихо бы

на нас не думали, дурно бы нам не делали. Верни, старичок, мне мою Крупеничку! (Телешов. Крупеничка)

Для литературной сказки также характерно употребление творительного падежа имени существительного в функции сказуемого для создания сравнительной оценки:

Он вошел врагом на двор. (Салтыков-Щедрин. Ворон-челобитчик)

Для выражения оценки в текстах литературной сказки активно употребляются и интенсивы – синтаксические формы сочетания частиц *какой, как, такой, так* с какими-либо лексемами:

Вот подожди, я тобой займусь! Какой ты человек! (Крапивин. Стража Лопухастых островов)

Наличие экспрессивной интонации вместе с частицей выступает как оценочное средство в данном предложении.

Если мы будем рассматривать схему оценочного предложения, то синтаксическими конструкциями с оценочным содержанием являются лишь те, в которых, как отмечает М. Я. Блох, «лексические единицы с оценочной семантикой находятся в предикативной позиции» [Блох, Ильина 1986: 14-15]. Таким образом, оценочные предложения могут иметь различную структуру, главное – предикативные отношения между подлежащим и сказуемым, в состав которого входят оценочные единицы. Это обусловлено тем, как отмечает М. Я. Блох, что предикация – есть «соотнесение высказывания к действительности» [Блох 2000: 113]. Следовательно, целью такого предложения и будет выражение оценки к предметам и явлениям окружающего мира.

Нами выделяются 2 типа оценочных предложений:

1. Предложения, в состав которых входит оценочная лексема:

- Двусоставные предложение со включенной оценочной единицей:

Ни с того, ни с сего вдруг стала красивой Маленькая Баба-Яга. (Кудрявина. Как маленькая Баба Яга стала Снегурочкой)

Горы, солнце, облака отражались в зеркале. Это было очень красиво. (Губарев. Королевство кривых зеркал)

Основной семантический компонент, который обязательно имеется в двусоставном предложении - оценочный предикат. Следует отметить, что для литературной сказки особо характерна инфинитивно-подлежащная модель предложения, где позицию предиката занимает слово с оценочным значением (в роли оценочного предиката выступают именно абстрактные имена существительные (вранье, беда, счастье и др.)):

Надо вам всем вместе изо всех сил завизжать и быстрее собственного визга оказаться дома. Ваше счастье — добежать! (Шер. Тридесятые сказки, или Вот такие пирожки)

- Односоставные предложения со включенной оценочной единицей:

- Прощайте, жуки и мухи! Чик-чирик! Прелесть! (Прокофьева. Ученик волшебника)

Выбор писателя между односоставным и двусоставным предложением, как отмечает Герасименко, это «выбор формы, предоставляемый человеку языком для выражения разных способов «видения» внеязыкового мира» [Герасименко 1999, с. 16].

2. Предложения, в которых отсутствует оценочная лексема

Слова, входящие в состав подобных предложений, приобретают оценочное значение непосредственно в контексте и под влиянием интонации:

Да-а, ну и времена! *Гоблинов развелось! И ведь крупные какие! (Егорушкина. Настоящая принцесса и Бродячий Мостик)*

Для определения характера оценочного знака в односоставных номинативных предложениях следует учитывать контекст, в котором употреблена данная конструкция:

Все только ахают: — Ну и Хрюк! (Заходер. Хрюк на елке)

Данный пример демонстрирует неясность оценочного знака предложения вне самого контекста, поскольку в русском языке лексема

«ахать» может употребляться для выражения эмоций удивления, восхищения и печали.

Таким образом, на синтаксическом уровне сочетаются и соединяются средства выражения оценочных значений других уровней языка. Основой для проявления оценочного значения на синтаксическом уровне является наличие оценочного предиката. Продуктивными средствами в тексте литературной сказки также являются сравнительные обороты и использование интенсивов.

2.2.1. Общеоценочная лексика в тексте литературной сказки

В ценностную картину мира включаются не все «живущие» в реальной действительности предметы, события и явления, поскольку не все из них представляют интерес и являются ценностью для человека. Общеоценочные единицы оценивают мир, не конкретизируя его. Набор свойств, которые отражает общая оценка, является довольно неопределенным в качественном и количественном отношении. Оценочная лексика с общим значением составляет 24,3% от числа анализируемых оценочных единиц. Лексема «хороший» не всегда занимала основное место в ряду общеоценочных единиц. В период XVII–XVIII вв. произошли коренные изменения в лексико-семантической группе общей оценки: прилагательное *добрый,* функционирующее как доминанта данной группы, сузило сферу значения до выражения этической оценки. Теперь основным в ряду лексем с общеоценочным значением стало прилагательное «хороший».

В Академическом Словаре 1794 года дается следующее определение значения лексемы «хороший» [Академический словарь 1794: 574]:

1) Относительно к животным и к прочим произведениям природы, и к вещам искусством сделанным значит: отменный, превосходный в своем роде. *Хороший конь. Хорошая корова. <…> Нарядится в хорошее платье.*

2) Относительно к человеку значит: честный, благонравный, добродетельный. *Человек хороший. Знаться с хорошими людьми. Он имеет хорошую душу.*

3) Исправный в своей должности, искусный, знающий. *Хороший хозяин. Хороший воин. Хороший музыкант. Хороший бытописатель, стихотворец.*

4) Пригожий, видный красивый. *Хорошее лице. Хорошая девица, женщина.*

В Толковом словаре В. И. Даля (1866) дается следующее значение лексемы «хороший»:

Хороший и хоровитый (от краса, краше, кораше?), лепый, красный, прекрасный, красивый, красовитый, басистый, баской, видный, взрачный, казистый, приглядный пригожий, статный, нравный на вид, по наружности; || добрый или путный, ладный, способный, добротный, дорогой, ценимый по внутренним качествам, полезным свойствам, достоинству [Словарь живого великорусского языка 1866: IV 513].

В словаре (МАС IV. С. 620–621.) в ряду значений лексемы «хороший» выявляются новые ЛСВ, которые включают в себя все группы частных оценок.

При анализе словарных статей лексемы «хороший» становится очевидным, что с течением времени значение данного слова расширяется и «покрывает» все частные группы оценок. Литературная сказка, являясь произведением своего времени, отражает все исторические изменения в значении лексемы *хороший*, которая является доминантой в ряду единиц, обозначающих положительную оценку, которая выражается различными частями речи: адъективными лексемами и наречными эквивалентами (Вольф, 1985). В тексте литературной сказки представлены следующие основные лексические единицы с оценочным значением:

Положительная оценка*: хороший (хорошо), неплохой (неплохо), недурной (недурно), добрый, славный, (славно), ладный, замечательный (замечательно)*, *чудесный (чудесно), благой, изумительный (изумительно), восхитительный*

(восхитительно), отличный (отлично), превосходный (превосходно), наилучший, лучший, первоклассный, великолепный (великолепно), классный (классно), сносный (сносно), путный (путно).

Количество употребленных лексем с общим положительным оценочным значением в текстах литературной сказки составляет 82,5% от общего числа всех употребленных общеоценочных единиц, что соответствует тенденциям русского языка: в языковой практике наблюдается преобладание лексем с положительным оценочным значением (согласно Национальному корпусу русского языка (дата обращения: 09.10.2014г.) практически совпадает и процент соотношения положительных и отрицательных единиц – 82% и 18% соответственно (на примере лексем «хороший» и «плохой»)). Соответственно, общеоценочные единицы с **отрицательным значением** употребляется в 17,5% случаев и представлены следующими основными лексемами: *плохой (плохо), нехороший (нехорошо), дурной (дурно), скверный (скверно), дрянной, ужасный, отвратительный (отвратительно), кошмарный, никудышний, худой (худо), паршивый (паршиво), неважный (неважно).*

Л. А. Сергеева отмечает, что «лексемы, выражающие общую оценку, могут быть сгруппированы в разряды в зависимости от характера оценки, меры оценки, отсутствия или наличия средств субъективной оценки» [Сергеева 2007: 231] Общеоценочные единицы способны отражать градуальные признаки: в различной степени проявляется свойство *хороший* или *плохой*. Положительная оценка (*хороший*) репрезентируются в следующих лексемах в зависимости от степени проявляемого признака:

Первая группа объединяется значением **«очень хороший (очень хорошо), превосходит предъявляемые требования»**:

К данной группе относятся лексемы, превосходящие в той или иной степени норму для того, чтобы считаться хорошим. Единицы данной группы используются в 17,55% случаях употребления лексем с общеоценочным значением.

наречие:

превосходно: *Вот как я превосходно придумала», – думала она про себя. (Гаршин. Лягушка-путешественница)*

прекрасно: - *Прекрасно! Превосходно! - запищал он, возбужденный открытием. (Губарев. Королевство кривых зеркал)*

замечательно: *Вовсе незачем ему дожидаться волшебника Алешу, и даже хорошо, просто замечательно, что его нет дома. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

отлично: *— Отлично вышло, — похвалил девушку следователь. (Голь. Жил-был у бабушки)*

изумительно: *— Уважаемый, дорогой, милый, господин козел еж! Изумительно! (Кутерницкий. Приключения птицы курицы)*

<u>адъектив:</u>

лучший: *Хан приставил к царевичу старшину лучшаго (Екатерина II. Сказка о царевиче Хлоре)*

Данное значение «самый хороший» может быть выражено с помощью использования аналитической и синтетической формы образования превосходной степени прилагательного:

*– Мама… А ведь ты – **самая** лучшая, правда? (Ракитина. Сережик)*

*Кот побывал в Китае, посетил Азорские острова и Мексику, но из всех виденных стран Франция произвела на него **наи**лучшее впечатление. (Кутерницкий. Госпожа Странная Мысль)*

прекрасный: *День был прекрасный и необыкновенно тёплый, не более трёх или четырёх градусов мороза (Погорельский. Черная курица, или подземные жители)*

замечательный: *А сад, надо сказать, у царя был замечательный. (Успенский. Иван-царский сын и серый волк)*

Лексема «замечательный», имея общеоценочное значение, представляет «психологический аналог вкусовых оценок, основание которых коренится в неподдающихся экспликации ощущениях» [Арутюнова 1988: 62] нами не была обнаружена в литературных сказках XVIII-XIXвв.

отличный: *Везде такая отличная, бархатная зеленая травка и белые цветы. (Вагнер. Песенка земли)*

знатный: *Средний - Алёша - хлеборобом, знатным комбайнёром стал. (Туричин. Крайний случай)*

восхитительный: *— Динь-динь, — бабушка подложила Саньке на тарелку ещё кусочек восхитительного пирога и позвала дедушку: — Динь-динь! (Георгиев. Стрёкот кузнечика)*

изумительный: *И вот, слушайте изумительное, Абунту не изменилась телом, и нрав ее оставался все тог же. (Рерих. Девассари Абунту)*

Развитие языка предполагает появление новых лексем, которые активно используются сказочниками в их произведениях. Например, для языка литературной сказки XXI века стали характерны следующие лексемы:

первоклассный: - *Алеша, миленький, умоляю, - дрожащим голосом проговорил он. - Ты у нас такой первоклассный волшебник. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

первосортный: - *Рухнул такой план... такая первосортная хитрость... (Прокофьева. Остров Капитанов)*

Для жанра литературной сказки характерно наличие лексем разговорного характера:

Те ребята понятливые, хвалила их мастерица, а этот вовсе ***на отличку****. (Бажов. Хрупкая веточка)*

«На отличку» показывает существующую связь между литературной и народной сказкой, а также самим народом.

Лексемы данной группы занимают крайнюю позицию на шкале качеств. Обозначенные лексемы не сочетаются с интенсификаторами (невозможно употребление *«Этот волк очень лучший»*).

Выделение определенных предметов и качеств как самых положительных из ряда подобных свойственно различным лексемам на протяжении всего времени существования литературной сказки как жанра.

Вторая группа объединяется оценочным значением **«хороший, удовлетворяющий заявленным требованиям»:**

Лексемы данной группы чаще всего используются в текстах литературной сказки и составляют 63,3% от всех случаев употребления лексем с общим оценочным значением.

наречие:

положительно: - *Что со мной? Я положительно засыпаю, - смущенно улыбнулся капитан Тин Тиныч. (Прокофьева. Остров капитанов)*

Данная лексема употребляется в литературных сказках XXI века.

хорошо: *Хорошо кума принаряжена: шерсть пушистая, золотистая; на груди жилет, а на шее белый галстучек. (Ушинский. Лиса Патрикеевна)*

путно: *Да знаете ли вы, что к Морю-Океану еще никто путно не добирался, а если и добирался, то плохо приходилось. Что вздумали! (Ремизов. Посолонь)*

ладно: *Спервоначалу ладно говорили, слова сыпали гладкими льдинками на снег, да покажись Анисье, что сватья сказала кисло слово. (Писахов. Ледяная колокольня)*

адъектив:

хороший: *— Посмотри, какой хороший, добрый дядя Волк сидит в окошке, — успокаивал сынишку Заяц. (Шер. Попался волчок на крючок)*

С. Обнорский отмечает, что «в обороте «безыскуственной», живой народной речи, очевидно, не было и нет слова *хороший*; не даром здесь мы встречаемся с рядом иных его лексических эквивалентов – со словами ладный, добрый, красный, баской и мн. др» (цит. [по Дронова 2006: 83]). Литературная сказка, как ближайшая родственница народной, отображает все соответствующие «лексические эквиваленты» лексемы «хороший», которые бытовали в повседневной речи людей.

благой:<…> *люди счастливыми улыбками встретили благую весть о приближении Солнца, их любимого, светлого короля...(Чарская. Сказки голубой феи)*

В русском литературном языке прилагательное *благой* в значении, выражающем общую оценку «хороший», является устаревшим. Стоит отметить, что исследователями подчеркивается наличие у производных корня *благ-* и *блаж-* противоположных значений, что не имеет однозначного истолкования в науке.

путный: *— Эх ты, «было — не было»… Слова путного от тебя не услышишь! (Успенский. Вниз по волшебной реке)*

стоящий: *К мочальникам, что даровое липовое лыко дерут-мочат, в мочалу треплют, а из мочалы стоящие кули ткут. (Пермяк. Тайна цены)*

славный: *Какой у вас славный домик - ни дать ни взять - сахар на зелёной тарелке. (Благинин. Чудесные часы)*

ладный: *Настало воскресенье. День был такой ладный. Тепло; солнышко светит. (Вагнер. Без света)*

Л. П Дронова, отмечает, что «в ареале современного употребления прилагательное *ladnъjь выражает разнообразные оценки: чаще эстетическую, а также наряду с утилитарной – этическую, общую» [Дронова 2007: 81]. Данный вариант употребления лексемы является примером общеоценочного значения в семантической структуре слова.

милый:- *Неужели я увижу наконец милых посетителей зоопарка, а милые посетители увидят меня? - растроганно лепетал слон Галилей.(Прокофьева. Ученик волшебника)*

добрый:*Сшил бы себе добрую шубу (Левшин «Русские сказки». О племяннике Фомке)*

Лексемы *добрый, добро* восходят к корню *dobъ-/*doba-. М. Фасмер соотносит рассматриваемый корень с индоевропейской основой *dhabh, которая имеет значение «подходящий, годный» [Фасмер I: 520]. В старославянском и древнерусском языках значением лексемы *доба* также, по-видимому, является «пора, срок, подходящее время» (ср.: *доба* «время, пора, случай» [САР: 1806, т1]). Данный корень является родственным и производным для слов

«удобный» и «надобный». Следовательно, можно говорить об изначальной в значении слова праксеологической оценки.

Сильным толчком к развитию общей положительной оценки дало соединение корня *dobъ-/*doba- и индоевропейского корня *ar, имеющего значение «соединять», «сплачивать», «подходить». Соединение двух корней со сходной семантикой создает как бы новый этап положительного значения. Значение «удобное времени, подходящая пора для какого-нибудь действия» сглаживается и отходит на второй план, уступая место в сформировавшемся слове *добръ* общему оценочному значению «хороший». Данная лексема *добръ* (как общеоценочное прилагательное) активно не используется в литературных сказках XIX-XXIвв, что, безусловно, свидетельствует о переходе из общеоценочного разряда снова в группу частных оценок, отражающую теперь этические требования и основания к объекту оценки. Лексема «добрый» постепенно утрачивала общеоценочную семантику, что, по мнению Л. П. Дроновой, было связано с «втягиванием в сферу влияния иной культуры, иных смысловых оппозиций, и это сказалось на его функционально-семантических особенностях: в истории русского языка оно получило стилистическую маркировку и стало употребляться преимущественно в функции этической оценки». [Дронова 2007: 36]. Иная культура приходит с принятием Киевской Русью христианства. Усваивая лексический пласт церковнославянского языка, русская культура вбирает в себя и ментальные особенности, связанные с этическими ценностями. Дионисий Ареопагит писал: «Само Божество есть Добро по существу, и все сущее причастно Добру, как творения - солнцу». Русская культура синтезирует понятие добра в христианской культуре с народным видением. В церковнославянской литературе, как отмечает Л. П. Дронова, «востребованным» из оценочных значений является значение положительной оценки моральных качеств человека, что, в свою очередь, сказывается на семантике общеоценочных слов, вызывая определенные смещения в значении слова: «добрый активно употребляется в значении положительной оценки с позиций христианской морали и участвует в

формировании нового синонимического ряда (добрый – преподобный, праведный, истинный, чистый (перен.), безгрешный, непорочный и др.)» [Дронова 2007: 33]. С началом демократизации литературного русского языка уже в XVI в. лексема *хороший* систематически используется вместо общеоценочного аналога *добрый*, который уже в XVII–XVIII вв. был определен как церковнославянизм и использовался для выражения оценки моральных качеств человека [Дронова 2007: 33]. Следовательно, закономерным является наличие в литературной сказке (начиная с XIX в.) основного значения *добрый* - частнооценочного, но в семантической структуре данного прилагательного остались «отголоски» общеоценочного значения, что подтверждается текстами сказок более позднего периода:

Доброго тебе здоровьичка. (Успенский. Вниз по волшебной реке)

<…> а не в добрый час и его самого подняли мертвого в царевом кружале под лавкою. (Сомов. Сказка о Никите Вдовиниче)

Третья группа объединяется оценочным значением **«в основном хороший, практически удовлетворяет предъявляемым требованиям».**

Данная группа лексем характеризует явление, в котором сосуществуют несущественные отрицательные и преобладающие положительные свойства. Лексемы данной группы редко употребляются в литературных сказках и составляют 1,76% от всех случаев употребления лексем с общим оценочным значением.

наречие:

неплохо: *Все шло у стариков как по маслу: и в избе хорошо, и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. (Даль. Девочка Снегурочка)*

недурно: *Бегать я таки мастер и прыгаю недурно (Ушинский. Жалобы зайки)*

удовлетворительно: *Но сегодня она даже кивнула и пробурчала «Весьма удовлетворительно», а ведь Бабушка предупреждала Лизу, что в устах строгой преподавательницы это наивысшая похвала! (Егорушкина. Настоящая принцесса)*

<u>адъектив:</u>

неплохой: *Что же, ведь и полдюжины воробьиных яиц - неплохой завтрак. (Бианки. Красная горка)*

приличный: *— Вполне приличный человек, хотя, пожалуй, и не без странностей и плохих поступков. (Чернецов, Яковлев. Разбитая сказка)*

<u>Отрицательная оценка:</u>

Первая группа объединяется значением **<u>«очень плохой, в крайней степени не соответствующий предъявляемым требованиям»:</u>**

Лексемы данной группы используются в 3,17% случаев употребления в текстах лексем с общим оценочным значением.

худший: *Она сгребла всю мелочь в горсточку и вытащила ее из кармана. Худшие опасения подтвердились. (Егорушкина. Настоящая принцесса)*

ужасный: *Поведение его стало совершенно ужасное. (Крапивин. Стража Лопухастых островов)*

отвратительный: *Вы вспоминали те отвратительные, грязные вертепы, в которых живут эти бедные дети. (Вагнер. Без света)*

кошмарный: *Он замер, зажмурился и понял, что сию секунду с ним от ужаса случится кошмарная постыдная беда. (Крапивин. Стража Лопухастых островов)*

жуткий: *Он глубоко и прерывисто вздохнул, будто вырвался из жуткого плена. (Крапивин. Стража Лопухастых островов)*

Многие из перечисленных лексем выражают не только рациональную, но и эмоциональную оценку, так как эмоциональность свойственна именно тем единицам, которые называют высокую степень признака [Балли 2003: 258].

Вторая группа объединяется значением **<u>«плохой, не соответствующий предъявляемым требованиям».</u>** Употребление лексем данной группы составляет 13,37%.

<u>номинатив:</u>

негодяй: *– Конечно! Один <u>негодяй</u> прогнал другого. (Олеша. Три толстяка)*

<u>наречие:</u>

плохо: - *То есть, плохо я это дело сделал (Успенский. Иван царский сын и серый волк)*

дурно: *...дурно ты сотворил, что у соседняго царя увез сына, и беды нам не миновать, буде не поправишь своего поступка… (Екатерина II. Сказка о царевиче Хлоре)*

худо: *И на этот раз кончилось дело худо. (Шварц. Два брата)*

<u>адъектив:</u>

Широко используются в тексте литературной сказки слова, образованные с помощью отрицательной приставки *не*, прибавленной к производящей основе, которая имеет положительный аксиологический знак:

Например:

<…> неладное случилось с детьми. (Ремизов. Посолонь)

- *Да что тебе нужно, негодная тварь? - зарычал он. (Мамин-Сибиряк. Сказка про Комара-Комаровича – длинный нос и про мохнатого Мишу – короткий хвост)*

В данном примере обнаруживается общая оценка праславянского уровня – *godьnъ (jь). Л. П. Дронова отмечает, что «реализуясь в славянских языках в широком спектре частных оценок, слав. *godьnъ на общеславянском уровне представляет общую мелиоративную оценку» [Дронова 2007: 72].

плохой: *А листок был плохой: желтый, сухой. (Бианки. Приключения Муравьишки)*

дурной: *Клянусь моим лучшим повидлом, у меня гоблинов не водится! Не подумайте дурного! (Егорушкина. Настоящая принцесса и Бродячий Мостик)*

скверный: *И бедное создание с ужасом увидело, как <u>скверные</u> липкие лапы цепляются за ветви куста, на котором она росла. (Гаршин. Сказка о жабе и розе)*

никудышний: *Это значило: "К сожалению, можно даже сказать - к прискорбию, он для нас никудышный помощник". (Прокофьева. Ученик волшебника)*

худой: **…***неприлично перенимать нам худое обхождение, пусть перенимают у нас люди Золотой Орды человеколюбивое обхождение с людьми и иныя добродетели, и да будет у нас всякого добра образец… (Екатерина II. Сказка о царевиче Февее)*

дрянной: *Не обращайте вы на этих дрянных комаришек внимания. (Мамин-Сибиряк. Сказка про Комара Комаровича - длинный нос и про мохнатого Мишу - короткий хвост)*

дурацкий: *Крот закатил глаза к потолку и прошипел: — Дурацкая служ-ж-жба! (Ракитина. Когда с листьев облетели деревья)*

Третья группа – **<u>«в основном плохой, не совсем удовлетворяющий предъявленным требованиям»:</u>**

Эта группа лексем выражает оценку явлений, в которых вместе с преобладающими отрицательными качествами сосуществуют и положительные. Лексемы данной группы реже других используются в текстах литературной сказки (0,49%).

<u>наречие:</u>

неважно: *Но ошпаренное пятнышко еще побаливало, и Ласточка жаловалась, что она неважно скользит и цепляется за воздух. (Прокофьева. Остров Капитанов)*

<u>адъектив:</u>

неважный: *– Тебе хорошо! – сказал он Барбосу. – Ты в доме живёшь, а вот я живу в конуре. Теснота, понимаешь! И крыша протекает. Неважные условия! (Носов. Бобик в гостях у Барбоса)*

Л. А. Сергеева отмечает, что понятие нормы существует только для явлений, оцениваемых положительно, следовательно, положительный или отрицательный знак характерен для позитивных действий, событий и явлений. [Сергеева 2007: 36] Нельзя, например, сказать: *Они хорошо (плохо) издеваются*.

Положительная оценка может быть выражена не только с помощью отдельных лексем, но и с помощью фразеологических единиц:

*— У меня **нет слов!** — воскликнул он. (Шер. Попался волчок на крючок)*

*- А мы шерсть острижем, будет хвост **что надо**! - захохотали пираты. (Прокофьева. Остров капитанов)*

*Все шло у стариков **как по маслу**: и в избе хорошо, и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. (Даль. Девочка Снегурочка)*

*По сравнению с прежними подарками этот был, конечно, **так себе**. (Яковлев. Разбитая сказка)*

***Живут душа в душу**... (Мамин-Сибиряк. Серая Шейка)*

Выражение отрицательной оценки явлений или событий на лексическом уровне может также производиться с помощью фразеологических единиц:

*Ну, **в добрый час молвить, в худой промолчать** — вся нечисть подземная, вся тьма кромешная. (Сомов. Сказка о Никите Вдовиниче)*

*В то утро Оля вела себя **из рук вон плохо**. (Губарев. Королевство кривых зеркал)*

*Хотя молчать и тащить хоть бы и легкую лягушку три тысячи верст **не бог знает** какое удовольствие, но ее ум привел уток в такой восторг, что они единодушно согласились нести ее. (Гаршин. Лягушка-путешественница)*

Следует отметить, что для фразеологических единиц невозможно распределение по зонам интенсивности положительного/отрицательного признака на оценочной шкале.

Между зонами отрицательного и положительного знака на оценочной шкале располагается зона нейтрального, которая заключает в себе значение «в основном удовлетворяющий предъявляемым требованиям». Данная зона составляет 9,71% от числа употребления лексем с общим оценочным значением. Вопрос, что представляет собой зона нейтрального, является сложным. Но следует различать зону нейтрального восприятия и зону безразличия, в которой находятся предметы, события и явления действительности, не представляемые для субъекта оценки никакой ценности. Лексические единицы нейтральной зоны шкалы обозначают определенные

ценностные объекты восприятия, для которых характерно в равном соотношении наличие «хороших» и «плохих» признаков. Л. А. Сергеева считает, что нейтральная зона на шкале оценок больше тяготеет к отрицательной оценке. На языковом уровне нейтральная зона «прорисована» хуже, чем зоны положительной и отрицательной оценки. Нейтральность гораздо чаще «появляется» в текстах литературы конца XX - начала XXI вв., что, безусловно, отражает расшатывание аксиологической шкалы литературной сказки. Нами отмечено увеличение нейтральной зоны в текстах литературной сказки XXI века на 23%.

Зона нейтральной оценки представлена следующими основными единицами:

обыкновенный: *Жил Алеша в обычном доме, в самой обыкновенной квартире. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

обычный: *А город жил своей обычной жизнью <…> (Егорушкина. Настоящая принцесса и Бродячий Мостик)*

Данное значение соотносится со значением «такой как всегда, ничем не примечательный», которое репрезентируется в следующих лексемах:

привычный: *Волк проговорился: елка, береза, большой муравейник, кузница, направление — вон туда. Сейчас осмотрюсь, — и Алексей привычно начал взбираться на ель. (Голь. Жил-был у бабушки)*

Таким образом, общая оценка «хороший/плохой» и наречный эквивалент «хорошо/плохо» в русских литературных сказках представлены дифференцированными лексическими единицами.

В диахроническом аспекте, как было показано на примере литературной сказки, не все лексемы изначально выражали общую оценку и оценку вообще. Так, Т. А. Чернякова выделяет следующие этапы формирования оценочного значения у слова (цит. по [Дронова 2007: 19]):

<u>На начальном этапе</u> происходит развитие оценочных коннотативных сем на основе дескриптивного признака, который является на этом этапе первичным в структуре значения слова. Оценочная сема является вторичной.

На следующем этапе в результате постоянной актуализации оценочной семы происходят очевидные изменения в характере и соотношении дескриптивных и оценочных сем в значении слова: оценочная сема теперь является ядерной. Назначением дескриптивного компонента является обозначение основания оценки.

На заключительном этапе из-за ослабления (или даже утраты) связи оценочного значения с дескриптивным значением происходит размытие критериев возникновения аксиологических смыслов. Начинает развиваться общеоценочное значение. Это отмечается в основном в связи с увеличением круга существительных, которые сочетаются с данным прилагательным. Теперь общеоценочное значение выражает «чистую» оценку, «забыта» опора на когда-то дескриптивное значение в его структуре. Данную модель автор схематически представляет следующим образом:

Дескриптивное значение → II. Дескриптивное значение, осложненное оценочной коннотацией → III. Частнооценочное значение → IV. Общеоценочное значение.

Для литературной сказки важным является выявление не только особенностей характеристики оценки, но и также определение объекта оценки, в роли которого могут выступать различные предметы окружающей действительности и их качества, объединенные нами в группы: «Персонаж», «Предмет», «Природа» и «Пространственно-временная группа».

Наиболее разнообразной является **группа *Персонаж*:**

1. Внешняя характеристика:

Я слуга одного молодого короля, который хорош, как день, могуч, как горный орел, и богат, как три царя Холода, вместе взятые. (Чарская. Сказки голубой феи)

2. Поведенческая характеристика:

- Ты добрый мальчик, - продолжала курочка, - но при том ты ветрен и никогда не слушаешься с первого слова, а это нехорошо! (Погорельский. Черная курица, или Подземные жители)

3. Физическая характеристика:

Оля хорошо плавала. Спасаясь от Нушрока, она бесстрашно бросилась в реку. (Губарев. Королевство кривых зеркал)

Здорово ты, оказывается, прыгаешь! (Сутеев. Палочка-выручалочка)

4. Характеристика деятельности:

Аля очень старалась написать хорошо. (Токмакова. Аля, Кляксич и буква)

5. Психическая характеристика:

У нее было чудесное настроение. (Прокофьева. Ученик волшебника)

6. Ментальная характеристика:

Вот как я превосходно придумала», – думала она про себя. (Гаршин. Лягушка-путешественница)

Группа *Предмет* (в данной группе объектом общеооценочной лексики являются предметы, созданные персонажем):

1. Характеристика постройки и его компонентов:

Зато хоромы хороши! - подумала муха. (Михайлов. Лесные хоромы)

2. Характеристика предметов быта:

Есть замечательные старинные часы. (Благина. Чудесные часы)

3. Характеристика личных вещей персонажа:

Кораблик получился очень хороший, просто лучше и быть не может. (Прокофьева. Остров Капитанов)

Пространственно-временная группа:

1. Пространственная характеристика:

Всё, что он видел под собой, казалось ему необыкновенно замечательным, красивым и милым. Ещё бы: ведь это была его родина, и он долго, очень долго её не видел! (Бианки. Оранжевое горлышко)

Для жанра русской литературной сказки характерно отражение «первобытного», мифологического, видения мира, в котором пространство имело большое значение.

2. Временная характеристика:

Какое ужасное время! (Олеша. Три толстяка)

Группа *Природа:*

1. Характеристика растений:

А листок был плохой: жёлтый, сухой. (Бианки. Приключения муравьишки)

2. Характеристика погоды:

Как в воскресный день ветер хороший случится, так и жди в гости. (Бажов. Синюшкин колодец)

Таким образом, объектом общеоценочной лексики могут выступать разные предметы и явления окружающего мира. И литературная сказка, существуя уже более двух столетий, отражает основные тенденции смены доминантных единиц общеоценочной группы, а также «новые» общеоценочные лексемы русского языка.

2.2.2. Языковые средства репрезентации этической оценки

В литературной сказке важно рассмотреть не только лексемы, выражающие общую оценку, но и частную, которая конкретизирует основание оценки. Этическая оценка является одной из основных частных оценок в языке литературной сказки. З. Я. Капустина пишет: «есть глубокое убеждение в том, что духовность – это разумно управляемая энергия сознания, которая выражает этически детерминированное отношение человека к осуществляемым процессам ориентации, самоопределения и участия в общем универсуме бытия» [Капустина 2011:60].

При рассмотрении жизни как системы отношений, можно предположить, что человек формируется в обществе: он вбирает в себя понятия морали, нормы, красоты, свойственные тому или иному социуму. Принятое в обществе понимание, «что такое хорошо и что такое плохо», что есть добро и зло, «закрепляется» в сознании человека, «помогая» ему жить (используются нормы поведения). Сложившиеся этические понятия являются «зеркалом» бытующих в социуме форм внешней регуляции поведения (честь, репутация), внутренней (или саморегуляции) (совесть, вина). «Согласно антропологической традиции человек рождается неполным, незавершенным

существом, он завершает себя культурой, ее конкретными формами. Индивидуум – это до-человек, он не имеет достаточной осведомленности об этических категориях, их роли и как следствие – не владеет высшими смыслами человеческого бытия, закодированными в этических категориях, не имеет глубокой веры в них, не обладает благородством нравов» [Капустина 2011:56-57]. Родившийся ребенок не знает о существовании добра и зла, истины и лжи, не знает их названий, и, как следствие, не представляет себе их организующей, нормативной и ценностной функции для жизни. К. Гирц пишет, что, не руководствуясь этическими категориями, «человек вел бы себя абсолютно неуправляемо, его поведение представляло бы собой хаос бессмысленных действий и спонтанных эмоций, его опыт был бы совершенно неоформленным. Люди были бы вовсе не умными дикарями, они были бы недееспособными чудовищами, обладающими очень незначительным числом полезных инстинктов и еще меньшим числом чувств, при полном отсутствии интеллекта» [Гирц 1997 :128)]. Ребенок, выросший вне этических ценностей, вряд ли будет вежлив, добр и милосерден.

Ценностное значение этических категорий заключается в способности «правильно организовать» (Д. Юм) совместную жизнь общества вместе и каждого члена в отдельности. Л. Уайт отмечает, что этические категории являются истоком и основой культуры человека. И не случайно этические оценки являются одними из основных в тексте литературной сказки, потому что объектом этических оценок становится поведение человека в социальной среде, его идеология (если таковая имеется) и поступки. Основной чертой таких оценок является их «социальность и антропологичность». Поступки, образ действия, поведение одного человека рассматриваются с точки зрения их ценности для жизнедеятельности другой личности и (или) коллектива, которые выступают в качестве субъекта. Этическую оценку можно охарактеризовать следующим образом: как ты поступил зависит от того, что ты сделал. Н. Д. Арутюнова подчеркивает, что семиотика поведения предполагает существование Другого, что является важным для

формирования самосознания. Эго способно «увидеть» в себе объект, и, как следствие, дать себе и своему поведению оценку, благодаря присутствию Другого. Как отмечает М. М. Бахтин, человек «смотрит внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» [Бахтин 1979: 312]. Следует отметить, что этические ценности подразумевают наличие «этических законов»: свод правил, которые регламентирует отношение «человек-человек», на котором и строится общество, претерпевая эволюционные и революционные изменения с древних времен. Этические нормы тесно связаны с обычаями, религиозными учениями и верой, в которой «живет» тот или иной народ, следовательно, это позволяет считать их нормами высшего порядка. Как подчеркивает Э. Дюркгейм, «этика порождает социальную солидарность, устанавливая социальные нормы поведения и сплачивая на этой основе членов одного социокультурного сообщества» (цит. по [Мошняга 2011: URL]).

Классификация этической оценки является сложной задачей. Различные исследователи предлагают свои варианты группирования.

В. И. Жданова в составе поля этической оценки выделяет следующие микрополя [Жданова 2004: 8]:

- «нравственное / безнравственное поведение»;
- «честное / нечестное поведение»;
- «скромное / нескромное поведение»;
- «вежливое / невежливое поведение»;
- «добро / зло».

Т. А. Космеда предложила классифицировать агентивные имена морально-этической оценки, опираясь на четыре признака:

1) отношение к политической сфере деятельности;

2) отношение к трудовой сфере деятельности;

3) отношение к образу жизни;

4) моральные качества [Космеда, 2000]

В составе этической оценки, которая составляет по употреблению 31% среди всех лексем с частным оценочным значением, нами выделяются следующие значимые группы:

1. Моральное/аморальное поведение (71,6%)
2. Честность/ложь (3,28%)
3. Труд/лень (25,12%)

Морально/аморальное поведение – данная группа включает предикаты со значением «соблюдающий/несоблюдающий требования и правила морали». Лексемы данной группы наиболее часто употребляются в текстах литературной сказки, которая воспевает положительные моральные качества:

Умный карла ходил к ней в терем сказывать сказки о благодетельных феях и злых волшебниках, под именами первых описывал он святые добродетели, которые делают человека счастливым, под именами последних гибельные пороки, которые ядовитым дыханием своим превращают цветущую долину жизни в юдоль мрака и смерти. (Карамзин. Прекрасная царевна и счастливый карла)

В данном примере Н. Карамзин образно и метафорически описал жизненные дороги человека: если творишь добро, то обязательно будешь счастливым, в противоположном случае – зло направляет к смерти. В данном предложении употребляется лексема «святые», которая связывает добро с божественным миром.

Авторы литературных сказок предостерегают юных читателей от неправильных шагов в жизни, постоянно напоминая о «злых» пороках.

В текстах литературной сказки широко представлены этические требования и человеческие ценности общества, которые отражаются в словах с **положительной оценкой (70,3%).** В литературной сказке чаще используются следующие лексемы:

адъектив: *добрый, благородный, отзывчивый, жалостливый, благожелательный, великодушный, вежливый, воспитанный, любезный,*

порядочный, честный, благодушный, сердечный, чуткий, дружелюбный, милостивый, ласковый;

номинатив: *добряк;*

предикат:: *милосердствовать, жалеть (сожалеть);*

наречие: *дружелюбно, жалостливо, любезно*.

Слова с **отрицательным знаком (29,7%)** также помогают выявить ценностные ориентиры общества. Отметим среди них основные и чаще используемые в текстах литературной сказки:

адъектив: *злой, жестокий, свирепый, безжалостный, невоспитанный, грубый, невежливый, нелюбезный, бессовестный, немилостивый, бессердечный, завистливый (завидливый), желчный;*

номинатив: *невежа, грубиян, наглец, нахал;*

предикат: *грубить, злословить, наглеть, бесстыдничать;*

наречие: *жестоко, грубо, бессовестно, ожесточенно, желчно, ехидно*.

Многовековая русская культура выработала в каждом человеке основные моральные качества, которые отражаются в текстах литературной сказки. Главным можно обозначить «добро/зло». Хофстеде утверждает, что основное отличие человека от животного заключается именно в оценке, выборе между добром и злом, который стоит в самом начале истории человечества и отражается в разных мифологиях и религиях. Как отмечал С. Л. Рубинштейн, «добро и зло проявляются только через отношение одной личности к другой», а «этическое деяние существует только в отношении к человеку как личности, отношение к вещам есть лишь действие…» [Рубинштейн 1994: с. 252 - 253] Исследования, проводимые А. Г. Шмелевым, В. И. Похилько и А. Ю. Козловской-Тельновой, выявили, что понятие, которое обозначает черту человека «добро», является основной и первой категорией, являющейся самой важной в имплицитной теории личности, формируемой в коллективном обыденном сознании. С самого раннего возраста ребенок способен оценивать окружающую действительность (реальную или сказочную) не только антонимической парой «хороший -

плохой», но и «добрый - злой». В процессе развития личности к данным моральным понятиям добавляются другие: порядочный, честный, справедливый, правильный и др. Существующие оценочные единицы в речи взрослого человека различны и зависят от многих факторов: уровень образования, менталитет и др. Но и «для взрослых людей, осознающих сложность и неоднозначность мира, критерии Добра и Зла остаются главнейшими, что подтверждает, в частности, вся мировая литература, основанная на столкновении как добрых и злых героев, так и Добра и Зла в душе одного человека» [Попов, Голубева, Устин 2008: 57]. О важности данной этической категории в текстах литературной сказки свидетельствует не только количественный показатель, но и наличие однокоренных слов с корнем – *добр* и – *зл*-.

Отрицательная оценка:

адъектив:

злой: *Но керосиновая лампа светила тускло, и злой волшебник не увидел Пети. (Шварц. Сказка о потерянном времени)*

злющий: *Потому что хозяйка досталась поросёнку злющая! (Георгиев. Стрекот кузнечика)*

злобный: *Увидев маленьких птиц, она скорчила такую злобную гримасу, что корольки в испуге шарахнулись в самую глубину ветвей.*

(Бианки. Лесные разведчики)

разозленный: *Как только в очередной раз раздались крики: «Долой! Долой!», разозленные браконьеры подскочили к окну и открыли беспорядочную пальбу. (Шер. Тридесятые сказки, или Вот такие пирожки)*

злостный: *И сразу из рыболова-неудачника превратился в злостного браконьера. (Шер. Тридесятые сказки, или Вот такие пирожки)*

зловредный:*Во всем, во всем виноват кот Васька, этот зловредный хвастун и обманщик. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

зловещий: *Громадная волна грузно нависла над "Мечтой", светясь изнутри чем-то зловещим, зеленоватым.... (Прокофьева. Остров Капитанов)*

озлобленный: *Она раздала все червонцы, которые имела, голодным, озлобленным людям <…> (Чарская. Волшебный оби)*

<u>номинатив:</u>

злюка: *Просто Фалеева была добрая (не то что невозможная злюка и ябеда Людка Чернецова, с которой он сидел в первом классе и наконец разодрался, и Елена Дмитриевна их рассадила). (Крапивин. Сказки Севки Глущенко)*

злодей: *Скоро, – думает, – моему мучению конец. Злодея накажу, а тех, кто мне помог, награжу. (Гаршин. Сказание о добром Аггее)*

<u>наречие:</u>

злобно: *Разлегшись у ствола, он злобно посматривал на ускользнувшую добычу. (Голь. Жил-был у бабушки)*

<u>Положительная оценка с корнем –добр-:</u>

<u>адъектив:</u>

добрый: *Улита Минеевна была рада-радешенька, что бог надоумил ее детище жить на белом свете трудовою копейкою; она чуть не прослезилась от доброй вести. (Сомов. Сказка о Никите Вдовиниче)*

предобрый: - *А это господин Валик, - зазвенели они, - предобрый человек, день и ночь с дивана не сходит; на него мы не можем пожаловаться. (Одоевский. Городок в табакерке)*

В данном примере *–добр* становится производящей основой и «формирует» новое слово, означающее «усиление признака», то есть очень добрый. Таким образом для ребенка авторами литературных сказок показывается возможность параметризации, измерения добра как человеческой ценности.

добродушный: *Это был лихой малый, с виду добродушный, с благосклонными и даже изысканными манерами. (Салтыков-Щедрин. Ворон-челобитчик)*

добросовестный: *— Добросовестный был помощник, — взгрустнула Пелагея. (Шер. Попался волчок на крючок)*

доброжелательный: *И лицо ее сияло таким доброжелательным, что сомнений не оставалось: коробок продолжал действовать. (Томин. Шел по городу волшебник)*

<u>номинатив:</u>

добряк: *Галилей был восторженный добряк. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

<u>наречие:</u>

по-доброму: *Они уж вовсе по-доброму спрашивают: — Ты куда это? (Бажов. Огневушка-поскакушка)*

добросовестно: *— Я всегда им добросовестно помогал. (Шер. Тридесятые сказки, или Вот такие пирожки)*

Лексема «добросовестно» номинирует человека, который честно и старательно выполняет свои обязанности и обязательства. Значение **«искренний, правдивый»** (вторая выделяемая нами группа) широко представлено в текстах литературной сказки (количественное соотношение положительных и отрицательных зон представлено следующим образом: положительное значение – 58,5%; отрицательное значение – 41,5%):

<u>адъектив:</u>

честный: *Живем в трудах, как честному воронью жить надлежит, только добыть что-нибудь честным образом невозможно стало. (Салтыков-Щедрин. Ворон-челобитчик)*

искренний: *Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: - Ага, конечно, благодеяние твое велико. (Лермонтов. Ашик-Кериб)*

справедливый: *Не мудрствуя лукаво, решил обратиться за помощью к леснику Игнату, самому справедливому леснику в мире. (Шер. Попался волчок на крючок)*

откровенный*: - Я приношу свои извинения вашей прекрасной дочери, если моя откровенная речь ей не совсем приятна. (Губарев. Королевство кривых зеркал)*

истинный: *Ах, правду ты говоришь, мальчик Луч, - произнесла Льдинка, - истинную правду. (Чарская. Сказки голубой феи)*

В данном примере происходит кумулятивность понятия «истинности» (за счет наложения двух схожих значений «правда», репрезентированными лексемами «истинный» и «правда»).

наречие:

по-честному: *Рассчитался по-честному да еще говорит: — Вперед случится такое сделать, неси. (Бажов. Малахитовая шкатулка)*

честно: *Пришел он к серому волку и все ему честно рассказал. (Успенский. Иван - царский сын и Серый Волк)*

искренно: *— Но я хотел бы вас спросить... Только ответьте искренно! Обещаете? (Кутерницкий. Госпожа Странная Мысль)*

ФЕ: *Я разберу ваше дело* ***по совести****. (Мамин-Сибиряк. Аленушкины сказки)*

Не только истинность воспевается в литературных сказках, но и порицается *ложь* и *обман*. Семантическое пространство «неправда» как несоответствие окружающей действительности включает в себя не только понятия ложь и обман, но и иллюзия, фантазия (выдумка), заблуждение. Читая вымышленные истории с выдуманными героями, дети должны строго отделять ложь от фантазии, роль которой для ребенка необыкновенно высока. Английские исследователи Pamela S. Gates, Susan B. Steffel, Francis J. Molson отмечают, что «детям, которые никогда не читали причудливые истории, тяжело понять возможности фантазии. Они связывают ее с опечаткой в тексте». Исследователи также полагают, что фантазия и миф позволяют нам легче вообразить вещи, лучше понять, чем они отличаются от того, что мы видим перед собой. Фантазия и миф питают наши творческие импульсы. Без способности сделать что-то несуществующее «видимым» мы были бы ограничены действительностью.

Противоположное значение **«неискренний, лживый»** репрезентируется в следующих лексемах:

нечестный: *Ты — нечестный человек. (Успенский. Иван-царский сын и серый волк)*

Значение данной группы широко представлено в текстах литературной сказки лексемами, образованными от слов с положительным оценочным знаком с помощью отрицательной приставки *не* (*неискренний, нечестный, непорядочный*):

лживый: *Хоть одним лживым зеркалом будет меньше на свете! (Губарев. Королевство кривых зеркал)*

жуликоватый: *Ну и народ в моем царстве! Жуликоватый какой! (Э. Успенский. Иван-царский сын и серый волк)*

номинатив:

жулик:*<…> насчет победы над проклятым жуликом Адиком. (Петрушевская. Сказка о часах)*

вор (воришка): *Он такой вор и разбойник: где что плохо лежит, туда и глядит. (Ушинский. Плутишка кот)*

разбойник: *А три брата, три маленьких поросенка, глядели ему вслед и радовались, что они так ловко проучили злого разбойника. (Михалков. Три поросенка)*

плут: *И козел, хоть и плут, вор, а прав в этом деле. (Даль. Лиса и козел)*

мошенник: *— Стрельцов послать надобно, — ответил Чумичка. — Чтобы схватили мошенника! (Успенский. Вниз по волшебной реке)*

обманщик: - *Уж я ли тебе поверю, Михайлыч, старый обманщик! (Паустовский. Дремучий медведь)*

лгун (лгунишка): *Вы, должно быть, ужасные лгунишки и жулики! (Губарев. Королевство кривых зеркал)*

врун: *Да они самые большие вруны! (Губарев. Королевство кривых зеркал)*

Важное место среди этических оценочных единиц в текстах литературной сказки занимают не только лексемы со значением «правда/ложь», но и оценка трудовой деятельности персонажа. Отношение к труду занимает важное место в жизни человека. На протяжении всего периода существования жанра в русских литературных сказках порицалась лень, небрежное отношение к работе, и воспевалось человеческое трудолюбие:

По мнению О. Е. Черновой, зафиксированное разными словарями значения слова *труд* свидетельствуют о дифференциальном отношении к обозначаемому данной лексемой понятию в зависимости от идеологии и нравственных признаков, провозглашенных в ту или иную эпоху.

В лингвистических словарях отмечены следующие определения труда: В словаре В. И. Даля *труд* осмысляется как деятельность (духовная и физическая) и как состояние (отмечается напряжение), следовательно, труд вызывает «нездоровье»: «Труд – это работа, занятие, упражнение, дело; все, что требует усилий, старанья и заботы; всякое напряжение телесных и умственных сил; все, что утомляет. Последствия работы, старанья, напряженья, сделанная вещь. // Труд, црк.стар. болезнь, боль, боля, болесть, хворь, хворость, хвороба, недуг, недужина, немощь или немочь, немогута, скорбь, хиль, хилина, вообще нездоровье» [Толковый словарь живого великорусского языка 1991 Т.4 :436].

МАС: «Труд 1. Целенаправленная деятельность человека, требующая умственного или физического напряжения; работа. // обычно мн.ч. (труды, -ов). Повседневные занятия, хлопоты, заботы. // Энергия, затрачиваемая на производство чего-л. 2. Результат такой деятельности, произведение, сочинение. // мн.ч. (труды, -ов). В составе названий некоторых научных изданий. 3. Усилие, умственное или физическое, направленное на достижение чего-л.» [МАС 1988: 417]. Данные словарей позволяет выявить зафиксированные словарными статьями приоритеты и изменения в восприятии обществом понятия *труд*.

Таким образом, труд для человека необходим, т.к. он связан с потребностями человека, но «количество» необходимого труда может варьироваться, что подтверждается использованием единиц с «трудовым» оценочным значением в текстах литературной сказки разных периодов:

В литературной сказке конца XVIII века лексемы со значением «целесообразная деятельность человека, труд» и «отсутствие желания работать» употребляются в 5,2% случаев (посчитано от общего числа лексем

с трудовым значением в текстах конца XVIII – начала XXI вв.). В данном периоде наблюдается незначительный интерес к трудовой сфере. Труд рассматривается как нечто само собой разумеющееся, в мыслях большинства еще главенствуют рудименты феодального восприятия организации труда, где все подчинено жесткой иерархии, главенствует традиционализм, а условия труда не становятся отдельным вопросом.

В литературной сказке XIX века лексемы со значением «целесообразная деятельность человека, труд» и «отсутствие желания работать» употребляются в 17,7% случаев (посчитано от общего числа лексем с трудовым значением в текстах конца XVIII – начала XXI вв.). В этот период происходит заметный рост оценочных единиц, передающих отношение к труду. В XIXв. значительную силу приобретают социалистические учения, ставящие в центр своего внимания проблематику труда, что обусловлено критическими противоречиями между производительными силами и производственными отношениями, изменением главенствующих мировоззренческих систем в обществе того времени, ослабеванием роли религии в этот период.

В литературной сказке конца XIX - начала XX вв. лексемы со значением «целесообразная деятельность человека, труд» и «отсутствие желания работать» употребляются в 7,4% случаев (посчитано от общего числа лексем с трудовым значением в текстах конца XVIII – начала XXI вв.). Заметное снижение внимания мыслителей и писателей данного периода к проблемам труда обусловлено разочарованием в возможностях рационального познания и обустройства мира вследствие осознания чуждости окружающей технократической цивилизации человеку, ничтожности человека на фоне истории, что повлекло за собой отказ от связи искусства с реальностью, мистицизм и иррационализм мыслителей эпохи серебряного века.

В литературной сказке XX века лексемы со значением «целесообразная деятельность человека, труд» и «отсутствие желания работать» употребляются в 40,4% случаев (посчитано от общего числа лексем с

трудовым значением в текстах конца XVIII – начала XXI вв.). Труд становится центральной проблемой, что объясняется крупномасштабным развитием капитализма и социализма, в рамках которого практическая деятельность человека понимается как центральная проблема.

В литературной сказке конца XX – начала XXI вв. лексемы со значением «целесообразная деятельность человека, труд» и «отсутствие желания работать» употребляются в 29,3% случаев (посчитано от общего числа лексем с трудовым значением в текстах конца XVIII – начала XXI вв.). Труд занимает заметное место среди других этических оценочных единиц, но постиндустриальное общество выдвигает как основу существования информацию (другое название постиндустриального общества - информационное), что влечет за собой ослабевание внимания к труду.

На лексическом уровне в текстах литературной сказки используются следующие лексемы для обозначения наличия или отсутствия трудовых качеств у персонажа:

Положительная оценка (65,9%):

адъектив:

трудовой: *Меньшой-то у нас трудовым человеком растёт. Веник подаёт. Угли подносит. Самовар караулит. Кошку кормит. (Пермяк. Трудовой огонек)*

трудолюбивый: *Добрая трудолюбивая буква А расплакалась. (Токмакова. Аля, Кляксич и буква «А»)*

старательный: *Хочу напомнить: кот Васька был любимым учеником волшебника Алеши. Трудолюбивым и прилежным. Добросовестным и старательным. (Прокофьев. Остров Капитанов)*

усердный: -*Легко извинить того, чье усердное служение помнить завсегда я должен, о чем слыхал я много от моих родителей. (Екатерина II. Сказка о царевиче Февее)*

ловкий: *Замиловать бы девчоночку, по пальчику бы её ловкие ручки перецеловать, а старуха изъян в пряже ищет. (Пермяк. Трудовой огонек)*

проворный: *Хозяйство невелико, конечно, на двоих-то… Катя — девушка проворная, долго ли ей!..(Бажов. Горный мастер)*

<u>номинатив:</u>

труженик: *Ан было уже поздно - серый волк к зеленому дубу подбегал! Под которым труженик Иван-царевич его дожидался. (Успенский. Иван - царский сын и Серый Волк)*

<u>наречие:</u>

усердно: *Петька усердно кланялся в землю и, будто почесываясь, ощупывал у себя сзади под штанишками мочальный змеев хвостик. (Ремизов. Докука и балагурье)*

старательно: *Оглядела старушка мячик со всех сторон, обтёрла его старательно платочком, встала, подошла не спеша к дереву и давай играть в трёшки. (Шварц. Сказка о потерянном времени)*

проворно: *Женя посмотрела на свой пустой кувшинчик, вспомнила, что её дожидаются папа, мама и маленький Павлик, поскорей побежала на свою полянку, присела на корточки, заглянула под листики и стала проворно брать ягоду за ягодой. (Катаев. Дудочка и кувшинчик)*

<u>Отрицательная оценка (34,1%):</u>

<u>адъектив:</u>

ленивый: *Голуби на площади ленивые, совсем ручные, склёвывают угощенье чуть ли не с ладони.. (Георгиев. Стрёкот кузнечика)*

неумелый: *Куда я теперь с моими руками белыми, квёлыми, неумелыми? (Пермяк. Трудовой огонек)*

<u>номинатив:</u>

лентяй (лентяйка): *Да ты, оказывается, просто лентяйка! (Катаев. Дудочка и кувшинчик)*

ленивица: *Ленивица так этому обрадовалась, что схватила то и другое и, даже не поблагодарив старика, домой побежала. (Одоевский. Мороз Иванович)*

бездельник: *Ранним утром невыспавшаяся компания молодых бездельников толпилась возле крыльца. (Шер. Тридесятые сказки, или Вот такие пирожки)*
лежебока: *Лентяями она называет всех, кто живет на ёлке. А ещё: «Бездельники! Лежебоки!» (Ракитина. Приключения новогодних игрушек)*
лодырь: *— Зачем тебе эти лодыри? (Шер. Тридесятые сказки, или Вот такие пирожки)*
<u>наречие:</u>
лениво: *В жаркий день - мухи летают лениво, ящерицам легко ловить и есть их, а съесть хорошую муху - это так приятно! (Горький. Утро)*
ФЕ: *— Отдохни, Иван!* ***Работа не волк, в лес не убежит!*** *— дружно прокричали труженики ружья и капкана. (Шер. Тридесятые сказки, или Вот такие пирожки)*
Толку от них как от козла молока. (Шер. Тридесятые сказки, или Вот такие пирожки)

Таким образом, в ценностной картине мира человека труд является неотъемлемой частью, но вот какое место он занимает в иерархии ценностей, зависит уже от «настроения» той или иной эпохи.

Таким образом, этическая оценка, реализуясь в текстах литературной сказки, помогает не только ребенку обрести в себе Человека и выполнять регулирующие функции, но и спасти человечество, потому что сегодня нам нужно задуматься о том, что «самая страшная из грозящих нам катастроф — это не столько атомная, тепловая и тому подобные варианты физического уничтожения человечества (а может быть, и всего живого) на Земле, сколько антропологическая — уничтожение человеческого в человеке» [Шрейдер 1990: 7–8]. И литературные сказки, провозглашающие этические ценности, могут помочь человечеству избежать уничтожения самого себя.

Русская литературная сказка по соотношению пейоративных и мелиоративных единиц отражает особенность русского языка: отрицательная этическая оценка представлена более разнообразно, но менее употребима (в количественном отношении) в текстах литературной сказки.

2.2.3.Языковые средства репрезентации эстетической оценки

Рассмотренная нами в предыдущем параграфе этическая оценка имеет смежный характер с эстетической. Это связано с тем, что эстетическую оценку, как и этическую, относят к супероценке, так как в сфере эстетики и этики критерии выявления ценностей посредством оценивания предметов и явлений действительности заметно усложняются. Мир Добра и мир Красоты тесно связан в мире сказки. Но не только красивое может быть добрым, но и страшное: «сказковеды считают возможным говорить об «эстетике безобразного» как об одном из важнейших принципов сказочного повествования» [Лупанова 1981:83]. Философы обращают внимание на взаимозависимость важнейших человеческих ценностей - Красоты, Добра, Истины. Эстетическая оценка, как и этическая, связана с высшими потребностями людей, в частности, выражает потребность в Прекрасном, Красоте, которая является одной из высших ценностей, и таким образом делает из человека Человека. Как и этическая, эстетическая оценка имеет рекомендательный характер, включается в деятельность человека, в его жизнь. Учение о прекрасном, о законах красоты и совершенства появилось в глубокой древности, но термин эстетика появился в науке в середине XVIII века. «Под эстетическим отношением понимается особый вид связи между субъектом и объектом, когда независимо от внешнего утилитарного интереса человек переживает глубокое духовное наслаждение от созерцания гармонии и совершенства» [Кохановский 2011: 350]. В философии красота отражает взаимоотношение диаметрально противоположных характеристик субъективного (совпадение с эстетическими вкусами субъекта) и объективного (наличие симметричности, пропорциональности и гармоничности). Следовательно, выделяется в содержании эстетической оценки объективная (вызываемые ощущения и эмоции) и субъективная (зависимость от сложившихся идеалов красоты, вкусов) сторона оценки. Интересной представляется нам мысль М. Бахтина: «эстетически формирующая реакция есть реакция на реакцию, оценка оценки» [Бахтин

2000:31] В теоретической эстетике отражается противопоставление природной красоты и красоты, созданной руками человека. В лингвистических исследованиях эстетическая оценка относится к сублимированным оценкам, которые представляют собой синтез сенсорно-вкусовых и психологических. В текстах литературной сказки употребление единиц с эстетическим оценочным значением составляет 15,68% от общего числа употребления частных оценок. В. Е. Алексеева. определяет, что «ситуация эстетической оценки включает в себя три этапа- 1) непосредственное созерцание объекта; 2) сопоставление с идеалом, 3) собственно вынесение оценки» [Алексеева 2009: 13].

Положительная эстетическая оценка заключает в себе значение «приятный на вид, отличающийся правильностью форм и гармонией цвета». Среди лексем, выражающих эстетическую оценку, в текстах литературной сказки часто используются следующие лексемы:

Положительная оценка (56,5%):

адъектив:

красивый: *Одним словом, кругом березы была целая роща, хотя и небольшая, но очень красивая. (Вагнер. Береза)*

очаровательный: *На залитой солнцем поляне, среди ярких цветов, бабочек и шмелей, в расшитом золотыми цветами и птицами алом платье собирала букет очаровательная принцесса. (Чернецов, Яковлев. Разбитая сказка)*

прекрасный: *Вот и посчитал я, что дети твои и прекрасной королевны Елены много лучше тебя будут. (Успенский. Иван - царский сын и Серый Волк)*

прелестный: *Конечно, есть практические натуры, которые только и заботятся о том, как бы набить себе живот, как вы или вот эта прелестная гусеница... (Гаршин. То, чего не было)*

восхитительный: *Они тоже ничего… Но всё-таки не такие розовые! Нет, я самый лучший, самый восхитительный Розовый Поросёнок на свете! (Ракинина. В ожидании праздника)*

великолепный: *Но ведь не я же, втайне собирая деньги, которые родители дают на завтраки в школе и всякие другие пустяки, купил в конце концов великолепный новенький ошейник из желтой кожи и с заклепками. (Георгиев. Стрёкот кузнечика)*

симпатичный: *Однако этот рыбий хвостик вовсе не так плох. Симпатичнейший, надо признаться, хвост. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

миленький: *— Очень миленький цвет! — произнес он с некоторой завистью и коснулся шерстинок на хвосте кота. (Кутерницкий. Госпожа Странная Мысль)*

распрекрасный: *Гуляет он и любуется: на деревьях висят плоды спелые, румяные, сами в рот так и просятся, инда, глядя на них, слюнки текут; цветы цветут распрекрасные <…>. (Аксаков. Аленький цветочек)*

<u>наречие:</u>

прекрасно: *Конечно, хвост - это прекрасно! (Успенский. Вниз по волшебной реке)*

великолепно: *Так, в зверинце великого царя видели они дивно изукрашенное помещение, которое они называют клеткою, но которое, по их описанию, столь великолепно, что достойно, без сомнения, быть чертогом великого нашего бога. (Сологуб. Дикий бог)*

красиво: *Белое блюдо с красными раками и зелёным укропом было красиво. (Бианки. Где раки зимуют)*

<u>номинатив:</u>

красавец: *Около него вырос красавец лев, и золотистую гриву его раздувал легкий ветерок, который все же залетел из любопытства во двор посмотреть, что там такое происходит. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

красавица: *Увидели их татары, велели сейчас же сластями красавиц попотчевать. (Телешов. Крупеничка)*

красота: *«Какая красота!» — восхитился Поросёнок, посмотрев на свои ножки. (Ракитина. Приключения новогодних игрушек)*

ФЕ: *Художник поднял вальдшнепа и стал любоваться его красивым оперением. Глаз от него оторвать не мог. (Бианки. Перышко)*

<u>Отрицательная оценка (43,5%):</u>

<u>адъектив:</u>

Лексемы, образованные при помощи приставки *не* (некрасивый, несимпатичный, непривлекательный):

— Какая растрёпанная, некрасивая у нас ёлка! — ахнула Мама. — Игрушки висят кое-как, даже на полу валяются, дождик сбился, верхушка покосилась. (Ракитина. Приключения новогодних игрушек)

страшный: *В старые годы, в молодые дни, не за нашею памятью, а при наших дедах да прапрадедах жил-был в дремучих лесах во муромских страшный медведь, а звали его Костолом. (Сомов. Сказка о медведе костоломе и об Иване, купецком сыне)*

безобразный: *Она сидела, закрыв перепонками свои жабьи глаза, и едва заметно дышала, раздувая грязно-серые бородавчатые и липкие бока и отставив одну безобразную лапу в сторону: ей было лень подвинуть ее к брюху. (Гаршин. Сказка о жабе и розе)*

уродливый: *Тут стоял пень, и они увидали на нём большой уродливый древесный гриб. (Бианки. Лесные разведчики)*

<u>номинатив:</u>

урод (уродец, уродина): *А то рисуют не джиннов, а каких-то жалких уродцев, убогих карликов, совсем не похожих на прекрасных живых джиннов. (Прокофьева. Остров Капитанов)*

страшилище: - *Чш! - шикнула Чирика. - Смотри, какое страшилище там, на крыльце. (Бианки. Лесные разведчики)*

страхолюдина: *Тявка открыл левый глаз. Где дом? Кто дом? Эта колючая страхолюдина? (Ракитина. Приключения новогодних игрушек)*

Данная лексема употребляется в литературной сказке XXI века.

<u>наречия:</u>

Отрицательное значение приобретает лексема с положительным знаком при употреблении с приставкой *не*:

А один из старших мальчишек вдруг, не таясь, пихнул малыша локтем в бок, так, что тот громко ойкнул, и весёлая его мордашка некрасиво сморщилась. (Георгиев. Стрёкот кузнечика)

Следует отметить, что представление о красоте человека в исследуемых литературных сказках совпадает с русской языковой национальной картиной мира и связывается с понятием здоровья и с его визуализируемыми признаками: крепким телосложением, румянцем на лице, блеском глаз, широкими плечами и т.п.:

Для эстетических оценок в текстах литературной сказки важно рассмотреть не только основные языковые способы выражения, но и какие объекты окружающей действительности признаются ценностью.

Объекты эстетической оценки, характеризующийся «способностью производить эстетически приятные/неприятные впечатления» [Лукьянова, 1986: 19], могут быть разделены на три группы:

Персонаж

1. Характеристика внешности персонажа:

Страшный король гуляет по своим и чужим владениям, царевны-красавицы сидят в терему <…>. (Чарская. Царевна Льдинка)

2.Характеристика внешнего вида персонажа:

В данной группе оценивается, например, чистоплотность и аккуратность героя:

Вдруг звякнула щеколда у калитки. Марта обернулась и увидела опрятного старичка. (*Благинина. Чудесные часы)*

3. Характеристика деятельности:

Во-первых, я вовсе не кричу, а красиво пою. (Бианки. Оранжевое горлышко)

Группа Предмет (в данной группе объектом оценочной лексики являются предметы, созданные персонажем):

1.Характеристика постройки и его компонентов:

Перед ними расстилалась площадь, которую окружали красивые дома из желтого, красного, синего, зеленого и белого стекла. (Губарев. Королевство кривых зеркал)

2.Характеристика предметов быта:

Даже бедные лачуги крестьян благодаря розовым занавескам у окон казались нарядными и красивыми. (Чарская. Три слезинки королевны)

3. Характеристика личных вещей человека:

Барабан был красивый, с блестящим медным ободком, с туго натянутой кожей. (Могилевская, Сказка о громком барабане)

Группа Природа:

1.Характеристика растительного мира:

Деревья также показались Алёше отменно красивыми, хотя притом очень странными. (Погорельский. Черная курица, или Подземные жители)

Предметы и явления окружающей действительности могут быть оценены с разной степенью интенсивности, следовательно, эстетическая оценка может быть градуирована – от пренебрежения до восхищения:

Красивейшие девушки города в белых, воздушных одеждах усыпали розами триумфальный путь короля. (Чарская. Дуль-Дуль, король без сердца)

С эстетической точки зрения любая часть окружающего мира может быть оценена, что свидетельствует о безграничной власти ценностей Красоты в мире человека.

2.2.4.Языковые средства репрезентации сенсорно-вкусовой оценки

Сенсорно-вкусовая оценка отражает субъективно-индивидуальное видение окружающего мира, соответственно, в данном типе оценки главным является субъект, а объект отходит на второй план. По мнению А. А. Ивина, сенсорно-вкусовые оценки «ничего не описывают, ничего не утверждают, являясь всего лишь словесными выражениями определенных психических состояний» [Ивин 1970: 45] и, следовательно, помогают человеку в

приспособлении к окружающей действительности. Сенсорно-вкусовая оценка предполагает значение «ощущать удовольствие/неудовольствие». Употребление лексем данной группы составляет 9,23% от общего числа употребления лексем с оценочным частным значением. Положительные и отрицательные оценки не представляют собой эмоциональное единство: если литературный герой сказки будет «меньше страдать», то это не означает того, что он «получит больше удовольствия». Следует отметить, что большая часть оценочных лексем данного типа метафорична.

Сенсорно-вкусовая оценка следующим образом представлена в текстах литературной сказки:

Положительная оценка: (87,6%) *приятный, сладостный, отрадный, приятно, сладостно.*

ФЕ: *Белые провода хорошо видны ночью, и кататься на них — одно удовольствие! (Ракитина. Приключения новогодних игрушек)*

Отрицательная оценка (12,4%): *отвратительный, противный, мерзкий, мерзость, гадость.*

В зависимости от тех органов чувств, которые воспринимают предмет оценки, выделяются следующие группы:

«приятный/неприятный по запаху» (11,3%):

Запах, воздействуя на физическом, психическом и социальном уровнях, играет важную роль в повседневной жизни человека и сложен не только в описании, но и, как следствие, в изучении. Это объясняется рядом факторов: во-первых, запах сложно сохранить в памяти, «законсервировать», а значит – и точно передать; во-вторых, в языке имеется достаточно скудный арсенал лексических средств для передачи «обонятельных ощущений»; в-третьих, «на вкус, на цвет – товарищей нет», как, собственно, и на запах, следовательно, описываемые запахи не всегда могут вызывать одинаковые ощущения у читающих, а «только положительных» и «только отрицательных» лексем в текстах литературных сказок используется немного:

положительная оценка:

<u>адъектив:</u>

душистый: *Варенье было самое лучшее: домашнее, душистое, без косточек. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

ароматный: - *Сегодня у нас к обеду на третье - жевательная резинка! Сладкая, ароматная. Жуйте, мои хорошие! (Прокофьева. Остров Капитанов)*

благоухающий: - *Где мы? - спросила Галя, когда птица с быстротой молнии опустила ее на землю, прямо в роскошный, чудно благоухающий сад. (Чарская. Галина правда)*

<u>Отрицательная оценка:</u>

вонючий: *Не могу я с вонючим мужиком вместе ужинать. (Толстой. Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене –воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Меланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах)*

<u>«приятный/неприятный на вкус» (46,2%):</u>

сладкий: *Неподвижные, как изваяния, сидели на камне охотники за сладкой клюквой. (Пришвин. Кладовая солнца)*

вкусный: *Часовщик денег за починку не взял, и Марта отблагодарила его вкусным кофе. (Благинина. Чудесные часы)*

аппетитный: *Прямо над ними покачивалась сумка, из которой торчал аппетитный, словно расклешенный рыбий хвост. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

<u>номинатив:</u>

лакомство: *Он сам бы с удовольствием съел все эти лакомства. (Ратникова. Ящик иллюзиониста)*

ФЕ: *Гуляет он и любуется: на деревьях висят плоды спелые, румяные, сами в рот так и просятся, инда, глядя на них,* ***слюнки текут****<…> (Аксаков. Аленький цветочек)*

Пирожки получались такие вкусные, что ***пальчики оближешь****. (Шер. Тридесятые сказки, или Вот такие пирожки)*

<u>Отрицательная оценка:</u>

невкусный: *Потом он говорил: «А-а-а…» - и, от удовольствия мотая головой, набрасывался на кислые щи и другие невкусные вещи, как будто они были шоколадно-мармеладные. (Усачев. Умная собачка Соня, или Правила хорошего тона для маленьких собачек)*

<u>«приятный/неприятный на ощупь» (24%):</u>

<u>Положительная оценка:</u>

бархатный: *Впрыгивал Котофей в кроватку и бережно <u>бархатной</u> лапкой будил спящую Зайку. (Ремизов. Посолонь)*

шелковый: - *Жученька, Жучок, беленькие ножки, шелковый хвостик, пусти в хлевушок погреться! (Даль. Снегурочка)*

мягкий: *Он прошелся по комнате, с удовольствием ощущая, какие у него мягкие и гибкие лапы. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

<u>Отрицательная оценка:</u>

грубый: *Все в капитане. Как следует раздражало капитана Нильса. И самодовольная, как ему казалось, улыбка, и оранжево-рыжие веснушки, словно шляпки гвоздей, крепко вбитые в круглую физиономию. И обширные карманы его куртки, сшитой из грубого, но добротного сукна. (Прокофьева. Остров капитанов)*

<u>«приятный/неприятный для слуха» (18,5):</u>

<u>Положительная оценка:</u>

<u>адъектив:</u>

сладкий (перен.): *Возьмите меня к себе в ученики, - сладким голосом пропел он. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

<u>наречие:</u>

бархатно: *– Ну что же… – бархатно произнесла она. (Крапивин. Стража Лопухастых островов)*

<u>Отрицательная оценка:</u>

грубый: *Но в эту самую секунду вдруг неизвестно откуда раздался грубый металлический голос. (Ракитина. Сережик)*

Таким образом, органы чувств помогают человеку осваивать и соответственно оценивать окружающую действительность.

2.2.5. Языковые средства репрезентации психологической оценки

Психологическая оценка включает в себя значение «желательный/ нежелательный» и составляют 33,53%. среди употребления лексем с частным оценочным значением. По мнению Н. Д. Арутюновой, в данном типе оценок сделан шаг в сторону рационализации и осмысления мотивов оценки и выделяются интеллектуальные оценки и эмоциональные оценки. Эмоциональное и интеллектуальное в оценке отражают два вида отношений субъекта к объекту: через чувства и через мнения. Эмоциональные оценки нами более подробно рассмотрены в главе «Эмотивная лексика» и они составляют 58,2% случаев употребления психологических оценок в текстах литературной сказки. Интеллектуальные оценки, соответственно, составляют 41,8%.

Что же, дочь моя милая, любимая, не берешь ты своего цветка желанного? (Аксаков. Аленький цветочек)

Я тебе помогу, детище мое желанное, и вызволю тебя из бедности; только приходи по три ночи сюда, ко мне на могилу. (Сомов. Сказка о Никите Вдовиниче)

Психологическая оценка может быть выражена значением интересный/ неинтересный. **Интересный/неинтересный** -это такой, который является привлекательным (желательным) для восприятия и (или) познания. Исследователями отмечается, что значение «интерес» в некоторых европейских языках появилось из значения «выгода», «польза» [Черных 1999 Т. 1:352], соответственно, изначально данная оценка имела утилитарный характер.

Интерпретация значения «интересный/неинтересный» представлена в следующих лексемах:

Положительная оценка:

<u>адъектив:</u>

интересный: *Я лучше возьму с собой детей, с ними интереснее. (Харитонов. Учитель вранья)*

Данная лексема отсутствует в литературных сказках конца XVIII – начала XIXвв.

любопытный: *Хлор, как любопытное дитя, просился посмотреть больного нищаго <…>. (Екатерина II. Сказка о царевиче Хлоре)*

увлекательный: *«Наверно, это просто сон, а во сне ведь все может быть», – подумала Лиза: сны, цветные и увлекательные, занимали в ее жизни почетное и важное место. (Егорушкина. Настоящая принцесса)*

захватывающий: *Еще будучи совсем несмышленым бельчонком, забиралась под одеяло с фонариком и, потихоньку от матери, до утра читала захватывающие истории о морских приключениях, битвах, о чудесных далеких странах. (Прокофьева. Остров Капитанов)*

<u>наречие:</u>

интересно: *— Ты так интересно рассказываешь про эту тряпочку, — удивился гость. (Ракитина. Приключения новогодних игрушек)*

<u>Отрицательная оценка:</u>

неинтересный: *Он старался скорее покончить с этим <u>скучным</u> и <u>неинтересным</u> делом .(Михалков. Три поросенка)*

ФЕ: - *Но слон все шел и шел и **не обращал внимания**, как она тявкает. (Губарев. Королевство кривых зеркал)*

К психологическим оценкам Н.Д. Арутюнова относит категорию «обладающий/ необладающий интеллектуальными особенностями». Данное оценочное значение достаточно широко представлено в литературных сказках и составляет 34,4% от числа интеллектуальных и эмоциональных оценок.

Для русской культуры характерно особое отношение к интеллектуальным способностям человека. Онтолингвисты отмечают, что к трем годам ребенок обычно «вбирает» в свой тезаурус слова «думаю» и «понял». Значимость данного объекта оценки подтверждается большим

количеством синонимов, употребленных в текстах литературной сказки. Безусловно, обозначенные лексемы дифференцируются по эмоциональной окрашенности и стилистической маркированности, но количество употребленных лексем является важным аргументом для доказательства особого отношения к интеллектуальным особенностям в текстах литературной сказки.

Значение «обладающий умом» представлены следующими основными лексемами:

Положительная оценка:

адъектив: *неглупый, умный, толковый, сообразительный, смекалистый, мудрый, остроумный, разумный:*

мудрый: *<…> никого не было в стране мудрей и учёней Гаспара Арнери. (Олеша. Три толстяка)*

«Отличающийся умом» это также тот, кто обладает изощрённостью мысли, изобретательностью при нахождении ярких, острых, смешных выражений, определений, то есть остроумный человек.

остроумный: *Герой оказался еще и остроумным. (Томин. Шел по городу волшебник)*

разумный: *Царь приставил к нему семерых нянь разумныхи в детском воспитании искусных. (Екатерина II. Сказка о царевиче Хлоре)*

Лексема «разумный» встречается только в текстах литературных сказок конца XVIII – XIXвв.

умный (умненький): *очень что-то скоро умненькие и дружные ребята сами всему научились и стали жить хорошо. (Пришвин. Кладовая солнца)*

номинатив:

умник: *Вот это, Мишенька, дело, ай, умник! - похвалила лисичка. (Форш. Хитрые звери)*

наречие:

по-мудреному: *В те годы по-мудреному учили, а он с лету берет. (Бажов. Хрупкая веточка)*

Значение оценки может быть выражено с помощью **фразеологических единиц**:

*Умница, **светлая голова**! <…>. (Успенский. Вниз по волшебной реке)*

*У него **семь пядей во лбу**. (Крапивин. Стража Лопухастых островов)*

Отрицательная оценка:

адъектив:

неразумный: *Ты прости мне, неразумному и глупому, отпусти меня к моим дочерям родимым и подари мне цветочек аленький для гостинца моей меньшой, любимой дочери. (Аксаков. Аленький цветочек)*

глупый: *Я не такая глупая, как ты, - отвечает Барбосу утка. (Осеева. Кто всех глупее)*

сумасшедший: *«Какая-то сумасшедшая ящерица! — подумал Серёжик. (Ракитин. Когда с листьев облетели деревья)*

Данный пример показывает, что утративший способность здраво рассуждать, поступающий необдуманно, безрассудно также осуждается в литературных сказках.

слабомозглый: *Они хоть были и слабомозглые царевичи, а опасность свою сразу чуяли. (Успенский. «Иван-царский сын и серый волк»)*

бестолковый: *Царевич-то ты совсем бестолковый! (Успенский. «Иван-царский сын и серый волк»)*

номинатив:

дурак: *Неправда, дядюшка, вешают только дураков, кои мало крадут. (Левшин. Русские сказки)*

дурень: *Ах ты, дурень, дурень!.. да и брат-то твой дурак: как это можно колоду продавать, все пчелы изведутся... (Вагнер. Два Ивана)*

Значение «обладающий ограниченными умственными способностями» выражается и в фразеологических единицах:

*Что ты, сосед, или **с ума сошёл**? (Толстой. Большая печка)*

Таким образом, наличие большого количества лексем, описывающих умственные способности героев литературной сказки, свидетельствует о важности интеллекта для человека.

2.2.6. Языковые средства репрезентации праксеологической оценки

Данный тип оценки представляет наименьшую группу и составляет 4,93%. Праксеологические оценки отражают интересы человека, связанные с практической деятельностью и опытом. В их основу положен выбор: будет ли тот или иной объект действительности полезным или способствовать выполнению определенной задачи. Объект праксеологической оценки, представленный как положительная ценность, не означает, что он является хорошим представителем своего класса, но зато он может, по мнению А. А. Ивина, «хорошо служить с точки зрения реализации рассматриваемой цели и обладает в силу этого утилитарной ценностью» [Ивин 1970: 67].

Значение «соответствующий/несоответствующий цели» в текстах детских литературных сказок репрезентируется следующими основными лексемами: **положительная оценка (73%)** (*благополучный, эффективный, целесообразный, полезный, удачный, нужный, благотворный, здоровый (перен.) и др.):*

отрицательная оценка (27%): лексические единицы, образованные от основы с положительным аксиологическим знаком путем прибавления приставки *не (негодный, ненужный, негодный)*, а также *бесполезный, вредный, губительный, смертельный, пропащий*, *понапрасну, попусту*, *зря*.

Приведем примеры употребления праксеологических оценок в тексте литературной сказки:

полезный: *Кислая и очень полезная для здоровья ягода клюква (Пришвин. Кладовая солнца)*

оздоровительный: *ничего ценнее, чем оздоровительные яблочки, не было (Успенский. Вниз по волшебной реке)*

Существуют разные цели у героев литературной сказки, одна из которых - «приобретение здоровья», репрезентируемые обозначенными лексемами.

благополучно: *Так возвратился благополучно старичок на тот самый берег. (Телешов. Крупеничка)*

удачный:*<…> ни удачные походы, ни любовь кроткой и красивой королевы, ни несчетные сокровища, ни привязанность подданных не радовали короля. (Чарская. Три слезинки короля)*

Данные лексемы репрезентируют еще одну важную цель для героев литературной сказки - «завершение пути».

Праксеологическое значение может быть передано с помощью фразеологических единиц:

ФЕ: *— Эх, ты! — рассердился Макар. —* ***Толку от тебя****! (Вниз по волшебной реке)*

Таким образом, праксеологическая оценка, являясь наименьшей группой в количественном отношении употребленных единиц, отражает интересы героя литературной сказки, которые связаны с практической деятельностью и опытом.

2.2.7.Языковые средства репрезентации нормативной оценки

Содержанием нормативной оценки является сопоставление свойств объекта оценки с существующими у субъекта представлениями о норме, которая характерна для данного объекта. Следовательно, лексические единицы данной оценки выражают значение «соответствующий/несоответствующий норме». Лексемы употребляются в 5,62% случаев оценивания окружающей действительности. Норма является основанием оценки предметов и явлений и выступает как некий стандарт. Операция сравнения с нормой, по мнению Л. А. Сергеевой, включает как минимум две стороны: качественная и количественная. Качественный аспект отражает идею «соответствия/несоответствия чего-либо какой-либо норме». Объектом нормы может быть практически любая сфера жизни и любое

явление. Для репрезентации нормативного оценочного значения в литературной сказке используются различные лексемы с положительным (93%) и отрицательным (7%) значением: *(нормальный, правильный, верный, бракованный)*:

Выяснилось, что первый правильный шаг в этом направлении Коржиков уже сделал. (*Георгиев. Стрёкот кузнечика)*

Для литературной сказки в большей степени характерны лексемы, значение которых «соответствующий/несоответствующий нормам логики»:

верный: *Кажется, я взвесила все и сделала верный выбор, - подумала Кошка. (Прокофьева. Остров капитанов)*

логично: *— Принимаю условие, — сказал король поэтов. — Это логично. (Кутерницкий. Госпожа Странная Мысль)*

Данная лексема используется только в литературных сказках XXI века.

дурацкий: *Кот не считал прежнее имя дурацким, однако его еще никогда не называли Аполлоном, и ему было бы жаль сразу расстаться с таким красивым именем. (Кутерницкий. Госпожа Странная Мысль)*

Окружающая действительность может быть оценена не только в сопоставлении с качественными нормами (т.е. оценивается некая структура объекта), но и количественными. Количественная характеристика объекта сама по себе нейтральна, но она может стать оценочной при нарушении нормы. Л. А. Сергеева выделяет ряд факторов, которые способствуют появлению оценочности у параметрических характеристик [Сергеева 2007: 203]:

- Самым главным фактором является «сфера жизни» параметрического значения. Количество, интенсивность и параметры проявления некоего признака должны быть значимыми для человека. Положительно оценивается такая количественная характеристика, достигнув которую, явления будут представлять ценность для субъекта оценки. Объект оценки должен стать полезным и нужным.

- Культурологический фактор, действие которого заключается «в сохранении древних оценочных архетипов, которые отражаются в языке в виде оценочных коннотаций параметрических значений». Например, «плохо» имеет значение «мало», недостаточности количественных единиц.
- Оценочные коннотации наречий и имен прилагательных. Л. А. Сергеева отмечает, что прилагательное «чудовищный» в значении «крайняя степень своего проявления» может сочетаться только с названиями отрицательных явлений, т.к. слово обладает отрицательным оценочным значением.

В русской литературной сказке реализуются следующие типы параметрических оценок:

- «достаточное количество», которое репрезентируется следующей основной лексемой:

достаточный: *Когда же у них родился еще один сын, Иван был на седьмом небе. Теперь-то у него будет достаточно помощников! (Шер. Тридесятые сказки, или Вот такие пирожки)*

- «недостаточное количество», т.е. заявленная параметрическая характеристика может быть меньше или больше должной нормы.

недостаточный (недостаточно): *Не кажется ли тебе, что наш любимый крокодил сегодня какой-то... недостаточно зеленый? (Прокофьева. Ученик волшебника)*

Значение «меньше нормы» на лексическом уровне реализуется в текстах литературной сказки следующим образом:

частицы: *только, всего*

наречие: *мало*

лексемы с коннотативным значением «меньше нормы»: *лилипут, коротыжка и* др.

Сама по себе лексема «мало» не является оценочной, но при вхождении ее в состав слова (в сам знак или его значение) лексема приобретает оценочное значение:

Правда, голос противный и сама ***малосимпатичная****, но зато всех сбила с толку и запутала следы. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

Лексема «малосимпатичная» является эстетической оценкой с параметрической характеристикой.

– Наверное, у ее хозяев в кармане ветер гуляет, раз она ходит в таком куцем платьишке! (Егорушкина. Настоящая принцесса)

Лексема «куцый» несет в себе значение «мало»: недостаточность длины или размера.

Значение «превышающий норму, излишний» широко представлена в текстах литературной сказки на лексическом уровне репрезентируется следующим образом:

наречия: *чересчур, слишком, чрезмерно;*

частицы: *аж, только;*

лексемы с коннотативным оценочным значение «превышение нормы»: *полчища, табун, стадо*:

Первым встретил фашистов пограничник Степан. Он тогда на посту с товарищем стоял. Видят: идут несметные полчища фашистов, будто тучи саранчи. (Туричин. Крайний случай)

Значение «превышающий норму, излишний» может лежать в основе всех видов оценок и означать усиление того или иного признака у оцениваемого объекта:

Джинн, надо признаться, вел себя просто отвратительно. (Прокофьева. Ученик волшебника)

Для передачи некоего числового значения могут использоваться и фразеологизмы, которые также подразделяются на обозначение «недостаточности» (*в двух шагах, от горшка два вершка*) и «избыточности» (*наврать в три короба, работать за семерых*). Числительными издавна люди

не просто считали, но и осмысляли окружающий мир. Пифагор говорил, что «все-что может быть посчитано – истинно». Соответственно, числительные вовлекаются в процесс освоения окружающей действительности и насыщаются коннотативной семантикой.

Количественная характеристика (как с оценочным значением, так и нейтральная по отношению к шкале «хорошо-плохо») пронизывает все художественное пространство литературной сказки и «измеряет»: время (*день пролетел*), пространство (*далекие земли, громадное поле*), скорость (*сломя голову*) и самого человека: как его внутренний мир (*предобрый человек*), так и благосостояние (древняя оппозиция «бедный-богатый»).

Таким образом, выявление и описание лексических единиц той или иной группы является важным этапом в изучении литературной сказки.

ВЫВОДЫ к ГЛАВЕ 2:

1. Сказка является первичной мифологической системой в жизни человека. Ребенок принимает ясные и простые сказочные картины в качестве первой целостной системы объяснения реальности.
2. Литературная сказка представляет собой художественное произведение, созданное с опорой на фольклорные традиции.
3. Категория оценки реализуется в текстах литературной сказки на разных языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Лексический уровень является наиболее существенным при выражении категории оценки в текстах литературной сказки.
4. Оценочная лексика представляет собой общую (оценивает мир, не конкретизируя его) и частную оценку (этическая, эстетическая, нормативная, праксеологическая, психологическая, сенсорно-вкусовая).
5. Общая оценка обладает явными градуальными признаками: в различной степени проявляется свойство *хороший* или *плохой*. На языковом уровне нейтральная зона (по сравнению с положительной и отрицательной зонами) представлена наименьшим количеством лексем. Следовательно, в литературной сказке взаимодействие персонажа с миром характеризуются логической четкостью, которая выражена в ценностных оппозициях: «хороший - плохой» («правда- ложь», «добрый - злой», «красивый - некрасивый»), что соответствует уровням восприятия окружающей действительности ребенком. Нейтральность в текстах литературной сказки гораздо чаще «появляется» в текстах литературной сказки конца XX - начала XXI вв., что, безусловно, отражает расшатывание аксиологической шкалы литературной сказки.
6. Основными частными оценками в текстах литературной сказки являются: психологическая («желательный/ нежелательный»), эстетическая («приятный/неприятный на вид, отличающийся

правильностью форм и гармонией цвета») и этическая («соответствие/несоответствие этическим нормам»).

7. В текстах литературной сказки разных исторических периодов отмечено преобладание положительной оценки, что свойственно как для общей, так и частной оценки.

ГЛАВА 3. ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

Область эмоций и чувств является особой областью, в которой отражаются духовные ценности народа. Литературная сказка, как и любое художественное произведение, отражает личные переживания героев. На это указывает В. Я. Пропп: «сказка в основе своей небывальщина. Сказки же, перешедшие в литературу, приобретают характер новелл, т. е. таких повествований, которым приписывается некоторая достоверность. Они обретают точное хронологическое и топографическое приурочение, их персонажи – личные имена, типы превращаются в характеры, *большую роль начинают играть личные переживания*, подробно описывается обстановка, события излагаются как причинная цепь» [Пропп, 1984: 29] (курсив мой – С. Т.). В тексте литературной сказки действительность «преломлена» сознанием автора, который отобрал определенный эмоциональный материал и разные эмотивные знаки для своего произведения, развертывание которых и устанавливает особые отношения между автором и читателем. Читатель любого художественного произведения знает больше о персонажах, чем они друг о друге. Важной особенностью авторской речи в тексте литературной сказки является ее «эмоциональная правда»: описываемые эмоции персонажа являются только истинными в отличие от эмоций, которые может демонстрировать сам герой. «Авторское описание эмоциональных мыслей персонажей художественного произведения является довольно существенной информационной добавкой к его эстетическому и когнитивному смыслу» [Шаховский 2010: 67]. Интересным в связи с этим представляется исследовательская работа Andrew Mathews, Valerie Ridgeway и Emily A. Holmes, в своей статье «Feels like the real thing: Imagery is both more realistic and emotional than verbal thought» они отмечают, что словесные образы и описания эмоций (по сравнению со зрительными) более конкретны и не вызывают у реципиентов ошибок в восприятии. И изучение особенностей репрезентации эмоций в тексте литературной сказки поможет не только выявить, но и

оценить вектор воспитания национально-культурного в человеке. Как отмечает В. И. Шаховский, смыслы эмоций, которые персонажи либо озвучивают, либо только обдумывают, обладают интенциональной прагматикой. «Они «разворачиваются», эмоционально заряжая читателя, индуцируют аналогичные мысли в его голове, а любой читатель, если у него нормальная психика, является эмоциональной языковой личностью, способной к переводу языка мыслей на язык слов и обратно» [Шаховский 2010: 69].

Эмоции, отражая внутреннее состояния героя, широко представлены в тексте литературных сказок. Они могут быть переданы с помощью разных уровней языка:

- *Фонетический уровень*: изменение звукового и, соответственно, буквенного комплекса:

– Уаааа-у! – изображая восторг, Юлечка внезапно завизжала так, что обернулось полшколы, а не только проплывавшая мимо Ульяна Сергеевна. (Егорушкина. Настоящая принцесса и Бродячий мостик)

- *Морфологический уровень:* в тексте отмечено большое количество лексем, в составе которых есть аффиксы, несущие эмотивный оттенок:

*Ах, как ей было жаль милой, бедн**еньк**ой Серой Шейки! (Мамин-Сибиряк. Серая шейка)*

- *Лексический уровень:*
  - Слова-аффективы эмоций (междометия и междометные слова, а также бранная лексика)

В текстах литературной сказки слова-аффективы, которые помогают создать живую и естественную речь героя, характерны в основном для речи самих персонажей.

Междометия и междометные слова:

Д. А. Прокахина выделяет следующие группы эмотивных междометий [Прокахина 2012: 12]:

1. Междометия узкой семантики, значение которых в текстах носит достаточно устойчивый характер:

— *Ура! — закричали Чумичка и миллиардский. (Успенский. Вниз по волшебной реке)*

2. Междометия широкой семантики, которые способны передавать разнообразные, даже амбивалентные эмоции. Определение эмотивного значения определяется непосредственно в речевой ситуации, описанной в тексте:

– *Ух ты! – **в восторге** воскликнул сильф. (Егорушкина. Настоящая принцесса)*

– *Ух ты! – **удивилась** она. (Успенский. Вниз по волшебной реке)*

Н. А. Хван в своем исследовании отмечает, что междометные единицы создают эффект подлинности эмоционального состояния, что объясняется особенностью их когнитивной природы и способностью прямо указывать на саму эмоцию, не называя ее. Междометные единицы, благодаря своей клишированности, являются также достаточно простыми для быстрой и правильной интерпретации связанного с ними эмоционального состояния персонажа юным читателем.

Слова-коннотативы эмоций:

Л. Г. Бабенко пишет, что «принципиальное отличие коннотативных эмотивных смыслов состоит в том, что они существуют не для отражения мира чувств в действительности, а для отражения эмоционального отношения говорящего к действительности, они наводятся говорящим в содержание слова» [Бабенко 1989: 55]. В литературной сказке слова-коннотативы преобладают в речевых актах героев и выражают отношение к другим персонажам, а также к окружающему миру:

1. Персонаж:

ВОЗРАСТ: — *Кто испортил? а? Это ты, **сопляк**, мне — первому мастеру!.. Да я тебе такую порчу покажу… жив не будешь! (Бажов. Каменный цветок) Он так спешил, что вбежал к мудрецу и даже в дверь не постучался, не поздоровался со стариком, а изо всех сил крикнул ему прямо в ухо:*

— *Эй,* ***старикан****! Ну-ка, научи меня музыке! (Берестов. Аист и соловей)*

ПОВЕДЕНИЕ: *Ввечеру гости понаехали, и стал дом у купца полнехонек дорогих гостей, сродников, угодников,* ***прихлебателей****. (Аксаков. Аленький цветочек)*

РОДСТВО: *Иванушка озлился, чуть бобылю в черные кудри не вцепился и так на него забранился: «Ах ты, смоляная рожа, цыганское* ***отродье****, материн сын, отцов пасынок! Тебе ль со мной тягаться? я так тебе облуплю, что станут и куры смеяться». (Сомов. Сказка о Никите Вдовиниче)*

СОБРАНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ: - *Кто нас тут беспокоит? Мы здесь не* ***сброд*** *какой-нибудь, а муха-громотуха, да комар-пискун, да оса-пеструха, да слепень-жигун. (Михайлов. Лесные хоромы)*

2. Окружающий мир

Оглядевшись, он пришел в ужас — вокруг себя увидел он множество ***гадов****, самого разнообразного вида, с злыми глазами, страшных и отвратительных. (Тургенев. Капля жизни)*

- Слова-номинативы эмоций:

Особенность данной группы слов состоит в том, что семантическое значение этих слов равно обозначаемой эмоции. Человек не может не обращаться к своему чувственному опыту при восприятии денотативного значения слов-номинативов эмоций. В своем сознании индивид не разделяет имя предмета от самого предмета, следовательно, название эмоции может вызывать у человека соответствующее этому имени эмоциональное переживание.

Номинативы эмоций, являясь одновременно и репрезентантом лексического уровня эмоционального состояния героя художественного произведения, и своеобразным термином, «называющим» ту или иную эмоцию, активно используются авторами литературных сказок. В текстах литературной сказки разных периодов нами выделяются следующие эмоциональные переживания героев, которые легко проследить, ориентируясь на номинативы эмоции.

Для конца XVIII века наиболее характерны следующие лексемы, выражающие эмоциональные переживания:

Положительные: любовь, радость, счастье, жалость (сожаление), восхищение.

Отрицательные: усталость, гнев, тоска, печаль, отвращение, беспокойство, отчаяние, стыд, досада, ненависть.

Нейтральные: любопытство, удивление, равнодушие.

Для текстов XIX века наиболее характерны:

Положительные: радость, жалость, сострадание, веселье, симпатия, счастье, любовь, наслаждение, восторг, гордость, упоение,

Отрицательные: страх, боль, грусть, тоска (скука), зависть, презрение, беспокойство, испуг, ненависть, злость, ярость, обида, уныние, отчаяние, усталость, тревога, огорчение, отвращение, стыд, испуг.

Нейтральные: удивление (изумление), любопытство.

Для текстов XX – начала XXI вв. наиболее характерны:

Положительные: жалость, веселье, радость, любовь, гордость, симпатия, счастье, восторг, восхищение

Отрицательные: стыд, зависть, страх, беспокойство, обида, тоска (скука), огорчение, испуг, смущение, раздражение, волнение, тревога, усталость, гнев, злость, ярость, отчаяние, несчастье, досада, возмущение, разочарование, ненависть,

Нейтральные: удивление (изумление), любопытство, интерес.

Анализируя тексты литературных сказок, мы приходим к выводу о количественном возрастании слов-номинативов эмоций в произведении, что может свидетельствовать о более детальном описании эмоционального состояния героя литературной сказки.

- Фразеологические единицы:

Фразеологические единицы обладают некой семантической гибкостью: фразеологизмы могут называть не только общие какие-либо понятия,

которые характерны для определенного класса объектов, но и непосредственно соотносимые с ними одиночные понятия.

В составе литературной сказки фразеологизмы обозначают положительные и отрицательные эмоции.

Фразеологические единицы, обозначающие положительные эмоции:

РАДОСТЬ: *Повернул олень налево;* ***задрожало*** *у Аггея* ***сердце от радости****. (Гаршин. Сказание о гордом Агее)*

ЛЮБОВЬ: ***Без ума*** *любила их бабушка, только пестовала с умом. (Пермяк. Трудовой огонек)*

Я всем сердцем полюбил *королевну Елену, а теперь должен отдать ее за коня златогривого. (Успенский. Иван - царский сын и Серый Волк)*

СИМПАТИЯ: *Это немцам* ***по нраву*** *пришлось, заухмылялись: — О, из бутилка можно! Это мы умеем. (Бажов. Веселухин рожок)*

А Прокопьич что? Ему ***по душе*** *пришлось. (Бажов. Горный мастер)*

СЧАСТЬЕ: *Когда же у них родился еще один сын, Иван* ***был на седьмом небе****. (Шер. Тридесятые сказки)*

Вон цветок… самый что ни есть плохонький, а глядишь на него — ***сердце радуется****. (Бажов. Золотой волос)*

Фразеологические единицы, обозначающие отрицательные эмоции:

ГНЕВ: - *Отойдешь ли ты от меня наконец! - закричал тальяри* ***вне себя*** *от гнева. (Одоевский. Индийская сказка о четырех глухих)*

ЗЛОСТЬ: *— Анька! —* ***кипя от злости****, обернулся он, но замолчал, увидев, как Аня, не моргая, смотрит ему за спину. (Чернецова, Яковлева. Разбитая сказка)*

СТРАХ: *Малыш, дрожа от страха,* ***как осиновый лист*** *на ветру, таращил на Волка свои глазищи. (Шер. Тридесятые сказки)*

За всеми этими хлопотами ушло много времени, и ***на душе*** *у бедного пастуха* ***стало неспокойно****. (Одоевский. Сказки дедушки Иринея)*

В городе началась такая страшная стрельба, что у нас ***душа ушла в пятки****! (Губарев. Королевство кривых зеркал)*

Фразеологические единицы, обозначающие нейтральные эмоции:
РАВНОДУШИЕ*: Товарищи его ищут, с ног сбились, а он катается себе по всему городу и* ***в ус не дует****! (Шварц. Потерянное время)*

Наиболее употребляемыми в тексте литературной сказки являются фразеологические единицы с семантическим компонентом *сердце* и *душа*. Данные лексические единицы ассоциируются с внутренним психическим миром персонажа, отражают его эмоциональное состояние.

- *Синтаксический уровень:*

О. А. Турбина пишет, что «формирование категорий эмотивного синтаксиса связано с вторжением эмоциональности в коммуникативно-когнитивные процессы, вызывающим изменение характера обычных мыслительных операций, сопровождающих развертывание речевой единицы» [Турбина 2013: 6]. Данные изменения приводят к соответствующим изменениям в синтаксической структуре высказывания. О. А. Турбина определяет основные грамматические категории эмотивного синтаксиса:

- Изменение порядка слов;
- Обособление;
- Транспозиция.

По мнению О. А. Турбиной, данные категории могут совмещаться в одном предложении.

В тексте литературной сказки нами отмечены следующие грамматические трансформации, связанные, как правило, с изменением порядка слов и (или) разворачиванием или свертыванием элементов предложения:

редукция: *Он размахнулся, чтобы запустить проклятой бритвой в стекло книжного шкафа.* ***К черту!*** *(Крапивин. Стража Лопухастых островов)*

инверсия: *- Подавись ты моим червяком! - бранился Воробей Воробеич. (Мамин-Сибиряк. Сказка про Воробья Воробеича, Ерша Ершовича и веселого трубочиста.)*

дислокация: ***Без него*** *мне не жить, тётушка Марта! (Благинина. Волшебные часы)*

интеркаляция: *А Вася, что было духу, пустился к котёнку и в одно время с собаками подбежал к нему. (Толстой. Котенок)*

парцелляция: *— А-а-а-ай! — прошелестело по рядам. — Он крадётся! Волк! Волк! Сзади! Беги, беги, поросёнок! (Георгиев. Стрёкот кузнечика)*

парентеза: *Лиза с радостью (но и не без огорчения) подумала, что никто заколку и не заметил. (Егорушкина. Настоящая принцесса и Бродячий Мостик)*

Особую роль в тексте литературной сказки выполняют паузы, которые передают читателю эмоциональные переживания героя:

- Я вру? - орал Воробей Воробеич. - А кто червяка нашел? Я вру!.. Жирный такой червяк! Я его на берегу выкопал... Сколько трудился... Ну, схватил его и тащу домой, в свое гнездо. У меня семейство, - должен я корм носить...(Мамин-Сибиряк. Сказка про Воробья Воробеича, Ерша Ершовича и веселого трубочиста.)

В данном примере наличие большого количества пауз отражает эмоциональное состояние возмущения и гнева героя литературной сказки.

Среди всех средств репрезентаций эмоционального состояния персонажа (фонетических, морфологических, синтаксических и лексических) названия эмоции занимают главное место в тексте литературной сказки, так как наиболее точно и однозначно передают эмоциональное состояние героя. Анализируя состав и количество тех или иных номинативов-эмоций в тексте литературной сказки, мы выделяем следующие пять групп основных эмоции: «испытывать/ проявлять/ доставлять чувство радости», «испытывать/проявлять чувство сострадания», «испытывать/проявлять состояние тревоги, беспокойства, душевного смятения», «испытывать/проявлять чувство привязанности к кому- чему-либо», «испытывать/проявлять состояние удивления».

3.1.Номинация радости в тексте литературной сказки

Радость – положительная эмоция, характеризующаяся, по мнению К. Изарда, переживанием удовлетворенности самим собой и (или) внешним миром.

Чувство радости легко распознаваемо в тексте: оно, как правило, сопровождается смехом или улыбкой. К. Г. Ланге следующим образом отмечает особенности физиологического протекания чувства радости в организме: происходит возбуждение двигательных центров, усиление кровотока в мелких сосудах, что может привести к изменению цвета кожи, к внутренним органам поступает больше кислорода, что улучшает в них обмен веществ. У героев литературной сказки чувство радости сопровождается описанием физиологических и поведенческих характеристик:

ВНЕШНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ: *А тот, до ушей от радости* ***красный****, сидит да на ус мотает и думает: "Какое бы ещё дело сделать, чтобы у бабушки в чести быть?" (Пермяк. Трудовой огонек)*

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ: *Старушка* ***подпрыгнула*** *от радости, схватила Петю за руки и отвечает: - Верно, верно! Я ученица третьего класса Маруся Поспелова. А вы кто такой? (Шварц. Сказка о потерянном времени)*

Вспыхнула спичка, затрещали щепки, загорелись дрова, запрыгало настоящее пламя, и мальчик ***засмеялся*** *от радости. (Шварц. Два брата)*

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ: *Мальчик не ответил ни слова, но* ***сердце*** *его так и* ***стучало от радости****. (Шварц. два брата)*

Валька прямо-таки ***обомлел*** *от радости. (Прокофьева. Остров капитанов)*

С. В. Ионова относит данную лексику, указывающую на причину, результат, косвенный признак эмоции, а также слова, обозначающие способы невербального выражения эмоций, к потенциально эмотивной лексике.

В тексте литературной сказки отмечаются следующие лексемы со значением «испытывать (проявлять)/доставлять радость»:

Номинатив:

радость: *А разве может быть для солдата радость большая, чем бить ненавистного врага, шаг за шагом, пядь за пядью сметать его с родной земли. (Туричин. Крайний случай)*

восторг: *Тут и он не мог удержаться от радости и чуть было не закричал и не захлопал руками, но боясь спугнуть колючего зверька, притаил дыхание и, широко раскрыв счастливые глаза, в восторге смотрел, как тот, фыркая, обнюхивал своим свиным рыльцем корни розового куста, ища между ними червей, и смешно перебирал толстенькими лапами, похожими на медвежьи. (Гаршин. Сказка о жабе и розе)*

веселье: - *Динь-динь-динь! - закричали колокольчики. - Уж нашел у нас веселье! (Одоевский. Городок в табакерке)*

ликование: *Пускай солнце наполняет природу теплом и светом, пускай лучи его вызывают к жизни и ликованию - бедный Коняга знает об нем только одно: что оно прибавляет новую отраву к тем бесчисленным отравам, из которых соткана его жизнь. (Салтыков-Щедрин. Коняга)*

Предикат:

радовать(ся) (обрадовать(с)я, возрадоваться, порадовать(ся)): *Она вся радовалась, вся благоухала, вся одевалась мелкими, яркими желто-зелеными листочками. (Вагнер. Береза)*

Веселить(ся) (взвеселить, повеселить(ся), развеселить(ся)): - *Я служанка красавицы королевы, - чуть слышным от слабости голосом прошептала девушка, - той красавицы королевы, которая танцует и веселится там, в замке. (Чарская. Капризная принцесса)*

Ликовать: *Все ликовали. (Успенский. Вниз по волшебной реке)*

Торжествовать: *А как он будет торжествовать, когда в мгновение ока на темной ладони джинна, возникнув неизвестно откуда, появится злополучный плут и бездельник кот Васька. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

Глагольные конструкции характеризуют процесс «протекания» эмоции у персонажа.

Наречие:

радостно (на радости): - *Вот где житьё-то! - радостно сказал он Чирике. (Бианки. Красная горка)*

весело: *Одна Чернушка, казалось, не чувствовала охоты ко сну: она весело к нему подбежала, захлопала крыльями и опять начала кудахтать. (Погорельский. Черная курица)*

восторженно: *Это Красная Армия скачет! - восторженно крикнул не вытерпевший октябрёнок Карасиков. (Гайдар. Военная тайна)*

Адъектив:

рад (радостный, рада-радешенька (разг.)): *Подумал, подумал старик да и пустил лису. А лиса и рада. (Даль. Лиса-лапотница)*

веселый: *И веселый такой трубочист, - всё песни поет. (Мамин-Сибиряк. Сказка про Воробья Воробеича, Ерша Ершовича и весёлого трубочиста)*

восторженный: *Слон Галилей был восторженный добряк. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

Основной лексемой в тексте литературной сказки, передающей значение «испытывать/ проявлять/ доставлять чувство радости», является *радость (радостный, радовать(ся), радостно)*. В текстах литературной сказки лексема *радость* употребляется не только для выражения эмоционального состояния героя, но и для наименования объекта самого чувства или события:

И я тут с тобой рядышком, на всякий случай, ***моя радость****, моя Нарисованная... - еле слышно промурлыкала Черная Кошка, привалившись к Ласточке теплым мягким боком. (Прокофьева. остров капитанов)*.

Данное обращение в большей степени характерно для литературной сказки конца XX-начала XXI вв.

Лексемы «восторг», «восторгаться» используются для выражения интенсивности эмоции и свидетельствуют о ее градуированности по признаку интенсивности.

Интегрирующее значение «испытывать/проявлять радость» выражают не только отдельные лексемы, но и соответствующие устойчивые выражения:

На радостях *вместе с селедками Сардинка принялась отплясывать на волнах. (Прокофьева. Остров капитанов).*

Таким образом, эмоция радости репрезентируется дифференцированными лексемами в тексте литературной сказки.

3.2.Номинация жалости в тексте литературной сказки

Чувство жалости предполагает наличие как минимум двух субъектов. В подобных субъектно-субъектных отношениях один субъект испытывает боль (душевную или физическую), а другой испытывает душевные муки. Как правило, чувство жалости сопровождается желанием помочь страдающему субъекту. С точки зрения психологии, данное чувство относится к разряду отрицательных, что обусловливается причиненными душевными мучениями. Нами, учитывая специфику исследуемого материала – сказка, одной из функций которой является воспитание, жалость относится к категории положительных эмоции, так как данное чувство помогает воспитать Человека в человеке. Неслучайно в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» среди синонимичных лексем к слову «жалость» обозначены человечный и гуманный.

В тексте литературной сказки отмечаются следующие лексемы с интегрирующим значением «испытывать/проявлять чувство жалости-сострадания»:

предикат:

жалеть (пожалеть): *Он-де тебя пожалел, теперь твой черед его пожалеть. (Бажов. Каменный цветок)*

сочувствовать (посочувствовать): *– Болит, наверно… – посочувствовала она. (Успенский. Вниз по волшебной реке)*

номинатив:

жалость: *Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. (Горький. Горящее сердце)*

сострадание: *Он знал, что молить сеньора Мафиозо Бандитто о сострадании так же бесполезно ну как ему, бедняку, искать у себя в карманах золотую монету. (Прокофьева. Остров капитанов)*

сочувствие: *Он опустил голову и поэтому не заметил, с каким пониманием и сочувствием посмотрел на него волшебник. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

наречие:

жалостно: *Вот идет раз котишко-мурлышко, серый лобишко; идет да таково жалостно плачет. (Ушинский. Плутишка кот)*

жалостливо,

сочувственно: *Катя сочувственно посмотрела на Васю Вертушинкина. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

адъектив:

жалостливый: *Я слишком добр и жалостлив, и мне горько будет думать, что ты бредешь один с ребенком ночью по опасной темной дороге. (Прокофьева. Остров капитанов)*

сострадательный: *Вас сердил этот надоедный тоненький детский голосок, доносившийся со двора, и звяканье медных копеечек, которые кидали бедным детям сытые, праздные и сострадальные люди. (Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки)*

В. С. Мельникова отмечает: «семантика слов *сострадание* и *сочувствие* определяется рационально-оценочным отношением к пассивному субъекту» [Мельникова 2010: 60], тогда как «жалость является непосредственной душевной реакцией на страдание». Она наиболее стихийна и наименее рациональна.

Основной лексемой, передающей чувство жалости, сострадания в тексте литературной сказки является *жалость (жалеть, жалостливый)*. Исторически лексема «жалость» производна от «боли, мучения, страдания». Общеславянский корень *zal восходит к индоевропейскому корню * guel, который означает «колоть, жалить», «боль» [Фасмер 1967 Т. 2. : 35], [Черных 1994 Т.1: 220].

Также чувство жалости выражают соответствующие устойчивые выражения:

- Эх, не учили нас в детстве, вот и тяжко приходится под старость! - произнес один из рабочих таким печальным голосом, что ***сердце*** *бумажного короля* ***сжалось от сострадания****. (Чарская. Три слезинки)*

И такой маленькой и беспомощной показалась она Ивану на огромной пустой, будто вымершей, площади, что он остановился поражённый, и ***сердце*** *его* ***стиснула жалость****. (Туричин. Крайний случай)*

Ну есть у вас хоть ***капля жалости****? (Прокофьева. Остров капитанов)*

Кровью*, бывало, жалостливое старухино* ***сердце обливается****, когда старшенький внук в трескучий мороз дрова пилить собирается. (Пермяк. Трудовой огонек)*

Таким образом, эмоция жалости, широко представленная на лексическом уровне в тексте литературной сказки, ними выделяется как положительная с точки зрения становления личности.

3.3.Номинация страха в тексте литературной сказки

Страх относится к базовым эмоциям. К. Изард предлагает следующее понимание данной эмоции: «страх складывается из определенных и вполне специфичных физиологических изменений, экспрессивного поведения и специфического переживания, проистекающего из ожидания угрозы или опасности» [Изард 2007: 293]. В античные времена для человека было практически невозможным оценить действительные причины возникновения состояния тревоги и беспокойства. Появление страха обусловливалось непониманием и неизвестностью причин происходящих вокруг него событий, именно неумение античных людей определить причинно-следственные отношения в окружающем их мире определяло во многом появление страха. Исследованием природы страха занимались еще античные философы: Эпикур, Платон, Лукреций и Аристотель. Серен Кьеркегор один из первых поставил вопрос в философии о роли эмоции «страха» для человека. По его мнению,

страх – это метафизическое беспокойство, которое возникло вследствие результата рефлексии о бытии. Серен Кьеркегор отмечает важность данной эмоции в развитии человека: «каждый индивид должен пройти через испытания и научиться бояться, чтобы не пострадать при столкновении со страхом из-за того, что он раньше его никогда не испытывал. Человек, который научился «правильно» бояться – научился самому главному в жизни. Если бы человек был ангелом или животным, он не мог испытывать страх. Но поскольку человек – это синтез физического и духовного, то он в состоянии бояться, и чем больше он боится – тем больше он Человек» [Kierkegaard 1958: 103]. П. Тиллих также отмечает положительный аспект данной отрицательной эмоции: страх – есть сила, которая порождает отчаяние, рождающее смелость, которая и одерживает победу над самим страхом.

В тексте литературной сказки страх сопровождается изменениями физиологических и поведенческих характеристик героев:

ВНЕШНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ: - *Господин Фельдмаршал, я клянусь, я клянусь!.. - от страха* ***выстукивая дробь зубами****, воскликнул Фриц - Рыжий лис. (Туричин. Крайний случай)*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ: ***Закричал*** *Фриц - Рыжий лис от ужаса и страха. (Туричин. Крайний случай)*

И он так грозно фыркнул, что Чирика ***вздрогнула*** *от страха. (Бианки. Красная горка)*

ИЗМЕНЕНИЕ ДВИГАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ***Оцепеневший****, было, от страха Евлампий вдруг почувствовал, что стоит на чём-то твёрдом. (Шер. Попался волчок на крючок)*

ИЗМЕНЕНИЕ РАБОТЫ МОЗГА: ***Ошалевший*** *от страха, Волк нырнул головой в сугроб и понял, что влип в неприятную историю: сугроб оказался медвежьей берлогой. (Шер. Тридесятые сказки, или Вот такие пирожки)*

ИЗМЕНЕНИЕ ДЫХАНИЯ: ***Едва дыша от страха****, она ступала по шершавому мху, по жестким корням деревьев, мимо грибов, мимо нор*

неизвестных зверей, мимо спящих муравейников... (Кутерницкий. Приключения птицы курицы)

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ: *Алёше сделалось страшно,* ***сердце в нём сильно затрепетало****, и он* ***упал в обморок****. (Погорельский. Черная курица)*

В тексте литературной сказки отмечаются следующие основные лексемы с интегрирующим значением «испытывать/проявлять/доставлять состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения»:

предикат:

страшить(ся) (устрашить): *Они только о том и думают, как бы туже набить золотом свои мешки да устрашить людей. (Губарев. Королевство кривых зеркал)*

бояться: - *Как люди не хвастаются своей силой, а меня боятся: никто из них ещё не решился пустить стрелу в сторону моих владений. (Панькин. Легенда о матерях)*

ужасать(ся): *"Батюшки! Да ведь это обо мне говорят! Это меня ищут!" - ужаснулся кот Васька. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

трепетать: *Тот самый Царапкин, который на всех прочих уроках качался на стуле, писал вредные записки, тыкал острым карандашом тех, кто сидел перед ним, пулялся жеваной бумагой и вообще бурно проводил время, – даже он трепетал перед Саблезубой. (Егорушкина. Настоящая принцесса и Бродячий Мостик)*

опасаться: *Женить даже его опасался: загубит чужой век, да и в доме содом пойдет. (Бажов. Алмазная спичка)*

испугаться: *Испугался! Руки-ноги затряслись от страха. Шагу сделать не может. (Шер. Тридесятые сказки, или Вот такие пирожки)*

тревожить(ся) (растревожить, потревожить, встревожить(ся)): *Люди очень тревожатся оттого, что нет дождя. (Паустовский. Квакша)*

номинатив:

страх(страшилище): *Грезы и страхи ночные овладеют детской головкой, охватят сердце и мучат всю ночь, вплоть до вторых петухов. (Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки)*

ужас: *Но он справился с своим ужасом, тоже потянулся кверху и -- о, чудо! (Тургенев. Капля жизни)*

Лексема «ужас» выражает высокую степень эмоционального состояния.

опасение: *Она сгребла всю мелочь в горсточку и вытащила ее из кармана. Худшие опасения подтвердились. (Егорушкина. Настоящая принцесса и Бродячий Мостик)*

испуг: *Но вороньё от испуга только металось и жалобно каркало: "Хоть режьте, только стреляйте, а даней нам взять неоткуда!" (Салтыковв-Щедрин. Ворон-челобитчик)*

тревога: *Первый осенний холод, от которого пожелтела трава, привел всех птиц в большую тревогу. (Мамин-Сибиряк. Серая Шейка)*

Зигмунд Фрейд предлагает разграничивать состояние боязни, испуга и страха в зависимости от отношения к опасности: боязнь является ожиданием опасности, испуг предполагает момент неожиданности в наступлении опасности, а страх предполагает определенный объект.

Ю. С. Степанов в книге «Константы: Словарь русской культуры» отмечает на тесную связь в русской культуре лексем «страх» и «страсть» [Степанов 1977: 47]. Этимологический словарь М. Фасмера также подтверждает связь данных слов. В современном русском языке данные лексемы являются омонимами (этимологическая связь потеряна), но в тексте литературной сказки отмечается просторечное употребление лексемы «страсть», означающее «страх, ужас»

Помирать-то одному в избе неохотно, ну, и ползут все на круг. Испитые такие да желтые, страсть смотреть! (Без света. Вагнер)

наречие:

страшно: *К палкам же его присудили и так отхлестали, что смотреть страшно. (Бажов. Малахитовая шкатулка)*

боязно: *За ними следом Марьюшка прибежала. Дрожит, зубами чакает. То ли ей холодно, то ли боязно. (Бажов. Голубая змейка)*

тревожно: *Мальчику без нее было тревожно, плохо. (Губарев. Королевство кривых зеркал)*

испуганно: *У обоих сердце ныло. Оба, широко раскрыв заплаканные глаза, испуганно смотрели в темную, тяжелую даль будущего... (Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки)*

ужасно: *Но мыши! Это ужасно. За что? Откуда? (Прокофьева. Ученик волшебника)*

адъектив:

страшный: *Министр обернулся, и глаза Оли встретились со страшными глазами Нушрока. Она почувствовала, что ее сковывает страх. (Губарев. Королевство кривых зеркал)*

испуганный: *Фельдмаршал схватился за голову и закачался, тихонько повизгивая. Потом вскочил. Нажал на кнопку звонка и звонил до тех пор, пока не прибежал испуганный дежурный офицер. (Туричин. Крайний случай)*

тревожный: *В этот момент его чуткий нос уловил тревожный, можно даже сказать опасный запах. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

ужасный: *От такой ужасной истории у всех на глазах навернулись слезы. (Шер. Тридесятые сказки, или Вот такие пирожки)*

опасный: *А тебе, Александр, я советую остаться дома, ты еще слишком мал, чтобы переносить опасные путешествия, — наставительно произнесла Агнесса. (Ратникова, Богданов. Ящик иллюзиониста)*

боязливый: *Он рос очень боязливым мальчиком. (Туричин. Крайний случай)*

Основной лексемой, выражающей значение «испытывать/проявлять состояние тревоги, беспокойства, душевного смятения» является *страх* (страшный, страшно). Лексемы *ужас* (ужасный, ужасать(ся)), *жуткий* (жутко) употребляются для выражения интенсивности эмоции.

Градуированность эмоционального состояние показывают не только лексемы, но и соответствующее изменение морфемного состава слова:

Там и раньше-то гулять было ***страшновато****, ну а теперь, поди, и вовсе жуть. (Чернецов, Яковлев. Разбитая сказка)*

Также возможны аналитические образования признака интенсивности эмоции в слове:

В лесу подстерегало поросёнка ***самое страшное****! Из-за куста выставил свою лопоухую и нечёсаную голову волк, разинул пасть сначала от удивления — поросёнок в лесу! (Георгиев. Стрёкот кузнечика)*

А то ведь непонятно, кто тебя держит, и от этого - ***самый ужасный ужас****. (Шим. Приключения зайца)*

В данном примере признак интенсивности удваивается с помощью использования лексем *самый* и *ужасный*, которые привносят в текст значение «превышения обычной меры, нормы».

Значение «испытывать/проявлять состояние тревоги, беспокойства, душевного смятения» может быть выражено с помощью фразеологических единиц:

Несколько мгновений – и перед ***оцепеневшей от ужаса*** *Лизой вместо бледного мальчика скрючился отвратительный карлик. (Егорушкина. Настоящая принцесса и Бродячий Мостик)*

Оглядевшись, он ***пришел в ужас*** *-- вокруг себя увидел он множество гадов, самого разнообразного вида, с злыми глазами, страшных и отвратительных. (Тургенев. Капля жизни)*

Они делали это ***дрожа от страха****, но надо же было спасти лучшего своего друга. (Шварц. Два брата)*

Летит Муравьишка на листке, качается – ***чуть жив от страха****. (Бианки. Приключения Муравьишки)*

Малыш, ***дрожа от страха, как осиновый лист*** *на ветру, таращил на Волка свои глазищи. (Шер. Попался волчок на крючок)*

Холодок пробежал *у него* ***по спине****. (Шер. Тридесятые сказки)*

*- А я слыхал: «****Волков бояться, в лес не ходить****»; да еще: «Под лежачий камень вода не потечет». По мне, надо идти. (Толстой. Два брата)*

Таким образом, эмоция страха одна из основных в текстах литературной сказки. Вероятно, это может быть связано с родством авторской сказки и фольклора, который, в свою очередь, имеет отношение к архетипичным мифам.

3.4.Номинация любви в тексте литературной сказки

По утверждению П. В. Симонова, любовь представляет собой некую разновидность потребности, которая возникла под влиянием социальной среды, этики и мировоззрения того или иного общества. В зависимости от обстоятельств окружающей действительности любовь может вызвать целый ряд эмоций: радость, восторг, обиду, ревность, печаль, негодование. Любовь является очень сильным чувством, способным даже вызвать к жизни, как отмечает Лоренц (1994), противоположное чувство – ненависть. Андрес Нигрен в своей работе «Эрос и агапэ. Изменение образа христианской любви» заостряет внимание на противоположном понимании любви в христианстве (агапэ) и античности (эрос): «одна - это любовь к Богу, доведенная до презрения к себе, другая - любовь к себе, доведенная до презрения к Богу». Важно понимать в связи с этим место объекта любви в ценностной иерархии. Именно он определяет возвышенность или низменность данного чувства. Соответственно, мы посчитали необходимым для литературной сказки выделить характерные виды привязанности в зависимости от объекта.

1. «Испытывать чувство привязанности к персонажу противоположного пола»:

любить(полюбить): *"Как, как могла прекрасная Царевна полюбить горбато-то Карлу?" -- спросит, или не спросит, читатель. (Карамзин. Прекрасная царевна…)*

2. «Испытывать родственное чувство привязанности к персонажу»:

любить(возлюбить): *У сего народа жил и был рода китайских Уанов, именем Тао-ау, царь умный и добродетельный человек, который подданных своих любил, как отец детей любит: он излишними податями не отягощал никого,*

и при всяком случае людей сберегал, колико мог. (Екатерина II. Аллегорические сказки)

нравиться: *— А мне не надо нового царя! — вдруг заявил боярин Чубаров. — Мне старый больше нравится! (Успенский. Вниз по волшебной реке)*

любимый (излюбленный): *Мне нужен Иван, который украл моего любимого адъютанта! (Туричин. Крайний случай)*

3. «Испытывать чувство привязанности к объектам природного мира»:

любить: *Он очень любил свой цветник (это был его цветник, потому что, кроме него, почти никто не ходил в это заброшенное местечко) и, придя в него, садился на солнышке, на старую деревянную скамейку, стоявшую на сухой песчаной дорожке, уцелевшей около самого дома, потому что по ней ходили закрывать ставни, и начинал читать принесенную с собой книжку. (Гаршин. Сказка о жабе и розе)*

любимый (излюбленный): *Когда же однажды нечаянно увидел он в кухне одного хорошенького, очень любимого им петушка, повешенного за ноги с перерезанным горлом, то возымел он к ней ужас и отвращение. (Погорельский. Черная курица)*

4. «Испытывать чувство привязанности к вещам»:

любимый: *Но добравшись до школы, Лиза, осмелела настолько, что в гардеробе, сняв любимую деревянную заколку с двумя котами, вытащила из кармана куртки ослепительного гномского махаона и отважно заколола им хвостик. (Егорушкина. Настоящая принцесса и Бродячий мостик)*

любить(слюбиться): *Серёжик наизусть знал книжку про енота-богатыря. Вот кто был и большим, и храбрым! На каждой странице он спасал всех без разбора, размахивая мечом! Вжик-вжик! Мама тоже любила такие книжки. (Ракитина. Сережик)*

нравиться: *–Ой, как мне нравится этот кувшинчик. (Катаев. Дудочка и кувшинчик)*

Значение «испытывать/проявлять чувство привязанности к кому- чему-либо» может быть выражено фразеологическими единицами:

Правда, под туманным покрывалом не видно было ее лица; но по гибкому ее стану, по ее грациозным движениям и стройной поступи разве слепой один мог бы не узнать на его месте, что эта девица была та самая Музыка Солнца, которая так ***пленила его сердце****. (Киреевский. Опал)*

Наша ***по вкусу*** *вода; а платы не требуем: воду Создал господь для всех на потребу, как воздух и солнце. (Жуковский. Война мышей и лягушек)*

Таким образом, эмоция (чувство) любви широко представлена на лексическом уровне в тексте литературной сказки.

3.5.Номинация удивления в тексте литературной сказки

Удивление – это эмоция, вызванная резким изменением ситуации. Как отмечает К. Изард, «удивление нельзя назвать эмоцией в собственном смысле этого слова, ибо оно не обладает тем набором характеристик, которые присущи таким базовым эмоциям, как радость или печаль» [Изард 1980: 138]. При этом исследователь включил удивление в 10 базовых эмоций. Удивление занимает промежуточное положение между положительными и отрицательными эмоциями и представляет собой кратковременное переживание (состояние), которое наступает неожиданно и быстро проходит. О роли эмоции удивления в жизни человека писал еще Платон и Аристотель. Аристотель отмечал, что именно удивление привело людей к философствованию: «они удивились прежде всего тому поразительному, что открывается им, затем они шли постепенно дальше и спрашивали об изменениях луны, солнца, небесных светил и возникновении всего. <…> Удивление настойчиво требует познания. В удивлении я осознаю свое неведение. Я ищу знания, но ради самого знания, а не «ради какой-то общей потребности»» [Аристотель 1984: 342].

Как показывает наше исследование, в сказках одно из главных мест занимает эмоция *удивления*. На наш взгляд, это можно связать с фольклорной природой литературной сказки. Так как жанр соотносится с мифологической картиной мира, преобладавшей в эпоху возникновения человеческой

культуры, когда не было накоплено достаточного количества знаний и опыта для построения рациональных теорий, да и сама рациональность играла малую роль в системе восприятия людей, можно сказать, что всё окружавшее человека было диковинным и непонятным, поэтому вызывало удивление. Это удивление подвигало людей к созданию универсальных концепций бытия, которые могут казаться современному человеку неправдоподобными, но в свое время они прекрасно справлялись с поставленной задачей и помогали человечеству взаимодействовать с окружающей действительностью, творя вторую природу, цивилизацию. Такое раннее состояние перманентного удивления, на наш взгляд, и отражено в исследованных нами сказках, персонажей которых, находящихся под воздействием удивления, легко узнать по психофизиологическим изменениям:

Внешние изменения:

РОТ: *Бабушка вдруг опустила глаза и втянула голову в плечи, а Лиза, увидев это, с усилием закрыла* ***разинутый от изумления рот****. (Егорушкина. Настоящая принцесса и Бродячий Мостик)*

ГЛАЗА: *Олины* ***глаза*** *от изумления* ***расширились****. - Ты в своем уме? Это же... книга. Картинка такая маленькая. (Губарев. Королевство кривых зеркал)*

Физиологические изменения:

Только, пожалуйста, очень вас прошу, не вскрикивайте и не делайте удивленное лицо... Да, я - волшебник! У Вальки даже ***дыхание перехватило****. (Прокофьева. Остров капитанов)*

Изменения двигательной активности:

Из стволов браконьерских ружей, как салют, вылетали яркие разноцветные лепестки луговых цветов! Браконьеры просто ***оцепенели.***

— Больше никогда в жизни не возьму в руки ружье! — придя в себя, поклялся Мукотя. (Тридесятые сказки, или Вот такие пирожки)

Нарушение ориентации:

- Не прибегнуть ли нам к помощи моего джинна?

- Джинна?! - переспросил Валька. Он просто ***не поверил своим ушам****. (Прокофьева. Остров капитанов)*

Вася Вертушинкин ***вне себя от изумления*** *уставился на волшебника Алешу. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

В тексте литературной сказки отмечаются следующие лексемы с интегрирующим значением «испытывать/проявлять/доставлять состояние удивления»:

номинатив:

удивление: *И когда все успокоились немного и вошли в дом, Старший взглянул на отца и ахнул от удивления. (Шварц. Два брата)*

изумление: *— Крута-а-я тачка! — только и смогла вымолвить в изумлении Лиса. (Шер. Попался волчок на крючок)*

предикат:

удивлять(ся) (дивиться): *Но чем дальше он отходил от деревни, тем больше удивлялся. (Успенский. Вниз по волшебной реке)*

наречие:

изумленно: *Опешившая от такой наглости Лиса изумлённо подняла голову и кричит Волку вдогонку: — Эй! Кум-куманёк, далеко ли путь держишь? (Попался волчок на крючок)*

удивленно: *Он взглянул на нее удивленно. - Вы, девочки, наверно, чужестранки? (Губарев. Королевство кривых зеркал)*

адъектив:

изумленный: *Тут старик подошёл к изумлённому Ивашке, погладил его по голове; Ивашка почувствовал, что тяжёлая ладонь старика вздрагивает. (Гайдар. Горячий камень)*

удивленный: *— Здравствуйте! — пискнул человечек. — Меня зовут Фитюлька. А вас как?*

— А меня Витя, — ответил удивленный мальчик. (Берестов. Витя, Фитюлька и Ластик)

Наиболее употребляемой в текстах литературной сказки является лексема *удивление* (удивляться, удивленный). Эмоциональное состояние удивления градуируется по признаку «интенсивность»:

Изумлению путешественников ***не было предела****. (Ратникова, Богданов. Ящик иллюзиониста)*

Самое *удивительное, что все сделанные ребятами корабли, со всех концов света держащие курс на остров Капитанов, переплывали ее, даже не заметив, даже не почувствовав легчайшего толчка. (Прокофьева. Остров капитанов)*

Значение «испытывать/проявлять состояние удивления» может быть выражено в тексте фразеологическими единицами:

Всматриваясь внимательнее, он, ***к удивлению своему****, увидел, что дикие эти звери были не что иное, как большие крысы, кроты, хорьки и подобные им звери, живущие в земле и под полами.(Погорельский. Черная курица)*

Но на этот раз джинн вел себя ***на удивление*** *тихо и примерно. (Прокофьева. Ученик волшебника)*

Таким образом, эмоция удивления, широко представленная в тексте литературной сказки, входит в число основных эмоций, выраженных в авторских сказках. На наш взгляд, это связано с представленными в сказке фантастическими и сказочными элементами и героями, которые и должны вызывать у читателя эмоцию *удивления*.

Анализируя частеречный состав рассматриваемых эмоциональных переживаний, мы приходим к выводу, что основными репрезентантами эмоций в тексте литературной сказки являются номинативы (30%), предикаты (37,5%) и адъективы (25,5%). Характерной особенностью глаголов является их способность реализовывать в слове не только саму эмоцию, но и передавать переживания персонажа, вызванные реалиями сказочного пространства. Также преобладающая роль глаголов при передаче эмоционального состояния героя в тексте литературной сказки может объясняться «динамичностью» глагола, его возможностью описывать процесс становления, развития и

завершения эмоции с помощью использованию дифференциальных аффиксов (*загрустить-грустить*), определять длительность протекания (*радовалась-порадовалась*), интенсивность (*любить-нравиться*) той или иной эмоции у персонажа.

3.6.Аксиологическая и эмоциональная эволюция русской литературной сказки

Необходимо подчеркнуть, что читателем литературных сказок является ребенок, у которого низкий уровень эмоциональной компетентности, соответственно, в текстах литературной сказки присутствует большое количество лингвистических средств, которые не только репрезентируют категорию эмотивности в литературной сказке, но и объясняют причины возникновения и условия протекания эмоциональных состояний героев. В основе нашей классификации лежат рассмотренные соотношения 5 выделенных основных видов эмоций и особенности употребленных оценочных единиц. Но для литературной сказки важно рассмотреть не только основные эмоции, но и причины их возникновения. В этой связи мы считаем необходимым сопоставить имеющуюся лексику, выражающую различные эмоции, с психологической классификацией выражаемых эмоций, ввиду мнения о психике как условии эмоций. Мы считаем, что существует связь лексики, выражающей ту или иную эмоцию, именно с психическими процессами индивида. Раз порожденная, лексическая единица, обозначающая конкретное переживание, может служить для отсылки к эмоции при обращении пишущего или читающего к этой лексеме в тексте. Именно поле общего языка позволяет людям сопереживать друг другу и понимать переживания другого.

Мы рассмотрели различные классификации эмоций в психологии, для наших целей наиболее подходящей считаем классификацию С. Л. Рубинштейна, который отмечает: «То, что радует человека, что его интересует, повергает в уныние, волнует, что представляется ему смешным,

более всего характеризует его сущность, его характер, индивидуальность» [Рубинштейн Т. II 1989: 147]. Следовательно, все перечисленное исследователем может считаться отражением человеческой личности, и мы берем это за основу отражения личности персонажей (и автора) в тексте литературной сказки, ввиду антропологизма любого литературного произведения. В связи со специфическим кругом читателей (дети) литературных сказок мы считаем, что лексика, означающая эмоции, непосредственно влияет на отношение ребенка к происходящему в книге, следовательно, влияет и на становление личности читающего, так как у детей еще нет четкого различения жизни и вымысла.

Итак, из чего исходил Л. С. Рубинштейн при создании своей классификации? Основная функция эмоций заключается в том, что «в эмоциональных процессах устанавливается связь, взаимоотношение между ходом событий, совершающимся в соответствии или в разрез с потребностями индивида, ходом его деятельности, направленной на удовлетворение этих потребностей, — с одной стороны, и течением внутренних органических процессов, захватывающих основные витальные функции, от которых зависит жизнь организма в, целом, — с другой; в результате индивид «настраивается» для соответствующего действия или противодействия» [Рубинштейн 2002: 514]. Таким образом, во главу угла ставится взаимодействие или противодействие протекающих процессов потребностям индивида.

С. Л. Рубинштейн выделял следующие три класса в зависимости от потребностей индивида: «органическую (аффективно-эмоциональную) чувствительность, предметные чувства и обобщенные мировоззренческие чувства». К первым относятся элементарные удовольствия и неудовольствия, которые главным образом связаны с удовлетворением биологических потребностей. Вторые связаны с обладанием определенными предметами и занятиями отдельными видами деятельности. Третьи отражают связь с моралью и отношениями человека к миру, людям, социальным событиям, нравственным категориям и ценностям.

Вслед за С. Л. Рубинштейном мы разделили лексику, означающую эмоции, на подобные три класса. Важно заметить, что при данном подходе невозможно рассматривать лексему без контекста для отнесения её к тому или иному классу.

В связи с тем, что лексем, означающих эмоции, в нашем материале огромное множество, а многие из них встречаются достаточно редко, то для выявления закономерностей употребления тех или иных единиц, мы посчитали нужным изучение лишь наиболее часто употребляемых в текстах различных эпох лексем: *радость, жалость, любовь, удивление, страх* (и их частеречные варианты).

В первый класс мы включили лексику, отражающую примитивные эмоции. Этот класс наиболее близок к процессам, наблюдаемым у животных. Страх перед неизвестным, инстинктивное отношение к миру, неуправляемый аффективный гнев и подобные этим эмоции включены в данный раздел.

Сердце мое не знает страха, и не дрожало оно в минуты смертной опасности. (Дикий бог. Сологуб)

Во второй класс входит лексика, связанная с эмоциями, сопровождающими человеческую деятельность, труд, совместные действия по достижению благ, удовольствие от обладания благами, даже положительное отношение к другому человеку, если он воспринимается как средство или инструмент. Это так называемый «предметный» класс.

Бесенята дождика не любят, потому что они и не пьют. (Ремизов. Посолонь)

В третий класс включены лексемы, связанные с миром абстрактных идей, часто генерируемых высшей мыслительной деятельностью и бытием человека в поле культуры. Отличительной чертой данного класса можно считать неочевидную практическую или биологическую необходимость задействованных процессов для биологического существования или материального обогащения человека, проще говоря, некоторую избыточность данного класса. Здесь мы можем встретить различные абстрактные понятия. В

данный класс включено, например, положительное отношение к другому человеку, если в нем заключается цель, то есть любовь к ближнему не для удовлетворения собственных потребностей, но любовь к человеку только потому, что он человек. В данном случае можно привести слова И. Канта: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству в своём лице и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [Кант 1965: 260]. Это так называемый «высший» класс.

И из старцев многие, любящие своих детей более, чем бы надлежало любить бога, присоединились к нему, — и постройка чертога для того, чтобы бог жил в нем и не пожирал по воле юношей и дев, а довольствовался тем, что ему дадут люди, — эта нечестивая постройка была решена. (Дикий бог. Сологуб)

Данная классификация представляет собой своего роду пирамиду (подобную пирамиде потребностей). Класс более высокого порядка не отменяет существования классов более низкого. В той или иной ситуации человеческое Я соотносится с разными пластами собственного развития, если они выработались. Истинно человеческим мы можем считать высший класс именно из-за его неочевидной необходимости, исключительности, ведь определить что-либо мы можем, сказав, чем оно не является, а человечность не является животностью. Коротко говоря, первый класс и некоторые зачатки второго мы можем наблюдать и у животных, а третий класс является исключительным, неповторяемым более нигде, кроме поля человеческого бытия. Следовательно, на наш взгляд, важно, чтобы сказка культивировала именно этот класс.

Учитывая все три рассматриваемых класса, нами выявлены следующие эмотивно-оценочные периоды литературной сказки:

I. Литературная сказка конца XVIII века

(авторы: ЕкатеринаII, Н. Карамзин, И. Крылов, В. А. Левшин)

В данный период происходит «зарождение» идеи детства в отечественной мысли, без которой были бы невозможны последующие разные

детские издания. Просветительская деятельность Н. И. Новикова и издаваемый им первый детский журнал «Детское чтение *для сердца и разума*» (1785-1789) вместе с назидательными сказками Екатерины II способствовали воспитанию детей того времени и, соответственно, позволяют говорить о новом, другом, отношении к ребенку. Знаменательным является и название журнала, в котором на первом месте стоит эмоциональная сфера ребенка, а на втором – рациональная. Литературные сказки в данный период только начинают зарождаться. И писатели совершенно не учитывали жанровую первооснову сказки.

Соотношение эмотивных лексем в данный период представлено следующим образом: радость – 14,6%, жалость – 17,2%, любовь – 49%, удивление – 12,6%, страх – 6,6%. В данный период значительно преобладают варианты лексемы *любовь, любить* и их фразеологические аналоги и, соответственно, означаемые ими эмоции.

Рис. 1. Употребление основных эмотивных лексем в тексте литературной сказки конца XVIII века

Оценочные единицы:

Общая оценка (19,7%): положительное значение: 14,8%

отрицательное значение: 4,9%

Частная оценка (80,3%):

Этическая оценка (30,6%): положительное значение: 25,4%

отрицательное значение: 5,2%

Психологическая оценка (19,9%): положительное значение: 19,7%

отрицательное значение: 0,2%

Эстетическая оценка (17,3%): положительное значение: 16,5%

отрицательное значение: 0,8%

Праксеологическая оценка (5,8%): положительное значение: 4,8%
отрицательное значение: 1,0%

Сенсорно-вкусовая оценка (5,4%): положительное значение: 4,8%
отрицательное значение: 0,6%

Нормативная оценка (1,3%): положительное значение: 1,2%
отрицательное значение: 0,1%

Эмотивные лексемы, с точки зрения порождения, распределяются в данную эпоху следующим образом: первый класс – 16,3%, второй класс – 14,2%, третий класс – 69,5%.

Рис.2. Классы эмотивных лексем с точки зрения их порождения в текстах литературной сказки XVIIIвека

Таким образом, в данный период значительно преобладают «высшие» причины возникновения эмоций, что, безусловно, развивает личность мыслящую.

II. Литературная сказка XIX века.

(авторы: Н. П. Вагнер, Н. Г. Гарин-Михайловский, В. Гаршин, В. И. Даль, В. А. Жуковский, И. В. Киреевский, М. Ю. Лермонтов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, М. Л. Михайлов, В. Ф. Одоевский, А. А. Погорельский, М. Е. Салтыков-Щедрин, О. М. Сомов, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, К. Д. Ушинский, П. П. Ершов и др.)

Следует отметить, что в начале XIX века слово «сказка» все еще имело несколько отличное от современного значение. В «Толковом словаре» В.И. Даля дается следующее объяснение: «Сказка, вымышленный рассказ, небывалая и даже несбыточная повесть, сказание. Есть сказки богатырские, житейские, балагурные и прочие» [Даль 1955: 190]. Интересна позиция В. Г.

Белинского в 30-е гг: обращаясь к современным писателям, он призывал их создавать сказки как можно точнее под диктовку народа, а «не подновлять и переделывать». Многие писатели данного периода, в том числе и романтики, ощущали острую необходимость сохранить словесные сокровища народа, а для этого необходимо было собирать и записывать фольклор. И подобное «консервирование» народного творчества еще больше углубляло взаимодействие фольклора и литературы. И дало толчок, по мнению А. М. Дундуковой, к появлению и развитию жанра «русская литературная сказка». В данный период появляются сказки А. С. Пушкина, которые многие исследователи считают отправной точкой литературных сказок. Насколько до этого незначительной была сказка, указывает тот факт, что в «Разделении на роды и виды» В. Г. Белинского она не была даже упомянута. Таким образом, благодаря А. С. Пушкину и его последователям (В. Далю, П. Ершову, В. Одоевскому, А. Погорельскому) сказка все-таки приобретает свою самостоятельность в литературе и обоснованность в жанровой независимости. Т. Г. Леоновой отмечается основная тенденция послепушкинских сказок XIX века: создание сказок в народном (например, сказки П. П. Ершова) и создание сказок в пародийно-фольклорном стиле (например, сказки П. А. Катенина). В этот период появляется жанр познавательно-дидактической литературной сказки, к которой обращаются В. Ф. Одоевский, К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой.

В данный период примерно одинаковое доминирующее положение в тексте занимают все рассматриваемые лексемы и, соответственно, обозначаемые ими эмоции. Незначительное преобладание отмечено у лексемы *любовь*.

Соотношение лексем в данный период представлено следующим образом: страх – 17,5 %, удивление – 18,4%, радость – 19,5%, жалость – 19,5%, любовь – 25,1%.

Рис.3. Употребление основных эмотивных лексем в тексте литературной сказки XIX века.

Оценочные единицы:

Общая оценка (27,6%): положительное значение: 23,1%

отрицательное значение: 4,5%

Частная оценка (72,4%):

Этическая оценка (32,3%): положительное значение: 22%

отрицательное значение:10,3%

Психологическая оценка (21,1%): положительное значение: 17,7%

отрицательное значение: 3,4%

Эстетическая оценка (8,4%): положительное значение: 3,9%

отрицательное значение: 4,5%

Сенсорно-вкусовая оценка (5%): положительное значение: 4,3%

отрицательное значение: 0,7%

Праксеологическая оценка (3,4%): положительное значение: 2,6%

отрицательное значение: 0,8%

Нормативная оценка (2,2%): положительное значение:1,9%

отрицательное значение: 0,3%

Эмотивные лексемы, с точки зрения порождения, распределяются в данную эпоху следующим образом: первый класс – 22,7%, второй класс – 32,5%, третий класс – 44,8%.

Рис. 4. Классы эмотивных лексем с точки зрения их порождения в тексте литературной сказки XIX века

Таким образом, в данный период начинает происходить стирание четких границ между вторым и третьим классом.

III. Литературная сказка конца XIX – начала XX века

(авторы: А. В. Амфитеатров, Л. Н. Андреев, З. Н. Гиппиус, А. М. Ремизов, Н. Рерих, Ф. К. Сологуб, Л. Чарская, М. К. Кузьмин и др.)

Данная эпоха проявляет особый интерес к проблеме Эроса и Танатоса. «Тема Эроса в культуре Серебряного века стала практически культовой, ее популярность можно было сравнить с религиозными и социально-политическими вопросами рубежа XIX-XX столетий» [Джежер 2010: 66]. Что подтверждается направлением русской философской мысли того времени (Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, И. А. Ильин, С. Н. Булгаков и др.). В этот период также проявляется интерес русских писателей, творцов литературной сказки и к мифологии и мифотворчеству. В сказках данного периода присутствует ощущение рубежа, своеобразной конечности, чувство хрупкости ценностей, неоромантическая эстетика некой тайны и какого-то чуда. Как отмечают авторы, литературную сказку данного периода обусловливают «...притягательностью эстетики чуда и тайны, свойственной этому жанру, возможностью создать свой миф, проявить изощренность мысли и фантазии» [Сказка серебряного века: 1994, 11].

Возможно именно этим можно объяснить смену доминантных эмотивных единиц: общее соотношение лексем в данный период представлено следующим образом: удивление – 10,7%, жалость – 11,9%, радость – 25,7%,

любовь – 25,7%, страх – 26 % .В данный период примерно в равном соотношении представлены следующие три лексемы: *любовь, страх, радость*.

Рис. 5. Употребление основных лексем в тексте литературной сказки конца XIX – начала XX века.

Оценочные единицы:

Общая оценка (23,5%): положительное значение: 20,3%

отрицательное значение: 3,2%

Частная оценка (76,5%):

Психологическая оценка (29,4%): положительное значение: 24,6%

отрицательное значение: 4,8%

Этическая оценка (19%): положительное значение: 10,9%

отрицательное значение: 8,1%

Эстетическая оценка (16,7%): положительное значение: 8,5%

отрицательное значение: 8,2%

Сенсорно-вкусовая оценка (7,1%): положительное значение: 6,6%

отрицательное значение: 0,5%

Праксеологическая оценка (2,3%): положительное значение: 1,5%

отрицательное значение: 0,8%

Нормативная оценка (2,0%): положительное значение: 1,7%

отрицательное значение: 0,3%

Эмотивные лексемы, с точки зрения порождения, распределяются в данную эпоху следующим образом: первый класс – 36,9%, второй класс – 14%, третий класс – 49,1%.

Рис.6. Классы эмотивных лексем с точки зрения их порождения в тексте литературной сказки конца XIX – начала XX века.

В данный период продолжается стирание границ между вторым и третьим классом.

IV. Литературная сказка XX века

(авторы: П. П. Бажов, В. Д. Берестов, В. В. Бианки, Е. А. Благинина, А. Гайдар, М. Горький, Н. М. Грибачев, В. Губарев, Б. Заходер, В. П. Катаев, Э. Киселева, В. П. Крапивин, С. Я. Маршак, С. Могилевская, Н. Носов, В. Осеева, Н. М. Павлова, А. И. Пантелеев, И. Ф. Панькин, К. Г. Паустовский, Е. Пермяк, С. Писахов, А. П. Платонов, Г. Скребицкий, В. Сутеев, Н. Д. Телешов, И. Туричин, Э. Успенский, О. Форш, Е. Л. Шварц, Э. Шим и др.)

С 20-гг XX века начинается новый этап авторской сказки. В XX веке происходит расширение направлений литературной сказки. В данный период особую роль в научном и педагогическом осмыслении литературной сказки сыграли работы С. Я. Маршака и К. И. Чуковского. С 30-х годов появляются новые жанры: повесть-сказка, роман-сказка. С середины XX века отмечается синтез литературной сказки с жанром фантастики. Именно в XX веке появляются «сказки культуры» (произведения, построенного на воспроизведении литературно-сказочной традиции, например, Е. Шварц «Тень») и «сказки-жизни» (Ю. Олеша «Три Толстяка»). М. Н. Липовецкий пишет: «Сказка в мире «Трех толстяков» оказывается более реальной и более жизнеспособной, чем убогая реальность существования пошлой массы горожан. Это центральная художественная идея, воплощенная в хронотопе романа-сказки, и возникает она на пересечении игрового мироощущения,

идущего от карнавально-циркового ряда, и поэмной бинарности, связанной с романтической традицией» [Липовецкий 1992: 96]. Липовецкии М. Н. отмечает тесный контакт подобных сказок с современной действительностью. К 90-е гг XX века изменчивый жанр литературной сказки доказал свою способность трансформироваться и развиваться по совершенно разным направлениям. Так в нашей культуре имеются познавательные, учебные, религиозные, семейно-бытовые сказки.

В данный период в тексте литературной сказки преобладает лексема *радость,* примерно в равном соотношении представлены следующие группы лексем: *любовь* и *удивление*, *страх* и *жалость.*

Общее соотношение лексем в данный период представлено следующим образом: жалость – 12,3%, страх – 12,3%, удивление – 20,3%, любовь – 22,5%, радость – 32,6%.

Рис. 7. Употребление основных лексем в тексте литературной сказки XX века.

<u>*Оценочные единицы:*</u>

<u>Общая оценка (24,9%):</u> положительное значение: 20,3%

отрицательное значение: 4,6%

<u>Частная оценка (75,1%):</u>

Психологическая оценка (25,4%): положительное значение: 19,6%

отрицательное значение: 5,8%

Этическая оценка (22,3%): положительное значение: 14,4%

отрицательное значение: 7,9%

Эстетическая оценка (11,0%): положительное значение: 5,4%
отрицательное значение: 5,6%
Нормативная оценка (6,6%): положительное значение: 6,3%
отрицательное значение: 0,3%
Сенсорно-вкусовая оценка (5,4%): положительное значение: 4,7%
отрицательное значение: 0,7%
Праксеологическая оценка (4,4%): положительное значение: 3,3%
отрицательное значение: 1,1%

Эмотивные лексемы, с точки зрения порождения, распределяются в данную эпоху следующим образом: первый класс – 20,8%, второй класс – 42,3%, третий класс – 36,9%.

Рис.8. Классы эмотивных лексем с точки зрения их порождения в тексте литературной сказки XX века.

В данный период происходит перераспределение: основным становится предметное восприятие мира.

V. Литературная сказка конца XX – начала XXI вв.

(авторы: С. Георгиев, Н. Голь, А. Егорушкина, А. Иванов, А. Д. Кутерницкий, С. Л. Прокофьева, Е. Ракитина, Т. Ратникова, В. Богданов, Т. Кудрявина, А. Усачев, А. Шер, Ю. Чернецов)

В данный период литературная сказка стремится к своему обновлению за счет соединения с другими жанрами (как это было и в XX веке). Как отмечает С. А. Маслова, «постсоветская детская литературная сказка отказывается от морализаторства, характерного для прежней эпохи. Меняется отношение к

недостаткам героя-ребенка» [Маслова 2014: 20]. За ребенком теперь признается право быть таким, каков он есть, теперь можно отличаться от взрослого.

В данный период в тексте литературной сказки незначительно преобладает лексема *радость,* примерно в равном соотношении представлены лексемы: *любовь* и *страх.*

Общее соотношение лексем в данный период представлено следующим образом: жалость – 5,8%, любовь – 13,5%, страх – 16%, удивление – 29,5%, радость – 35, 2%.

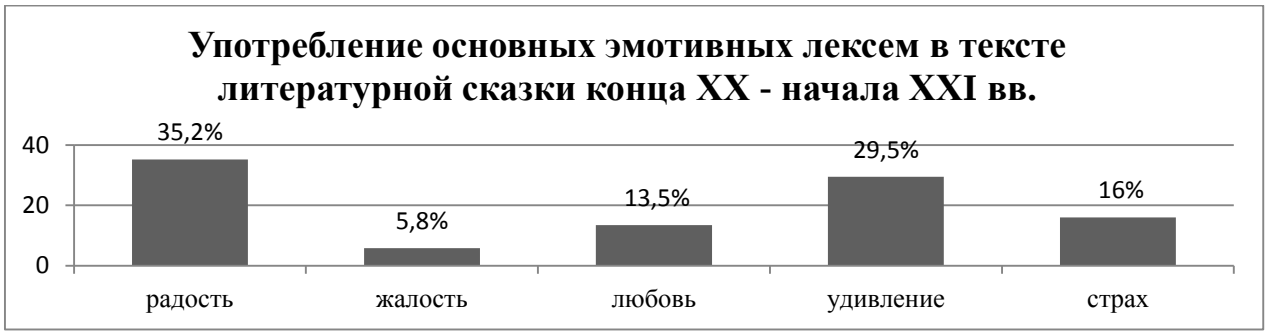

Рис. 9. Употребление основных лексем в тексте литературной сказки конца XX – начала XXI веков

Оценочные единицы:

Общая оценка (23,4%): положительное значение: 19,0%

отрицательное значение: 4,4%

Частная оценка (76,6%):

Психологическая оценка (25,5%): положительное значение: 19,1%

отрицательное значение: 6,4%

Этическая оценка (22,2%): положительное значение: 17,3%

отрицательное значение: 4,9%

Сенсорно-вкусовая оценка (10,4%): положительное значение: 8,9%

отрицательное значение: 1,5%

Эстетическая оценка (10,1%): положительное значение: 6,5%

отрицательное значение: 3,6%

Нормативная оценка (4,6%): положительное значение: 4,2%

отрицательное значение: 0,4%

Праксеологическая оценка (3,8%): положительное значение: 2,5%

отрицательное значение: 1,3%

Эмотивные лексемы, с точки зрения порождения, распределяются в данную эпоху следующим образом: первый класс – 15,4%, второй класс – 66,3%, третий класс – 18,3%.

Рис. 10. Классы эмотивных лексем с точки зрения их порождения в тексте литературной сказки конца XX – начала XXI веков

В данный период предметное мировосприятие становится основным, заметно «лидируя». Это, к сожалению, ведет к воспитанию личности «предметной», вещной, способной видеть некую ценность не в высоких идеях, а в предметном отношении к окружающему миру и другим людям.

Следует учитывать, что текст каждого автора индивидуален, мы попытались представить усредненную эмоциональную и оценочную характеристику того или иного периода.

В нашей работе представлены статистические данные по оценочной и эмотивной лексике, употреблявшейся в литературных сказках различных периодов. Далее мы обобщили полученные результаты, получив некую интегральную характеристику эпох, рассматриваемых через призму оценок и эмоций в языке сказок. Следовательно, мы можем предположить некоторую общность в рамках выделяемых нами периодов. Наше исследование демонстрирует картину ценностной и эмоциональной характеристик сказок в представленные эпохи и может служить дополнением к иным социальным, историческим или культурологическим исследованиям.

Итак, согласно приведенным нами данным, вторая половина XVIII века характеризуется значительным вниманием к понятию «любовь», к этической оценке происходящего, преобладающее значение имеют эмоции, относящиеся к сфере идеалов и разума, что вполне соответствует культурологическим представлениям о данной эпохе, называемой веком разума и просвещения, где по расхожим представлениям повышенное внимание было направлено на вопросы этики.

В сказках XIX века не наблюдается явного преобладания какой-либо одной лексемы, внимание авторов к различным понятиям распределено равномерно. Усложняется в сказках XIX века и оценочная картина, в которой нет явного преобладания какой-то одной категории оценок, а доминируют этическая, эстетическая и психологическая. Эмоции, относящиеся к сфере идеалов и разума, преобладают, но в отличие от XVIII века они составляют уже менее половины всего эмоционального поля. Усложнение картины мира могло повлиять и на усложнение оценочных и эмоциональных составляющих сказок, что весьма характерно для XIX века, в котором усиливается внимание к внутреннему миру человека, а произведениям искусства присущ психологизм и диалектизм.

В сказках конца XIX века - начала XX выделяются три лексемы из наиболее употребляемых: любовь, страх и радость. Как продолжение тенденций всего XIX века, преобладать в данный период начинает психологическая оценка, что подтверждается и каноничным взглядом литературоведения на данный период. Набирают силу хтонические эмоции, отнесенные нами к первому классу, но разум и идеалы не сдают своих позиций, нивелируется практицизм и материализм, что находит отражение в преобладающих философских идеях данного периода, которому присуще иррациональное и идеалистическое начала.

В литературных сказках XX века преобладает лексема радость, что может служить иллюстрацией гедонизма и развлекательного характера культуры выделенной нами эпохи. Как продолжение традиций литературной

сказки предыдущих эпох, в данный период преобладают эстетическая, этическая и психологическая оценки. Характерной чертой эпохи становится практицизм, пронизывающий все сферы жизни человека, что и отражается в явном преобладании второго класса эмоций, порожденных практической деятельностью, отношением ко всему окружающему как к вещам или орудиям труда, что может быть соотнесено с социальными потрясениями двадцатого века, где человек становится объектом тоталитарных экспериментов, будь то коммунизм, нацизм или капитализм.

В сказках конца XX - начала XXI вв. к лексеме «радость» добавилась лексема «удивление», что может быть отражением мировосприятия новой, информационной цивилизации, пришедшей на смену индустриальной. В нескончаемых потоках информации теперь важно захватить внимание, быстро и кратко обозначить суть высказывания, что и достигается посредством удивления. Психологическая, эстетическая и этическая оценка продолжают преобладать, что дает нам повод говорить о данных классах как о неотъемлемом признаке сказок вообще. Как тенденция всего XX века, в данной эпохе продолжает преобладать второй класс эмоций, несущий в себе практицизм, вещизм и деятельностный подход к окружающему миру.

Итак, эпохи меняются, авторы сказок пытаются быть оригинальными, но для самих сказок остается неизменным их психологизм, выстраивание этической системы и четкое разграничение мира Добра и Зла. И нам следует помнить об утверждении О. Конта в «Курсе положительной философии»: не человечество следует определять исходя из человека, а, напротив, человека – исходя из человечества. Соответственно, человечество определяет человека, наполняя его теми или иными ценностными ориентирами, транслируемыми через различные культурные артефакты.

ВЫВОДЫ к ГЛАВЕ 3

1. Категория эмотивности реализуется в текстах литературной сказки на разных языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Лексический уровень является наиболее существенным при выражении языковой эмотивности в текстах литературной сказки.
2. Среди всех средств репрезентации эмоционального состояния персонажа (фонетических, морфологических, лексических и синтаксических) названия эмоции занимают главное место в тексте литературной сказки, так как наиболее точно и однозначно передают эмоциональное состояние героя. При анализе состава и количества тех или иных номинативов-эмоций в тексте литературной сказки выделяются следующие пять групп основных эмоции: *радость, жалость, страх, любовь, удивление*, интенсивность проявления которых отражена на языковом уровне
3. Основными репрезентантами эмоций в тексте литературной сказки являются номинативы (30%), предикаты (37,5%) и адъективы (25,5%).
4. Преобладание в текстах литературных сказок положительных эмоций соответствуют тенденциям русского языка (в словаре отмечается исследователями преобладание отрицательных дефиниций, а в речи - положительных).
5. Согласно распределению эмотивных и оценочных единиц выявляется аксиологическая и эмоциональная эволюция русской литературной сказки. Развитие литературной сказки ознаменовано постепенной сменой идеального мира вещественным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние десятилетия проблема репрезентации эмоции и оценки в языке и речи все больше привлекает внимание исследователей из разных областей науки, что обусловлено их важностью в становлении и развитии личности. Мир эмоций и мир ценностей формируется в детстве, и первые книги, с которыми знакомится ребенок, вместе с другими факторами: социальная среда и биогенетический потенциал - определяют его развитие. Именно поэтому значимо изучение эмоции и оценки в тексте литературной сказки, которая является первичной мифологической системой в мире ребенка. Языковые единицы, репрезентирующие эмоции и оценку, взаимодействуют и усиливают общее эмоциональное и оценочное содержание текста, причем в сильном художественном дискурсе единицы всех уровней направлены на ориентацию смыслового единства текста (Л. М. Кольцова, М. Ю. Сидорова). В связи с этим актуальными задачами является изучение средств и способов репрезентаций эмоции и оценки в тексте литературной сказки, а особенно рассмотрение лексического уровня языка как основного в обозначении и передаче данных категорий в тексте.

Категории эмотивности и оценочности были исследованы нами на материалах произведений разных исторических периодов. В нашей диссертационной работе были впервые рассмотрены обозначенные категории в текстах литературной сказки конца XVIII – начала XXI вв. Эмотивность и оценочность являются полистатусными категориями и реализуются в текстах литературной сказки на разных языковых уровнях. В диссертации предлагается анализ категорий эмотивности и оценочности на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Оценка отражает ценностное отношение к окружающей действительности и предполагает процесс сопоставления с неким образцом (идеалом), субъект, объект, основание и предикат оценки. Среди особенностей репрезентации категории оценки в текстах литературной сказки стоит отметить строгое разграничение и преобладание Добра над Злом и хорошего

над плохим. Это соответствует особенностям взаимодействия ребенка с окружающим его миром: окружающая действительность характеризуется строгим разделением плохого и хорошего, правильного и неправильного, правдивого и лживого, доброго и злого, красивого и страшного и т. п. В то же время в исследуемых произведениях нами отмечен ряд лексем, для которых свойственно явление энантиосемии, это такие своеобразные «двойные стандарты». Основным языковым уровнем репрезентации категории оценочности в текстах литературной сказки является лексический. Основными же группами частных оценок являются эстетическая (15,68%), этическая (31%) и психологическая (33,53%). Именно поэтому литературную сказку можно назвать одним из «воспитателей» ребенка.

Как и оценка, эмоция выявляет нечто существенное, важное в жизни человека. Эмоции отражают и показывают значимость определенных внешних и внутренних ситуаций. Для литературных сказок характерно преобладание пяти эмоций: *радость, страх, любовь, удивление* и *жалость*, которые репрезентируются в тексте разными языковыми средствами. Каждой из этих эмоций принадлежит своя роль в становлении личности.

Эмоция радости – положительная эмоция, которая характеризуется переживанием удовлетворенности самим собой и (или) внешним миром. Испытываемая эмоция радости даже на физиологическом уровне способствует улучшению физического состояния человека. В тексте литературной сказки следующим образом представлена эволюция употребления эмотивной лексемы «радость» (от общего числа употребления основных эмотивных лексем в тексте литературной сказки): конец XVIII века – 14,6%, XIX век- 19,5%, конец XIX – начало XX веков – 25,7%, XX век – 32,6%, конец XX – начало XXI веков – 35,2%.

Чувство жалости предполагает наличие как минимум двух субъектов: один субъект страдает, а другой испытывает душевные муки. Учитывая специфику исследуемого материала – сказка, одной из главных задач которой является воспитание, мы относим данную эмоцию к положительным. В тексте

литературной сказки следующим образом представлена эволюция употребления эмотивной лексемы «жалость» (от общего числа употребления основных эмотивных лексем в тексте литературной сказки): конец XVIII века – 17,2%, XIX век- 19,5%, конец XIX – начало XX веков – 11,9%, XX век – 12,3%, конец XX – начало XXI веков – 5,8%.

Страх – отрицательная эмоция, которая складывается из физиологических изменений, экспрессивного поведения и переживания, происходящего из-за возможной угрозы или опасности. В тексте литературной сказки следующим образом представлена эволюция употребления эмотивной лексемы «радость» (от общего числа употребления основных эмотивных лексем в тексте литературной сказки): конец XVIII века – 6,6%, XIX век- 17,5%, конец XIX – начало XX веков – 26%, XX век – 12,3%, конец XX – начало XXI веков – 16%.

Любовь – положительное чувство, которое также развивает правильную гармоничную личность. Важным в характеристике данной эмоции является объект, то есть то, что вызывает любовь и привязанность. В тексте литературной сказки следующим образом представлена эволюция употребления эмотивной лексемы «радость» (от общего числа употребления основных эмотивных лексем в тексте литературной сказки): конец XVIII века – 49%, XIX век - 25,1%, конец XIX – начало XX веков – 25,7%, XX век – 22,5%, конец XX – начало XXI веков – 13,5%.

Удивление, представляя собой кратковременное переживание, занимает промежуточное положение между отрицательными и положительными эмоциями. Данная эмоция, как утверждали еще античные философы, способствует познанию. В тексте литературной сказки следующим образом представлена эволюция в употреблении эмотивной лексемы «радость» (от общего числа употребления основных эмотивных лексем в тексте литературной сказки): конец XVIII века – 12,6%, XIX век – 18,4%, конец XIX – начало XX веков – 10,7%, XX век – 12,3%, конец XX – начало XXI веков – 5,8%.

Для литературной сказки важно не только то, какие выраженные дифференциальными языковыми средствами эмоции преобладают в тексте, но и то, что их вызывает. Рассматривая тексты литературных сказок с момента их появления до сегодняшнего дня, мы должны отметить тревожную особенность: языковое воплощение мира высших, духовных ценностей всё больше сменяется отражением и описанием мира вещественного. Следовательно, сегодняшний герой литературной сказки чаще всего становится не носителем духовных и нравственных устремлений, он все больше ориентирован на материальные ценности. Героя современных детских литературных сказок радуют, интересуют, повергают в уныние, волнуют, представляются ему смешным **предметы материального мира**, и это более всего характеризует его сущность, его характер, его индивидуальность. Таким образом, современная литературная сказка, особенно на стыке веков XX и XXI, в большей степени способна воспитывать человека материального мира, чем духовного.

Исследованный материал позволяет сделать вывод о многообразии способов языковых средств передачи эмоции и оценки в текстах литературной сказки конца XVIII – начала XXI вв. Результаты проведенного исследования могут быть использованы не только в курсах лингвистики, в том числе лингвистики текста, но и в курсах изучения детской литературы, а также в рамках спецкурсов по эмотивной и оценочной семантике.

Перспективы исследования нами видятся в дальнейшем исследовании категорий эмотивности и оценочности, служащих средством номинации в фольклорной и литературной сказке, в том числе переводной, в целях выявления корпоративного взаимодействия единиц всех языковых уровней и описания динамики системно представленных средств, способов и приемов реализации национально-культурных представлений в ценностной картине мира.

Список использованной литературы:

1. Алексеева В.Е. Эстетическая оценка в мире языковой личности: автореф. дис. … канд. филол. наук.: 10.02.19/ В.Е. Алексеева. - Москва, 2009. - 26с.
2. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс: учебное пособие для студентов филологических специальностей высших учебных заведений /Н.Ф. Алефиренко. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.
3. Алещенко Е.И. К вопросу о соотношении сказки и мифа / Е.И. Алещенко // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. – Сер. «Филологические науки». - 2008. – № 7 (31). - С. 7-11
4. Андрусенко В.А. Социальный страх (опыт философского анализа)/ В.А. Андрусенко. -Свердловск: Изд-во Свердловского ун-та, 1991. - 172 с.
5. Анисимова А.В. Особенности функционирования английских эмотивных прилагательных в гендерном аспекте (на материале женских журналов и романов): автореф. дис….канд. филол. наук: 10.02.04/ А.В. Анисимова. – Санкт-Петербург, 2010. – 19с.
6. Апресян Ю.Д. Избранные труды в 2-хтт./ Ю.Д. Апресян. - М.: Школа «Языки русской культуры». - Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. - 1995. - 766 с.
7. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. - М.: Изд-во Ин-та философии АН СССР, 1984. - Т. 4: Никомахова этика. - 830 с.
8. Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература: Учебник для студентов высших и сред. пед. учеб. заведений/ И.Н. Арзамасцева, С.А. Николаева. - М.: ACADEMIA: Высшая школа, 2000. - 471 с.
9. Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1985. – № 3. – С. 13 – 24.
10. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт/ Н.Д. Арутюнова. - М.: Наука, 1988. - 340 с.
11. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека/ Н.Д. Арутюнова. - 2-е изд., испр. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 896 с.

12. Арутюнова Н.Д. О стыде и совести/ Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки этики. - М.: Языки русской культуры, 2000. - С. 54-78.
13. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке/ Л.Г. Бабенко. - Свердловск: УралГУ, 1989. – 189с.
14. Багдасарова Н.А. Соотношение вербализованных эмоций в русском и английском языках: дис. …канд. филол.наук: 10.02.19. / Н.А. Багдасарова. - Москва, 2004. - 208с.
15. Балли Ш. Язык и жизнь / Пер. с фр. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 232с.
16. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика./ Р. Барт. - М.: Прогресс, 1989. – 619с.
17. Барт Р. Мифологии / пер. с фр. – М.: Академ.проект, 2010. – 320с.
18. Бартель В.В. Текст детского художественного произведения как культурологический портрет эпохи. автореф. дис.…канд. филол. наук: 24.00.01./ В.В. Бартель. – Саратов, 2002. - 19с.
19. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества/М.М. Бахтин. - М., 1979. – 416с.
20. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений/ В.Г. Белинский. - М.: АН СССР, 1953
21. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе)/ В.П. Белянин. - М.: Тривола, 2000. - 248с.
22. Блох М.Я. Структура и семантика оценочной конструкции/ М.Я. Блох, Н.В. Ильина// Функциональная семантика синтаксических структур/ МГПИ. – М., 1986. – С. 14-23
23. Богатырева Н.Ю. Литературная сказка В. П. Крапивина: автореф. дисс…. канд. филол. наук: 10.01.01/ Н.Ю. Богатырёва. -М., 1998. – 23с.
24. Брауде Л.Ю. К истории понятия «литературная сказка»/Л. Ю. Брауде // Известия АН СССР. Сер. Лит. и яз. - 1977. - № 3. - С. 224-236.

25. Брауде Л.Ю. Скандинавская литературная сказка / Л.Ю. Брауде. – М.: Наука, 1979. - С. 6-7
26. Бритаева А.Б. Литературная сказка: Проблема дефиниции/А.Б. Бритаева // Известия СОИГСИ. - 2011. - Вып. 6 (45). - С. 63-68
27. Булдаков В.А. Стилистически сниженная фразеология и методы ее идентификации (на материале современного немецкого языка): Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04./В.А. Булдаков. - Калинин, 1982. – 16с.
28. Буянова Л.Ю., Нечай Ю.П. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации / Л.Ю. Буянова, Ю.П. Нечай. - Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. – 277 с.
29. Вайгла Э.А. Эмоциональная лексика современного русского языка и проблемы ее перевода (на русско-эстонском материале): автореф. дисс. ... канд. филол. наук/Э.А. Вайгла. - М, 1978. - 21 с.
30. Вансяцкая Е.А. Роль невербальных и вербальных компонентов коммуникации в текстах, отражающих эмоциональные реакции человека, и их соотношение (на материале английского языка): Автореферат дисс… канд.филол.наук: 10.02.0/ Е.А. Вансяцкая. - Иваново, 1999. -22с.
31. Васильев Л.М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики / Л.М. Васильев. - Уфа: РИО БашГУ, 2006. -524с.
32. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. / Б.М. Величковский. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. – 448 с.
33. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография/ В.В. Виноградов. - М.: Наука, 1977. - 312 с.
34. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки/ Е.М. Вольф. – М., 1985.
35. Вставский А.Н. Коннотативный компонент: проблемы интерпретации [Электронный ресурс] /А. Н. Вставский // Вестник Омского государственного педагогического университета: электронный научный

журнал. - Вып. 2006. URL: http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-29.pdf (дата обращения: 18.09.2012).

36. Вундт В. Простые чувства, аффекты, настроения/ В. Вундт // Психология мотивации и эмоций. - М.: ЧеРо, 2002. - С. 80-90.
37. Вундт В. Психология душевных волнений /В. Вундт // Психология эмоций. Тексты. М., 1984. С. 83-92.
38. Гаврин С.Г. Фразеология современного русского языка (в аспекте теории отражения): учеб. пособие по спецкурсу для филологов/С.Г. Гаврин. – М.: Высшая школа, 1969. – 231с.
39. Гак В.Г. Проблемы коммуникативной лингвистики /В.Г. Гак // Вопросы языкознания. - 1979. - № 6. -С.51-63.
40. Гак В.Г. Языковые преобразования/ В.Г. Гак. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. - 768 с.
41. Галиев М.Х. Функционально-семантическое поле чувств (на примере арабского языка):автореф. дис. … канд. филол. наук:10.02.19/ М.Х. Галиев. - М., 2005. – 21с.
42. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке/ Е.М. Галкина-Федорук// сборник статей по языкознанию, посвящ. профессору Московского университета академику В. В. Виноградову в день его 60‑летия. - М., 1958. - 199 с.
43. Герасименко Н.А. Бисубстантивный тип русского предложения/ Н.А. Герасименко. -М.: МПУ, 1999. - 136с.
44. Гибатова Г.Ф. Семантическая категория оценки и средства ее выражения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Г.Ф. Гибатова. - Уфа, 1996. - 15 с.
45. Гильдебранд Д. Что такое философия?/ Д. Гильдебранд. -СПб: Алетейя «Ступени», 1997. - 374 с.
46. Гирц К. Антология исследований культуры/ К. Гирц. – Спб.: 1997. - Т.1: Интерпретации культуры. - СПб: «Университетская книга». – 192с.

47. Гоббс Т. Избранные произведения в двух томах/ Т. Гоббс. - М., 1964. – Т.1. - 583 с.
48. Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка/И.Б. Голуб. – М.: 1986. – 448с.
49. Гриднева Т.В. Фразеологические средства выражения категории интенсивности на материале современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 /Т.В. Гриднева. - Волгоград, 1997. – 48с.
50. Декарт Р. Избранные произведения/ Р. Декарт. - М.: Госполитиздат, 1950. -712 с.
51. Декарт Р. Сочинения/Р. Декарт//Собр.соч.: в 2 т. - М: Мысль, 1989. - Т. 1. - 654 с.
52. Декарт Р. Страсти души /Р. Декарт// Психология мотивации и эмоций. - М.: ЧеРо, 2002. - С. 39-48
53. Джежер Н.С. Феномен Эроса в эстетике Владимира Соловьева (заметки на полях «Смысла любви») [Текст] / Н.С. Джежер // Искусство после философии. Материалы всероссийской конференции 20-21 ноября 2009 года. – СПб., 2010. – С. 66-70
54. Додонов Б.И. Эмоции как ценность/Б.И. Додонов. - М., 1978. – 272с.
55. Докучаев И.И. ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры/И.И. Докучаев. — СПб: Наука, 2009. — 595 С.
56. Дронова Л.П. Общая положительная оценка и норма: диахронический аспект/ Л.П. Дронова // Вестник Томского государственного университета. Филология: научный периодический журнал. – 2007. – № 1. - с. 6 - 10.
57. Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект/ Л.П. Дронова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 256 с.
58. Дронова Л.П. Языковая история понятия «хороший» и «плохой» славянской традиции в контексте евроазиатского диалога /Л.П. Дронова//

Вестник НГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. - Т.4, вып. 1. - Новосибирск, 2006. - С. 70-79

59. Жданова В.И.Семантическое поле этической оценки в его историческом развитии (На материале русского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01/В.И. Жданова. - Уфа, 2004. - 389 с.
60. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография / М.Р. Желтухина. – Москва-Волгоград, 2003. – 656 с.
61. Жиляков А.С. Жанровое своеобразие литературной сказки рубежа XIX-XX веков («Посолонь» А. М. Ремизова – «Пак с Волшебных Холмов»): автореферат дисс.… канд. филол. наук: 10.01.01/А.С. Жиляков. – Томск, 2008. - 23с.
62. Зворыгина О.И. Русская литературная сказка: речевые параметры жанра: автореф. дисс. … докт. филол. наук: 10.02.01/ О.И. Зворыгина. – Екатеринбург,2012. - 34с.
63. Зворыгина О.И. Эволюция языка и стиля русской литературной сказки XVIII – XX: автореф. дисс. … докт. филол. наук: 10.02.01/ О.И. Зворыгина. - Сургут, 2009. – 34с.
64. Зотова А.Б. К вопросу о соотношении категорий «эмоциональность», «эмотивность», «экспрессивность»/ А.Б. Зотова //Известия ВГПУ. – 2010. - №2. - С.14-17
65. Золотова Н.О. Эмоциональная значимость единиц ядра лексикона носителя английского языка/ Н.О. Золотова// Психолингвистические проблемы семантики. - Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1990. - С. 83-88.
66. Зульцер И.Г. О полезном с юношеством чтении древних классических писателей мнение с немец. на российск. яз. переведенное Дм. Семеновым. – Изд.2-е. – М.: тип. Комп.типографич., 1787.
67. Иванова Г.Ф. Ментальные сферы языка: оценка/ Г.Ф.Иванова. - Уфа: Изд-во БГПУ им. М. Акмуллы,2007. - 124 с.

68. Ивин А.А. Основания логики оценок/ А.А. Ивин. - М.: Изд-во МГУ, 1970. - 230 с.
69. Ивин А.А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы/ А.А. Ивин // Философский журнал. - 2010. - № 1. [Электронный ресурс] URL: http://www.intelros.ru/readroom/fg/fj-1-4-2010/7811-sovremennaya-aksiologiya-nekotorye-aktualnye-problemy.html
70. Изард К.Э. Эмоции человека/К.Э. Изард. - М.: Изд-во МГУ, 1980. - 440с.
71. Изард К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард. – СПб.: Питер, 2012. – 464с.
72. Ионова С.В. Когнитивный подход к исследованию текстовой эмотивности /С.В. Ионова// Вестн. ВолГУ. Сер. 2, Филология. Журналистика. - 2000. - Вып.5. - С. 116 – 121.
73. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дисс… канд. филолог. наук: 10.02.19. /С.В. Ионова. – Волгоград, 1998. – 197 с.
74. Иорданская Л.К., Мельчук И.А. Коннотация в лингвистической семантике/ Л.К. Иорданская, И.А. Мельчук// WienerslawistisherAlmanach. Wien. - 1980. - Bd 6. -S. 191-210.
75. Каган М.С. Философская теория ценности/ М.С. Каган. - СПб.: ТОО ТК «Петрополис»,1997. – 387с.
76. Калимуллина Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронический аспекты (с привлечением материала славянских языков): дисс. … докт. филол. наук: 10.02.01/Л.А. Калимуллина. –Уфа,2006.- 556с.
77. Кант И. Сочинения/ И. Кант// Собр. соч.: в 6 т. - М: Мысль, 1965
78. Капацинская Е.В. Определение выразительности и способы ее усиления / Е.В. Капацинская // Проблемы экспрессивной стилистики. - Ростов-на-Дону, 1987. - С. 24—30.
79. Капустина З.Я. Нравственность как этическая структурированность человеческого бытия/ З.Я. Капустина//Знание. Понимание.Умение. – 2011.- №2. - с. 56-61

80. Карамова А.А. Категория оценки в современном русском языке: учеб.пособие/ А.А. Карамова. - Башк. гос. ун-т. – Уфа, 2003. – 51 с.
81. Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / Колл. монография/ Отв. ред. З. И. Резанова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 354 с.
82. Кинцель А.В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора: автореф. дис. … канд. филол.наук: 10.02.19/А.В. Кинцель. - Барнаул, 1998. – 25с.
83. Кирьякова А.В. Аксиология образования. Ориентация личности в мире ценностей: монография / А.В. Кирьякова. – М.: Дом педагогики. ИПК ГОУ ОГУ, 2009. – 318 с.
84. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И.М. Кобозева// Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. - 2001. - № 6. – С.132-149
85. Ковшиков В.А., Глухов В.П. Психолингвистика. Теория речевой деятельности / В.А. Ковшиков, В.П. Глухов. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 318с.
86. Кожина М.Н. О языковой и речевой экспрессии и ее экстралингвистическом обосновании / М.Н. Кожина // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1987. - 210 с.
87. Колшанский Г.В. Контекстная семантика /Г.В. Колшанский. - М., 1980. – 154с.
88. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М.: КомКнига, 2005. – 232 с.
89. Кольцова Л.М. Пунктуационный эксперимент в художественном тексте: автореф.дис. …д-р филол.наук: 10.02.01./Л.М. Кольцова. – Воронеж, 2007. – 52с.

90. Кольцова Л.М. Пунктуация художественного текста: теория, практика, интерпретация/ Л.М. Кольцова. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012. – 228с.
91. Корепова К.Е. У самых истоков / К.Е. Корепова // Лекарство от задумчивости Русская сказка в изданиях 80-х годов XVIII века. - СПб. Тропа Троянова, 2001. - С. 14.
92. Коростова С.В. Эмотивность как функционально семантическая категория: к вопросу о терминологии / С.В. Коростова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. СПб.. – 2009. - № 103. – С. 85-93.
93. Космеда Т.А. Аксиологические аспекты прагмалингвистики: формирование и развитие категории оценки/ Т.А. Космеда. – Львов, 2000. – 350с.
94. Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б. Учебное пособие для аспирантов/ В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш, Т.Б. Фахти. - Ростов н/Д: Феникс, 2004. — 608 с.
95. Кравцова В.Ю. Энантиосемия лексических и фразеологических единиц: язык и речь: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19/ В.Ю. Кравцова. - Ростов-на-Дону, 2006. – 26с.
96. Красильникова В.Г. Психолингвистический анализ семантических трансформаций при переводе и литературном пересказе художественного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/В.Г. Красильникова. - М., 1998. – 237с.
97. Крейдлин Г.Е. Национальное и универсальное в семантике жеста/ Г.Е. Крейдлин // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. - М.: Инд-рик, 1999. - С. 170-185.
98. Кретов А.А., Подтележникова Е.Н. Общая лексикология: учебное пособие по специальности 031301 - Теоретическая и прикладная лингвистика / Воронеж. гос. ун-т; сост. А.А. Кретов, Е.Н. Подтележникова. – Воронеж: ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2010. – 88 с.

99. Кудрявцева Е.Б. Для сердца и разума: Детская литература в России XVIII в. – СПб: Нестор-История, 2010. – 180с.
100. Кузнецова Н.Н. Категория экспрессивности и связанные с нею понятия / Н.Н. Кузнецова// Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. Оренбург, 2007. - № 4(50). - С. 63—74.
101. Кузнецова Н.Н. Средства создания экспрессивности в русской поэзии XX века:автореф. дисс. … докт. филол. наук:10.02.01./ Н.Н. Кузнецова. – Москва,2011. - 42 с.
102. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. пособие/А. В. Кунин. - М.:Высш. шк., 1986. – 381с.
103. Курганов Н.В. Письмовник, содержащий в себе науку российскаго языка со многим присовокуплением разнаго учебнаго и полезно забавнаго вещесловия/ Н.В. Курганов. - 4-е изд. Вновь выправленное, приумноженное и разделенное в две части, профессором и кавалером Ник. Кургановым. - СПб., при Имп. Акад.наук, 1790
104. Курилович Н.В. Реализация эстетической функции языка в рекламе // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: междунар. науч. конф. (Казань, 11-13 дек. 2001 г.): труды и материалы: в 2-х т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. - Т.1. - С. 29-30.
105. Ланге К.Г. Аффекты / К.Г. Ланге. - СПб., 1890. – 169с.
106. Ларина Т.В. Выражение эмоций в английской и русской коммуникативных культурах/ Т.В. Ларина // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности: Сб. науч. тр. - Волгоград: Изд-во ЦОП «Центр», 2004. - С. 364.
107. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции/А.Н. Леонтьев // Психология эмоций. - М., 1984. - С. 162-171.
108. Леонтьев А.Н. Эмоции / А.Н. Леонтьев// Философская энциклопедия. - Т. 5. - М., 1970. - С. 553.

109. Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки/М.Н. Липовецкий. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 328с.
110. Лоренц К. Агрессия/К. Лоренц. - М.: Прогресс, 1994. - 272 с.
111. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / Лосев А.Ф.// Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль, 1994. – 558с.
112. Лукьянова Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность / Н.А. Лукьянова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск. - 1976. - Вып. 5. - С. 3-21.
113. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики/Н.А. Лукьянова. - Новосибирск: Наука, 1986. - 228 с.
114. Лукьянова Н.А. Экспрессивность как семантическая категория / Н.А. Лукьянова// Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. - Новосибирск, 1991. - С. 3—23
115. Лупанова И.П. Русская народная сказка в творчестве писателей 1-ой половины XIX века / И.П. Лупанова - Петрозаводск- гос. Изд-во Карельской АССР, 1959. - 149с.
116. Лупанова И.П. Современная литературная сказка и ее критики/ И.П. Лупанова// Проблемы детской литературы: межвузовский сборник. - Петрозаводск, 1981- с.76-90.
117. Лушникова А.В. Мифосказкотворчество как целеустановка и метод миропонимания и познания/ А.В. Лушникова// Вестник ЧГАКИ. - №1. Челябинск, 2010 – С. 82-89.
118. Маслова С.А. Художественный мир русской современной литературной сказки для детей (на материале сказок Э. Н. Успенского, А. А. Усачева, Л. Е. Улицкой): автореф. дис. …канд. филол.наук: 10.01.01/ С.А. Маслова– Москва, 2014. -32с.
119. Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке / Т.В. Маркелова // Филологические науки. - 1996. — №1. — С. 80-99.

120. Марченко С.В. Категории эмотивности и экспрессивности в повестях и рассказах И. С. Тургенева 1871-1882 гг. Автореф. дисс.. канд. филол. наук/С.В. Марченко. - Самара, 2001.

121. Мелетинский Е.М. Миф и сказка /Е.М. Мелетинский // Фольклор и этнография. Л., 1970. – 342с.

122. Мельникова В.С. Синонимы-репрезентанты концепта «жалость» в лексикографическом аспекте / В.С. Мельникова // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». - Вып. 2. - 2010. - С. 59-63.

123. Мечковская К.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учебное пособие/ К.Б. Мечковская. - 2-е изд. - М.: Флинта, Наука, 2001. -312 с.

124. Мокрова О.Р. Полистатусная презентация категории эмотивности в эмотиологии // Вестн. Башкирского ун-та. - 2008. - Т. 13, № 3. - С. 559-561; [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bashedu.ru/vestnic/2008-3/26.doc (05.03.09).

125. Мошняга Е.В. Философско-этические аспекты межкультурной коммуникации/ Е.В. Мошняга// Электронный ресурс: URL: http://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-eticheskie-aspekty-mezhkulturnoy-kommunikatsii

126. Мулляр Л.А. Авторская сказка: философо-антропологические смыслы: автореферат дисс. … канд.философ. наук: 09.00.13./ Л.А. Мулляр. – Ставрополь,2006 – 23с.

127. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19./ Елена Юрьевна Мягкова. - Москва, 2000.- 247с.

128. Немов Р.С. Психология: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн./Р.С. Немов — 4-е изд. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. - Кн. 1: Общие основы психологии. — 688 с.

129. Никитин М.В. Лексическое значение слова/ М.В. Никитин. - М.: Высшая школа, 1983. - 125 с.

130. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ницше. Ф.// Сочинения в 2-х тт. - Т. - М.: Мысль, 1990.

131. Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка XX века: История, классификация, поэтика: Учебное пособие/Л.В. Овчинникова. - М.: Флинта: Наука, 2003. – 479с.

132. Павлова Н.М. О соотношении понятий «экспрессивность» и «эмоциональность» и об уточнении их лингвистической сущности / Н.М. Павлова // Проблемы экспрессивной стилистики. - Ростов-на-Дону, 1987. - С. 47—54.

133. Попкова Т.Д. Мир детства в контексте философской антропологии: дис. …докт.философ.наук: 09.00.13./ Т.Д. Попкова. – Москва, 2014. – 295с.

134. Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н. Добро и зло в этической психологии личности/ Л.М. Попов, О.Ю. Голубева, П.Н. Устин. –М.: Институт психологии РАН, 2008. -240с.

135. Потебня А.А. Теоретическая поэтика/ А.А. Потебня. - М.: Высшая Школа, 1990. - 344с.

136. Прокахина Д.А. Семиотические особенности системы междометий современного испанского языка: автореферат дисс. … канд. филол. наук: 10.02.05/Д.А. Прокахина. - Санкт-Петербург,2012 – 18с.

137. Пропп В.Я. Русская сказка/В.Я. Пропп. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 242с.

138. Путляева Л.В. О функциях эмоций в мыслительном процессе/Л.В. Путляева // Вопросы психологии. - 1979. - №1. - С. 28-37.

139. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: монография/Т.В. Романова. - Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. - 310 с.

140. Ромашова И.П. Экспрессивность как семантико-прагматическая категория высказывания: автореф. дис.. канд. филол. наук: 10.02.01 / И.П. Ромашова. - Барнаул,2001. - 23с.

141. Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена / С.Л. Рубинштейн// Историко-философский ежегодник-М.: Наука, 1994 -С.230-259.
142. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т./ С.Л. Рубинштейн. — Т. II. — М., 1989.
143. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии/ С.Л. Рубинштейн. – Издательство: Питер, 2002 г. - 720 с.
144. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии/ С. Л. Рубинштейн. - М.: Педагогика, 1973.-423 с.
145. Рубинштейн С.Л. Эмоции/ С. Л. Рубинштейн // Психология эмоций. Тексты. - М.: Изд-во МГУ, 1993.-С. 160-170.
146. Сандомирская И.И. Эмотивный компонент в значении глагола (на материале глаголов, обозначающих поведение) / И.И. Сандомирская// Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. - М.: Наука, 1991. - с. 114-136.
147. Сафина Э.Ф. Проблемы идентификации эмотивов (на примере семантического поля «печаль» в английском языке)/ Э.Ф. Сафина// Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 25 (240). Серия: Филология. Искусствоведение. - Вып. 58 . - С. 143–146.
148. Сергеева Л.А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа: дисс…докт.филолол наук: 10.02.01./ Л.А. Сергеева. – Уфа,2004. – 316с.
149. Серебренникова Е.Ф. Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов/ Е.Ф. Серебренникова. – М.: Тезаурус, 2011. – 352с.
150. Сидорова М.Ю. Грамматическое единство художественного текста: автореф. дисс. … докт. филол. наук/ М. Ю. Сидорова. – М., 2000. – 32с.
151. Симонов П.В. Потребностно-информационная теория эмоций/ П.В. Симонов // Вопросы психологии. - 1982.- №6. - С. 44-56.
152. Симонов П.В. Теория отражения и психофизиология эмоций/ П.В. Симонов. - М.: Наука, 1970. - 141 с.

153. Симонов П.В. Эмоциональный мозг/ П.В. Симонов. - М.: Наука, 1981. - 215 с.
154. Смирнова Л.Г. Оценка как прагматический сигнал/ Л.Г. Смирнова // Филологические науки. – 2010 - № 5-6. - с. 76-85
155. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования/Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824с.
156. Стернин И.А. Семантическая основа экспрессивного словоупотребления / И.А. Стернин // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов-на-Дону, 1987. - С. 133—137.
157. Стернин И.А. Стурктурная семасиология, оценка и эмоция/ И.А. Стернин // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты: сборник научных трудов. - Волгоград, 2009. – 283с.
158. Стрельницкая Е.В. Лексические средства выражения эмоционального состояния персонажа и особенности их использования при переводе художественных текстов с английского языка на русский / Е.В. Стрельницкая// Вестник Московского Государственного Областного Университета. Серия: Лингвистика. – 2010. – №3. – С. 131-135.
159. Сурат И.З. Русская литературная сказка: История и поэтика / И.З. Сурат // Вопросы литературы, 1984. – № 8. – С. 261–265.
160. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц/ В.Н. Телия. -М.: Наука, 1986. - 142 с.
161. Токарев Г.В. К вопросу типологии культурных коннотаций /Г.В. Токарев// Филол. науки. -1996.- №6.- С. 56 – 60.
162. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты/ Т.А. Трипольская. - Новосибирск, 1999. - 165с.
163. Турбина О.А. Природа эмотивного синтаксиса и его категорий / О.А. Турбина// Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. - 2013.- №2. – С.4-9
164. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т./ К.Д. Ушинский. - М.: «Педагогика», 1988 - 1990.

165. Фомина Ю.А. Аспекты изучения языковой оценки / Ю.А. Фомина // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Выпуск 16. -2007. -№ 20 (93). - С. 149 - 156.

166. Фомина З.Е. Эмоционально-оценочная лексика современного немецкого языка: автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.04/ З.Е. Фомина. - Москва, 1996. - 66 с.

167. Харисов Е.Б. Эмотивность англоязычной детской речи, отраженной в художественной литературе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19./ Е.Б. Харисов. -Волгоград, 2001. - 18 с.

168. Харченко В.К. Взаимодействие коннотативных признаков, созначе-ний в семантике слова/ В.К. Харченко // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983. -С. 47-52.

169. Хван Н.А. Когнитивно-прагматические и эмотивно-экспрессивные свойства междометных единиц в художественном тексте (на материале английского языка): дисс… канд.филол. наук: 10.02.04./ Н.А. Хван. – Тула, 2005. – 215 с.

170. Хомская Е.Д., Батова Н.Я. Мозг и эмоции/ Е.Д. Хомская, Н.Я. Батова. - М.: Изд-во МГУ, 1992. -180с.

171. Худяков И.Н. Об эмоционально-оценочной лексике / И.Н. Худяков// Научные доклады высшей школы. Филологические науки. - 1980. - № 2. - С. 79-82.

172. Хэар Р.М. Дескрипция и оценка/ Р.М. Хэар// Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.XVI. – М.: Прагматика, 1985. – С.183-195.

173. Цой А.И. Нулевая эмотивность/ А.И. Цой//Вестник ВЭГУ. - № 6 (62). - 2012 – С.140- 144.

174. Цоллер В.Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика/В.Н. Цоллер // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. - 1996. - № 6. - С. 62-71.

175. Чапля Т.В. Аксиология информационного взаимодействия: теоретико-методологический анализ / Т.В. Чапля . - Новосибирск: Наука, 2006. - 243 с.

176. Чекулай И.В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка: дисс. … д-ра филол. наук: 10.02.04. / И.В. Чекулай. – Белгород, 2006. – 473 с.

177. Черемисина М.И. Экспрессивно-лексический фонд русского языка / М.И. Черемисина, О.А. Рыжкина // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. - Новосибирск, 1977. - Вып. 6. - С. 3—24.

178. Черемисина М.И. Экспрессивный фонд и пути его изучения / М.И. Черемисина // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. - Новосибирск, 1979. - Вып. 8. - С. 3—11.

179. Чернова О.Е. Концепт «труд» как объект идеологизации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01/О.Е. Чернова. - Екатеринбург, 2004 163 с.

180. Шарифуллин Б.Я. Эксплицитная и имплицитная экспрессивность лексической единицы/ Б.Я. Шарифуллин // Явление вариативности в языке. Кемерово: КемИздат, 1997. - С. 142— 144.

181. Шаховский В.И. В начале была… эмоция / В.И. Шаховский// Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации» [Электронный ресурс]. – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2008. – № 2 (11). http://www.tverlingua.by.ru рег. номер 04200800038/0015

182. Шаховский В.И. Категоизация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 192 с.

183. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография / В. И. Шаховский. – М.:Гнозис, 2008. – 416 с.

184. Шаховский В.И. Ономасиологический и семасиологический аспекты экспрессивности / В.И. Шаховский // Проблемы экспрессивной стилистики. - Ростов-на-Дону, 1987. - С. 40—47

185. Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В.И. Шаховский. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 128 с.
186. Шинкаренко В.Д. Смысловая структура социокультурного пространства. Миф и сказка / В.Д. Шинкаренко. - М.: КомКнига, 2005. — 208 с.
187. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка/ Д.Н. Шмелев. - М., 2003. - С. 106.
188. Шмелев А.Г., Похилько В.И., Козловская-Тельнова А.Ю. Практикум по экспериментальной психосемантике. Тезаурус личностных черт/ А.Г. Шмелев, В.И. Похилько, А.Ю. Козловская-Тельнова. - М.: Изд-во МГУ, 1988. – 232с.
189. Шрейдер Ю.А. Утопия или устроительство (вводная статья) / Ю.А. Шрейдер// Глобальные и общечеловеческие ценности / пер с. англ. и фр.; сост. Л.И. Василенко,В. Е. Ермолаевой; ввод. ст. Ю.А. Шрейдера. - М.: Прогресс, 1990. - С. 7–25.
190. Шустов М.П. Сказочная традиция в русской литературе XIX века- Русская литература: автореферат диссертации на соискание ученой степени: 10.01.01. /М.П. Шустов. -Нижний Новгород, 2003 -58с.
191. Элиаде М. Космос и история / М. Элиаде. – М.: Прогресс, 1987. – С. 94.
192. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика/Р. Якобсон// Структурализм «за» и «против». - М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
193. Ярмыш Ю. О. О жанре мечты и фантазии/Ю. О. Ярмыш// Радуга. - Киев, 1972 - №11. – С. 173-179
194. Mathews A., Ridgeway V, Holmes E. Feels like the real thing: Imagery is both more realistic and emotional than verbal thought, Cognition and Emotion / A. Mathews, V. Ridgeway, E.Holmes. -2013. – 227. – P.217-229
195. Ekman P., Friesen W.V. The repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage and coding / P. Ekman, W.V. Friesen // Semiotica, 1969. - №1. - P.49–98.

196. Gates P., Steffel S., Molson F. Fantasy Literature for Children and Young Adults/ P. Gates,S. Steffel, F. Molson. - The Scarecrow Press, 2003. - 176 p.
197. Goleman D. Emotional Intelligence. Why it can matter more than IQ/ D. Goleman. - N.Y.; London: Bantam Books, 1997 – 323p.
198. Hare, R.M. The Language of Morals (Orig. 1952)/ R.M. Hare. – Oxford, 1972. – 202 p.
199. Hunt P. An Introduction to children's literature/ P.Hunt. - Oxford, New York: Oxford UP, 1994. - 241 p.
200. Noth W. Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words / W. Noth // Proceedings. – Tübingen: Niemeier, 1992. – 453p.
201. Nygren A. Agape and Eros/ A. Nygren. - Philadelphia,Wesminster press – 1953. – 764p.
202. Gates P.S, Steffel S.B., Molson F.J. Fantasy Literature for Children and Young Adults/ P. S. Gates, S. B. Steffel, F. J. Molson. -The Scarecrow Press, 2003. – 170p.
203. Hofstede G. H. Culture`s consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations/ G.H. Hofstede. - Sage Publications, 2001. – 456p.
204. Sandig B. Formel des / B. Sandig // Christine Palm (Hrsg): «Europhras 90». Akten der internationalen Tagung zur germanistischen Phraseologieforschung. – Aske, Schweden 12.-15. Juni 1990. (Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Germanisticf Upsaliensia; 32): Uppsala, 1991. – S. 225 –
205. Kierkegard S. Der Begriff Angst/ S. Kierkegard. – Dusseldorf : Diederichs, 1958. – 280p.

Список использованных словарей

1. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. - 2-е изд., перераб. и доп. - М., СПб, 1997.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 Т. - М., 1955.
3. Лингвистический энциклопедический словарь/ под ред. В. Н. Ярцева. - Из-во: М.: Советская Энциклопедия , 1990 - 658 с.
4. Мюллер В. К. Большой англо-русский словарь в новой редакции/ В.К. Мюллер. – М.: Цитадель-трейд, 2008. – 831с.
5. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. - 552с.
6. Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. - М.: Педагогика-Пресс, 1999. -440 с.
7. Словарь Академии Российской: В 6 т. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1794. – Т. 6. – 600 с.
8. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
9. Словарь синонимов русского языка: В 2 Т. Под ред. А.П. Евгеньевой. - Л.: Наука, 1971.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т.2 / под ред. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1967. - 673 с.
11. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. - М.: Рус. яз., 1994. -Т.1. - 623 с.
12. The free dictionary. – http://www.thefreedictionary.com/
13. Wiktionary. A wiki-based Open Content dictionary. – http://www.wiktionary.org/

Список художественной литературы

1. Городок в табакерке. Сказки русских писателей. – М.: Правда, 1989. – 656с.
2. Королевство кривых зеркал Сказки рос. писателей. - М. «ОНИКС XXI век»,2001. - 380с.
3. Литературная сказка пушкинского времени. - М.: Худ. литература, 1988. – 232с
4. Рассказы, повести, сказки. – М.: «Дрофа-плюс», 2005. – 640с.
5. Русская литературная сказка XVIII – XX вв. В 2тт. /Сост. Овчинникова Л. В. – М.: «Дрофа», 2008.
6. Сказки для театра. — М.: «Искусство», 1975. – 232с.
7. Сказки-притчи русских писателей для детей и взрослых. /Сост. прот. И. Лепешинский. – М.: Возрождение, 2009. – 96с.
8. Сказки русских писателей XIX века/ Сост. Журавлев В. П. – М.:«Владос», 2009. – 349с.
9. Сказки русских писателей/ Сост. В. П. Аникин. - М.: Правда, 1985. - 260с.
10. Сказка серебряного века/Сост. Т. Берегулева-Дмитриева. - М.: Терра, 1997. – 212с.
11. Сказки русских писателей [Электронный ресурс] URL: http://skazkinarodovmira.ru/skazki-rus-pisat

- **конец XVIII века:**

12. Екатерина II. Сочинения. Сост., вступит, ст. и прим. В. К. Былинина, М. П. Одесского. - М.: Современник, 1990.
13. Карамзин Н.М.// Избранные сочинения в 2-х томах. – Москва-Ленинград: Художественная литература, 1964.
14. Крылов И.А. Сочинения. В 2-х т. - М., 1984.

- **XIX век:**

15. Вагнер Н.П. Сказки Кота-мурлыки/ Н.П. Вагнер. - М., 1991. – 212с.

16. Гаршин В. Сказка о жабе и розе/ В. Гаршин. – М.: Книжный дом, 2009 – 16с.
17. Даль В.И. Повести, рассказы, очерки, сказки/ В.И. Даль. - Горький, 1981. – 382с.
18. Мамин-Сибиряк Д. Аленушкины сказки/ Д. Мамин-Сибиряк. – М.: Астрель, 2009. – 105с.
19. Михайлов М.Л. Два Мороза/ М.Л. Михайлов. – М.: «Махаон», 2014. -12с.
20. Одоевский В.Ф. Пестрые сказки. Сказки дедушки Иринея/ В.Ф. Одоевский. - М.: Книга, 1993. – 232с.
21. Салтыков – Щедрин М. Е. Собрание сочинений. М., 1975.
22. Сомов О.М. Были и небылицы (сборник)/О. М. Сомов. – М.: Советская Россия, 1984. – 368с.
23. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 12 т.т. М., 1972-1976.
24. Тургенев И.С. Сказки: стихи и сказки для детей: [в 3 ч.] / И. С. Тургенев. – Орел : ООО Издат. Дом "ОРЛИК": Частное изд-во Александра Воробьева "Вариант В", 2005 . – 95 с.
25. Ушинский К.Д. Сказки/К.Д. Ушинский. – М.: Эксмо, 2008. – 80с.

- **конец XIX в. – начало XX вв.**

26. Амфитеатров А. Красивые сказки. – СПб.: Типография товарищества «Труд», 1908. – 248с.
27. Иванова Н. Девочка и белочка. Сказка.— М., 1925.
28. Иванова Н. Про ленивого мышонка Острого Зубренка. Сказочка.—Л.-М., 1925.
29. Ремизов А.М. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.: Русская книга, 2000.
30. Рерих Н.К. Сказки/Н.К. Рерих. – М.: Амрита-Русь, 2007. – 208с.
31. Сологуб Ф. Собр. соч. в 10 т. СПб.,1913
32. Чарская Л.А. Сказки голубой феи/ Л.А. Чарскач.—Спб. - М., Издание Т-ва М.О. Вольф, 1909. – 112с.

33. Чарская Л.А. Дочь сказки. Сказка. // Дошкольное воспитание, 1990, №2, с. 73.
34. Чарская Л.А. Три слезинки королевы. Сказки/Л.А. Чарская.— М.: «Семьи и школы». – 12с.

- **XX век:**

35. Берестов В.Д. Сказки и рассказы о животных/ В.Д. Берестов. – М.: «Лабиринт», 2014. – 112с.
36. Бианки В.В. Лесные домишки/В.В. Бианки. – М.: «Стрекоза», 1999. – 126с.
37. Благинина Е. Стихи и сказки/ Е. Благинина. – М.: Стрекоза, 2010. – 64с.
38. Булычев К. Заповедник сказок/К. Булычев. – М.: «Детская литература», 2013. – 333с.
39. Велтистов Е. Миллион и один день каникул/Е. Велтистов. – М.: «Детская литература», 2008. – 112с.
40. Габбе Т.Г. Сказки/ Т.Г. Габбе. – М.: «Детская литература», 2002. – 248с.
41. Гайдар А. Сказка о Мальчише-Кибальчише/А. Гайдар. – М.: «Стрекоза», 2012. – 64с.
42. Горький М. Собрание сочинений: В 30 т.т. М., 1949-1955 (ИМЛИ)
43. Грибачев Н. Сказки нашего леса/Н. Грибачев. – М.: Алтей, 2014. – 64с.
44. Губарев В. Королевство кривых зеркал/ В. Губарев. – М.: «Эксмо», 2010. – 512с.
45. Заходер Б. Стихи и сказки/Б. Заходер. – М.: «Росмэн - Пресс», 2014. – 144с.
46. Катаев В.П. Цветик-семицветик/ В.П. Катаев. – М.: «Оникс», 2011. – 321с.
47. Короленко В.Г. Собрание сочинений в 6-ти томах. — М., 1971.
48. Крапивин В.П. Стража Лопухастых островов/ В.П. Крапивин. – М.: АСТ, 2006. – 384с.
49. Лагин Л.И. Избранное/ Л.И. Лагин. - М.: Худ. литература,1975. – 623с
50. Михалков С.В. Избранные произведения/С.В. Михалков. – М.: Гослитиздат, 950. – 247с.

51. Могилевская С. Сказка о громком барабане/С.Могилевская. – М.: Детская литература, 1989. – 16с.
52. Мошковская Э. Стихи и сказки/Э.Мошковская. – М.: Стрекоза, 2010. – 64с
53. Носов Н. Приключения Незнайки и его друзей: роман-сказка / Н. Носов. – М.:Дет.лит., 1963. -510с.
54. Олеша Ю. Три Толстяка: роман-сказка / Ю. Олеша. - М.: Стрекоза-ПРЕСС, 2001.- 192 с.
55. Осеева В. Рассказы и сказки/ В. Осеева. – М.: Мир искателя, 2012. – 64с.
56. Остер, Г. Сказки для детей младшего возраста / Г. Остер. - М.: Дет. лит., 1989.- 17 с.
57. Пантелеев Л. Рассказы и сказки/Л. Пантелеев. – М.: Стрекоза-пресс, 2007. – 64с.
58. Паустовский К.Г. Собрание сочинений в 9 т. – 1984
59. Пермяк Е. Рассказы и сказки/Е. Пермяк. – М.: Детская литература, 1971. – 400с.
60. Петрушевская Л.С. Настоящие сказки/ Л.С. Петрушевская. – М.: «Вагриус», 1999. – 398с.
61. Писахов С. Сказки/С. Писахов. - Северо-Западное книжное издательство, 1977. – 12с.
62. Платонов А.А. Собрание сочинений: В 3 т.т. Т.3 М., 1985.
63. Пришвин. М.М. Полное собрание сочинение в 8т.,1983.
64. Сахарнов С. Морские сказки/ С. Сахарнов. – СПб.: «Речь», 2014. – 48с.
65. Сергуненков Б. Сказки/ Б. Сергуненков. - Л., 1990, - 122с.
66. Скребицкий Г. Сказки следопыта/ Г.Скребицкий. – М.: Стрекоза-пресс, 2005. – 64с.
67. Сладков Н., Бианки В., Шим Э., Пришвин М. Сказки русского леса/ Н. Сладков, В. Бианки, Э. Шим, М. Пришвин. – М.:АСТ, 2013. - 272с.
68. Сладков Н. Лесные сказки/ Н. Сладков. – М.: Искатель, 2014. – 48с.

69. Сутеев В. Сказки и картинки В. Сутеева/ В. Сутеев. – М.: АСТ, 2002. – 272с.
70. Телешов Н. Д. Рассказы. Сказки. Легенды/ Н.Д. Телешов. – М.: Детская литература, 1967. – 112с.
71. Токмакова И. П. Вечерняя сказка/ И.П. Токмакова. – М.: «Детская литература», 1983. – 212с.
72. Токмакова И.П. Аля, Кляксич и буква «А» /И.П. Токмакова. - Москва: Самовар, 1996. – 96с.
73. Туричин И. Крайний случай/ И. Туричин. – М.: Академия развития, 2003. – 64с.
74. Успенский Э. Крокодил Гена и его друзья/ Э. Успенский. – М.: «РОСМЭН», 1999. – 108с.
75. Успенский Э. Дядя Федор, пес и кот/ Э. Успенский. – М.: «РОСМЭН», 1998. – 110с.
76. Успенский Э. Иван царский сын и серый волк/ Э. Успенский. – СПб: «Мир ребенка», 1997. – 64с.
77. Успенский Э. Вниз по волшебной реке/ Э. Успенский. – М.: АСТ, 2014. – 174с.
78. Форш О. Сочинения в 4-х т. – М.: гос. изд-во худ.лит-ры, 1956.
79. Шаров А. Мальчик-Одуванчик и три ключика/ А. Шаров. - М., 1972. – 18с.
80. Шаров А. Человек-Горошина и простак/ А. Шаров. М., 1973. – 22с.
81. Шварц Е.Л. Избранное/ Е.Л. Шварц. – СПб: «Кристалл», 1998. – 861с.
82. Шергин Б., Писахов С. Сказы и сказки/ Б.Шергин, С. Писахов. - М., 1983. – 122с.

- **конец XXв. – начало XXIв.**

83. Георгиев С. Чудо-богатыри. Богатырские сказки/ С. Георгиев. – М.: «ТриМаг», 2013. – 80с.
84. Голь Н. Волчонок Ух/ Н. Голь. – СПб.: «Акварель», 2012. – 160с.
85. Егорушкина А. Настоящая принцесса и Бродячий Мостик/ А. Егорушкина. – СПб.: «Прайм- Еврознак», 2008. – 480с

86. Иванов А. Сказки о Хоме и Суслике/ А. Иванов. – М.: «Эксмо», 2014.-56с.
87. Иванов А. Добрые сказки о зверятах/ А. Иванов. – М.: «Росмэн»,2014. – 128с.
88. Кудрявина Т. Как маленькая Баба-Яга Снегурочкой стала [Электронный ресурс] URL: http://fanread.ru/book/2736950/
89. Кутерницкий А.Д. Госпожа Странная Мысль/ А.Д. Кутерницкий. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2006. – 312с.
90. Кутерницкий А.Д. Бабочка и корова/ А.Д. Кутерницкий. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2013. – 128с.
91. Прокофьева С. Остров капитанов/ С. Прокофьева. – М.: НИГМА, 2013. – 152с.
92. Прокофьева С. Ученик волшебника/ С. Прокофьева. – СПб.: «Речь», 2013.-184с.
93. Ракитина Е. Серёжик/ Е. Ракитина. – СПб.: «Речь», 2014. – 112с.
94. Ракитина Е. Приключения новогодних игрушек/ Е. Ракитина. – СПб.: «Речь», 2014. – 96с.
95. Ратникова Т., Богданов В. Ящик иллюзиониста/ Т. Ратникова, В. Богданов. – М.: Детская литература, 2008. – 176с.
96. Сабурова И. Королевство Алых Башен/ И. Сабурова. – М., 2000. – 234с.
97. Усачев А. Сказки/ А. Усачев. – М.: «Эксмо», 2013. – 248с.
98. Харитонов М. Учитель вранья/ М. Харитонов. – М.: Сказки НЛО, 2003.-272с.
99. Чернецов Ю. Яковлев А. Разбитая сказка/ Ю. Чернецов, А. Яковлев. – М.: «Серафим и Софья», 2013. – 48с.
100. Шер А. Попался волчок на крючок/ А. Шер. – М.: «Самовар», 2004.– 96с.
101. Шер А. Пять минут до счастья/ А. Шер. - М.: «Самовар», 2004. – 96с.
102. Шер А. Тридесятые сказки, или вот такие пирожки/А. Шер. – М.: «Самовар», 2007. -96с.